

Спиро Деде

Контрреволюция

В Контрреволюции

Польские события 1980-1983 гг.

Отход от марксизма-ленинизма.

Мшение диалектики. "Солидарность".

ТИРАНА 1984

The electronic version of the book
is created by
<http://www.enverhoxha.ru>

Электронная версия книги
подготовлена сайтом
<http://www.enverhoxha.ru>

СПИРО ДЕДЕ

**Контрреволюция
В
контрреволюции**

(К польским событиям 1980-1983 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «8 НЕНТОРИ»
ТИРАНА, 1984

ВВЕДЕНИЕ

Польский кризис 1980-1982 годов с тех пор, когда он разразился, находится в центре внимания всей мировой общественности. О нем много говорили и продолжают говорить всюду в мире, высказывая и давая самые различные и самые противоречивые мнения, оценки и определения.

Диаметрально противоположной тому, что говорил и говорит буржуазно-ревизионистский мир о характере последних событий в Польше, являлась и является позиция Албанской партии Труда по отношению к ним, их оценка с ее стороны. Еще в самом начале кризиса, в сентябре 1980 года, АПТ отмечала, что забастовочное движение в Польше «вдохновлялось и манипулировалось извне, западной капиталистической буржуазией, всемогущей польской католической церковью и внутренней реакцией ... Оно было направлено против контрреволюционного режима и вдохновлялось контрреволюционными идеями»*.

Последовавшие за ними события полностью подтвердили, что последнее польское движение, как до 13 декабря 1981 года (когда прозападные контрреволюционные силы действовали галопирую-

* «Зери и популлыт», 7 сентября 1980 г.

щими темпами и были близки к осуществлению своих целей), так и с 13 декабря 1981 года и в последующем (когда просоветские контрреволюционные силы насильно подавили своего конкурента), является ничем иным как историей столкновения двух насквозь контрреволюционных группировок. Так что в этом аспекте, будучи историей борьбы между двумя соперничающими контрреволюционными группировками, последнее польское движение не представляет для нас какого-либо интереса. Его историю, если она понадобится, пусть пишут те, кому она нужна, сами авторы контрреволюции.

Однако имеется ряд других аспектов и факторов, тесно связанных как с самим польским движением последних лет, так и с идеологической и политической шумихой, поднятой вокруг него, анализ и рассмотрение которых с позиций марксизма-ленинизма имеют особое значение и представляют особый интерес для настоящих марксистско-ленинских партий, для пролетариата и прогрессивных сил всего мира.

Во-первых, выступления польских рабочих, вновь показав, что рабочий класс своей силой как в прошлом, так и в настоящем и в будущем *в состоянии разрушить реакционную власть*, в то же время подтвердили, что без своей марксистско-ленинской партии, без ее руководства движение рабочего класса не только *не ведет к революции*, не только *обречено на провал*, но, хуже того, часто *оказывается на поводу у реакции и ультраправых сил и под их командованием* и вынуждено играть на руку последним. Итак, как это случилось, что польский пролетариат, хотя он и восстал, не пошел по пути революции и диктатуры пролетариата? Почему миллионы поляков так глубоко заблудились, что превратились в резерв контрреволюционных сил и встали под иностранные политические и идеологические знамена? Что их побудило стать

на такой путь, каких «побед» они добились своим участием в этом движении, каков верный путь, которым они должны следовать — в силу всего этого множества очень острых вопросов анализ нынешнего польского движения сквозь призму мнения и позиции АПТ приобретает особое значение.

Во-вторых, как международная буржуазия, так и современные ревизионисты всех мастей, разнообразными путями содействовавшие польским событиям своей лихорадочной пропагандой вокруг этих событий, предприняли и усиливают еще другую яростную кампанию *против теории и практики научного социализма, против его жизнеспособности и законов развития*. Все они свою борьбу, свои чудовищные обвинения связывают с одним элементом — с так называемым социализмом, который, по их словам, существует в Польше.

Международная буржуазия с американским империализмом во главе всю вину за происшедшее и происходящее в польском капиталистическом обществе взваливает на социалистическую систему, считая ее источником всех бедствий, хаоса и бесконечных социально-экономических несправедливостей, уже много лет царящих в Польше. К такому реакционному выводу приводят и поползновения современных ревизионистов, возглавляемых советскими социал-империалистами. Они, делая все возможное для сохранения существующего положения в Польше, давно восстановленного там капиталистического строя, выдают эту страну за социалистическую. Подобной пропагандой они лишь сеют разброд и смятение в массах, вызывают недовольство в отношении этого «социализма», который якобы «существует» и «процветает» в Польше. Этим современные ревизионисты всех красок дискредитируют теорию и практику подлинного научного социализма. Кремлевские лидеры

и их лакеи изображают контрреволюционные события в этой стране как следствие тех недостатков, которые «польский социалистический строй» получил, мол, в наследство от прошлого, от периода «догматизма» и «сталинизма». Виновны в этом, по их словам, польские партийные и государственные деятели, которых после полного использования выбрасывают вон как виновников всех зол.

В этих условиях рассмотрение на основе марксистско-ленинских анализов и заключений АПТ последних событий в Польше, их причин, как и буржуазно-ревизионистских теоретизирований о них, имеет особое значение. Такой подход к делу прежде всего показывает, что и теперь вся яростная буржуазно-ревизионистская пропаганда против социализма основана на абсурдном алиби. В действительности, социализм в Польше не существует, он свергнут много лет назад и заменен капиталистическим строем, поэтому напрасно обвиняют его в том, что произошло в Польше. Виноват в этом уже давно установленный и консолидированный в стране капиталистический строй. Поэтому, как отмечал товарищ Энвер Ходжа, «отстаивание теории и практики научного социализма от нападков и извращений современных ревизионистов разных красок и оттенков и других буржуазных и мелкобуржуазных течений является одной из наиболее важных задач в нынешней идеологической борьбе»*.

В-третьих, события 1980-1982 годов в Польше развернулись под флагами и маской *профсоюзного движения*, а синдикализм был объявлен и провозглашается международной реакцией единственным путем к спасению Польши и польского народа. В каких целях были использованы эти флаги, что

* Энвер Ходжа, Доклад на VI съезде АПТ, стр. 228, Тирана, 1971, алб. изд.

скрывается за «независимым синдикализмом», почему польский пролетариат включился в это движение и на какой опасный антимарксистский путь ведет его эта старая игра международной буржуазии и реакции — анализ всех этих вопросов объясняет большие неудачи и горькие уроки, связанные с последним польским движением, которые надо всегда иметь в виду и из которых следует извлечь полезные для дела выводы.

В-четвертых, последние события в Польше непосредственно связаны с линией, проводимой Польской объединенной рабочей партией. Поэтому правильный анализ этих событий обязательно требует обзора проводимой этой партией в течение последних 30 лет предательской линии, вызвавшей тяжелые ситуации и нынешний хаос и неразбериху в Польше. Обзор предательского пути ПОРП не только *дает возможность найти настоящие причины и факторы польского кризиса*, но и важен для *вооружения марксистов-ленинцев и масс революционным опытом*.

В-пятых, события в Польше отнюдь не являются «лишь польским» явлением. Основные причины и факторы, приведшие к польскому кризису, одинаковы во всех других странах, где власть взяли в свои руки современные ревизионисты, как и во всех странах капиталистического мира. Следовательно, существуют причины и возможности распространения или же возникновения и в других, особенно в бывших социалистических, странах того, что случилось в Польше в эти последние годы. Здесь вовсе не идет речь о соперничающих между собой в этих странах контрреволюционных группировках или кланах, ибо они делали и будут делать свое. Речь идет о том, чтобы пролетариат, трудящиеся массы этих стран в предстоящей, справедливой и законной борьбе вставали под знамена революции и не пали жертвой большого бе-

зобразного буржуазно-ревизионистского обмана, как это пали целые контингенты польского пролетариата в движении последних лет.

Именно поэтому, как и по другим причинам, анализ последних событий в Польше с позиций марксизма-ленинизма и сквозь призму заключений, вынесенных Албанской партией Труда, имеет большое идеологическое и политическое значение.

I

КРАТКАЯ ХРОНИКА ЛЕТА 1980 ГОДА

Весь двухлетний период (1980-1982 гг.), особенно период с июня 1980 года по декабрь 1981 года, был и остается свидетелем невиданной конфронтации самых различных социально-политических классов и сил Польши. Хотя общий хаос являлся самой характерной чертой обстановки, в которой происходила и происходит конфронтация, на его фоне все более и более выкристаллизовывалось и конкретизировалось жестокое столкновение между *двумя главными* враждебными друг другу и переплетаемыми друг с другом *социально-политическими* силами. В одной стороне стоят *силы ревизионистской контрреволюции*, связанные с Польской объединенной рабочей партией, нынешним польским правительством и советским социал-империализмом, то есть, силы современного ревизионизма в Польше; им противостоят *ультрареакционные силы*, связанные с западным капиталом и Ватиканом. Хотя обе эти силы принадлежат к одному и тому же классу — к буржуазному классу, они оказались в конфликте и столкновении друг с другом, поскольку каждая

из них представляет интересы различных группировок старой и новой польской буржуазии. Третья сила, являющаяся фактически самой большой, самой живой и активной силой в нынешнем движении в Польше, *пролетариат и другие трудящиеся массы*, на самом деле не действуют как самостоятельная сила и для самого себя. По ряду глубоких политических, идеологических, экономических и других причин ее постепенно завела в заблуждение и прибрала к рукам та или иная контрреволюционная сила и поэтому она включилась в борьбу, которая не только не является ее борьбой, но, по сути дела, шла и идет вразрез с ее интересами.

Дать общую картину бесконечных, больших и малых, столкновений между этими силами в течение данного периода невозможно, и, пожалуй, в этом нет необходимости. Главная цель изучения того, что произошло и происходит в Польше, заключается вовсе не в изложении хронологии событий, а в их анализе, в выявлении лежащих в их основе глубоких причин, и все-таки, в виде вступления к анализу и для того, чтобы иметь более конкретное представление об общем, было бы уместно дать хронологию известного отрезка этого периода. Для этой цели мы выбрали первую часть движения — период с его начала (июнь 1980 года) до заключения так называемого «гданьского компромисса» (конец августа 1980 года). Хроника событий этого периода не только дает более ясное представление о ситуации, царившей и царящей в Польше и способствовавшей выходу на арену всего общества, но и проливает свет на весьма противоречивый и сложный характер всех разыгрывающихся событий, участвующих в них сил, целей, которые эти силы поставили перед собой, путей, которым они следуют, результатов, которых они достигли и намереваются достичь и т.д. Факт

также, что все разыгравшиеся в Польше после августа 1980 года события, включая сюда и события, происшедшие после 13 декабря 1981 года, являются не чем иным, как повторением то в больших, то в меньших размерах и интенсивности событий лета 1980 года, их дальнейшим развитием и углублением, показом тех сторон, которые по различным причинам в первой фазе оставались в тени.

Поэтому, прежде чем перейти к анализу, дадим краткую хронологию событий, происшедших в Польше летом 1980 года.

Нащупывание пульса

После ряда забастовок, прошедших в июне 1980 года в разных районах Польши, все убедились в том, что на этот раз речь шла не об обычной вспышке конфликтов между рабочими и местной администрацией, о вспышке, к которой польское общество давно привыкло.

Некоторые отдельные признаки, кое-какое реагирование на этот конфликт предсказывали неприятное лето.

Уверенность и решимость забастовщиков добиться удовлетворения своих требований на этот раз были более очевидны, но больше всего власти были обеспокоены быстрым распространением и почти эпидемической эскалацией очагов кризиса.

Хотя печать польских диссидентов («неофициальная», «подпольная» печать, которая в Польше выходит официально и легально) уже много лет с величайшим вниманием следила за каждым по-

добным движением, противостоявшим правящей клике, и выступала его рупором, в начале лета 1980 года проявила себя больше чем когда-либо раньше. Она не только приводила уйму подробностей и фактов о том, что происходило в Польше, но, более того, раздувала огонь снизу и выступала с открытыми призывами, «подбодряя» польских пролетариев и «ориентируя» их!

Отличалось от прошлого и реагирование ревизионистских властей: их неожиданная «готовность» немедленно и безоговорочно удовлетворить любое требование забастовщиков (пока что они были просто экономическими) говорила не столько о «понимании» ими требований «низов», сколько о «понимании верхами» того трудного положения, в котором они сами находились. И это еще не все. Польским ревизионистским лидерам принадлежит «заслуга» в том, что они, как эксплуататоры, обратились к эксплуатируемым с поздравлениями и даже «поблагодарили» рабочих за то, что они, поднявшись на забастовки, а стало быть, бросив вызов власти, «заняли достойную для рабочего класса позицию»¹.

В июле положение стало еще более угрожающим. Оказавшись перед постоянными провалами в экономической области, в условиях, когда внешние долги достигли почти 18 миллиардов долларов, перед лицом постоянного роста цен, опустошения и обеднения рынка, на котором особенно не хватало продовольственных товаров, перед лицом все растущего обесценения злотаго, сокращения производственных мощностей в промышленности, резкого уменьшения финансовых средств и т.д. и т.п., польское правительство в начале июля 1980 года выдвинуло новый план, план «экономического улучшения и урегулирования». В качестве самой важной и эффективной меры этого плана было решение о ... повышении цен на мясо.

Реагирование было немедленным и травматическим. Во всей Польше, как будто только это ожидалось, вспыхнуло невиданное забастовочное движение. В те дни (да и по сей день) многие политики, социологи, органы буржуазной и ревизионистской прессы и пропаганды всю трубили о том, что причиной массового движения, развернувшегося в Польше летом 1980 года, было не что иное, а именно это решение: повышение цен на мясо!

Хотя такой вульгарный и смешной подход к настоящим, глубоким и сложным причинам, лежащим в основе великих социальных движений, не заслуживает даже упоминания, здесь, поскольку зашла речь, стоит сказать лишь одно: если бы польские ревизионистские власти знали и верили, что вправду причиной губительных смут явится их решение о повышении цен на мясо, то они, по всей вероятности, не сделали бы такого шага к катастрофе.

Как бы то ни было, одно лишь верно: хронологически события в Польше бурно развернулись именно после принятия 1 июля решения о повышении цен на мясо. Но хотя такое решение, взятое в себе, никак не может служить настоящей причиной поднятия на ноги миллионов людей, тот факт, что именно после его принятия вспыхнуло всеобщее возмущение, убеждает в том, что там давно создавалось кризисное положение, которое подготавливалось «втайне», собирало силы и ждало удобного случая, казус белли, чтобы развиться.

И вот какое потрясающее «совпадение»: хотя об упомянутом решении было объявлено 1 июля 1980 года, забастовки и протесты не вспыхнули ни 2, ни 10 июля, как этого следовало ожидать, а после 15 июля. Этот факт не имел бы никакого значения, если бы разжигание забасто-

вочной атмосферы именно после 15 июля не было связано с кануном 21 июля, этого знаменательного дня в жизни Польши 38 последних лет: 21 июля знаменует собой годовщину основания новой, народной и демократической Польши. В 1980 году польский пролетариат шел к своему великому национальному празднику со скрещенными руками. Еще яснее: хотя решение 1 июля касалось и возмущало всю Польшу, первая крупная волна забастовок вспыхнула не в каком-либо другом месте, а именно в Люблине. Этот факт также не имел бы никакого значения, если бы имя Люблина не было связано с важными для Польши 38 последних лет событиями и документами: именно в Люблине первоначально был создан Комитет Национального освобождения Польши, который с того дня начал выполнять функции первого правительства новой, независимой Польши.

Таким образом, хотя бы эти два обстоятельства свидетельствуют о том, что вспыхнувшие по «просто экономическим» мотивам забастовки носили острый политический характер. Прежде всего они являлись вызовом партии и власти.

Несколько дней жизнь в Люблине полностью остановилась. «Знаменитый» город 300 тысяч жителей остался без пассажирского транспорта, без хлеба, молока и других продуктов.

Встревоженное правительство направило в зону забастовки штрейкбрехеров: зампреьера Ягельского для того, чтобы договориться с забастовщиками, и шоферов из других районов Польши, чтобы снабжать опустошенные магазины Люблина. Но через несколько дней клика Герека должна была убедиться в том, что подобным путем ничего не добьешься. Везде шоферы включились в забастовки, а зампреьеров не хватало бы даже если бы их число удесятирили и если бы они занимали свои посты только в качестве душителей забастовок.

20 июля забастовками была охвачена Варшава, 22 июля — Вроцлав (Нижняя Силезия) и Лубартоц, а затем один за другим Кельце, Познань, Влоццова, Гожув-Велькопольски и другие края страны.

Положение становилось тревожным. Забастовщики прекратили работу, низвергли официальных, «избранных» представителей своих профсоюзных организаций и создали так называемые забастовочные комитеты в качестве своих представителей для ведения переговоров с властями.

23 июля, чтобы установить «географию» зон, охваченных забастовками, надо было пользоваться картой всей Польши.

В отличие от аналогичных событий 1956, 1970-1971 и 1976 годов, когда требованиям забастовщиков были противопоставлены штыки, сапоги и бомбы со слезоточивым газом польской ревизионистской полиции и армии, на этот раз власти спешили немедленно удовлетворить требования забастовщиков. Хотя причины такой «умеренности» властей в отношении бунта снизу многочисленные и глубокие, тем не менее в эту первую фазу хода событий главной причиной, видимо, была боязнь перед возможными размерами «эпидемии». Оказавшись в катастрофическом положении и потрясенная до основания, группа Герека, всеми средствами стремясь удержать власть, всячески добивалась соглашения о погашении очагов пожара.

Требования варшавских печатников и газетчиков, например, были удовлетворены тут же — 20 июля. Сразу же были удовлетворены требования всех забастовщиков других предприятий и заводов. Казалось, дело было просто: забастовщики требуют, правительство — удовлетворяет! Кто же виноват в том, что из-за столь простых вещей, так сказать, из-за такого «недоразумения» была вызвана такая неразбериха? Рабочие ли, которые не

выступали раньше с такими требованиями, или же правительство, которое не проявило чуть раньше эту щедрость, эту вежливость?!

Чтобы еще больше приукрасить картину, официальные лица и органы официальной печати продолжали «хорошо» отзываться о проводившихся забастовках, называя их, однако, не настоящим именем, а называя «жалобами», «законным реагированием» и т.д.

Влиятельная газета «Зичие Варшави» в своей редакционной статье 24 июля считала эти забастовки «правом рабочих высказывать свое слово» и даже «обязанностью рабочих устранить беспорядки и бюрократические препятствия».

Одно время казалось, будто ожидаемое было уже достигнуто. В конце июля лихорадочная Польша проявила признаки умиротворения. Высокопоставленным официальным лицам оставалось лишь подвести итоги потерянного. Были они очень горькими во всех направлениях. Из подсчетов, приведенных польской официальной печатью, получалось, что только из-за забастовок, прошедших в июне и июле 1980 года более чем на 100 предприятиях, польская экономика потеряла около трех миллиардов злотых (около 100 миллионов долларов). Очень дорого обошлась польскому правительству его «готовность» сдержать волну забастовок путем удовлетворения требований о повышении зарплат: эффект исполнения решения о повышении зарплат рабочих, бастовавших в июне и июле, составлял примерно пять миллиардов злотых (около 165 миллионов долларов), в то время как государственная казна в результате исполнения решения от 1 июля о повышении цен на мясо должна была выиграть около двух миллиардов злотых (около 65-70 миллионов долларов).

Между тем внешняя задолженность превыша-

ла 18,5 миллиарда долларов, а создавшееся в стране хаотическое положение усиленно побуждало правительство вести с Западом всевозможные переговоры о новых долгах.

Группа Герека с горечью проглотила эти пилюли в экономической области, утешая и обманывая себя тем, что все — как протесты снизу, так и потери, относились к одной только области, экономической. По мнению правителей, теперь, после того как страсти «угомонились», можно было продвинуться вперед, все окупится. Хорошему католику даже у самой могилы не подобает терять надежды.

Что же касается забастовочных сил, то итоги первой фазы движения для них выглядели совсем по-другому. Не только силы, мобилизовавшие и поднимавшие пролетариат на ноги, но и сами рабочие увидели в «умеренности» правителей по отношению к непрекращавшимся забастовкам намного больше, чем боязнь властей перед происходившим в стране. В этой «умеренности» они увидели как полное бессилие существующего строя, так и раскол и глубокие противоречия, изнутри подтачивавшие ревизионистское руководство по вопросу о том, как быть с поднимавшимся ураганом. Голоса отдельных лиц, требовавших насильственного подавления забастовок, были заглушены выкриками и решительными требованиями занимать «умеренную» позицию, найти «политическое разрешение», прийти к «договоренности» и «компромиссу» со взбунтовавшими. К тому же не было недостатка и в открытых и закамуфлированных заявлениях, через которые различные деятели ревизионистской партии и правительства выражали свое сочувствие и симпатию вспыхивавшим волнениям. В то же время тысячи членов партии и служащих самых различных уровней местной и

центральной администрации открыто присоединялись к забастовщикам.

Таким образом, поскольку речь шла не только о расшатанной и расколотой правительственной группе, но и о «прозабастовочном лобби» внутри него, то силы, руководившие забастовками, были вполне уверены в том, что игру могут довести до конца без большого риска.

Самой угрожающей оставалась внешняя опасность — возможное военное вмешательство «друзей» и, в первую очередь, советских социал-империалистов. Они держали в полной готовности свои дивизии и дивизии Варшавского Договора; мало того, на самой польской территории они давно дислоцировали целые контингенты войск, вооруженные до зубов.

Но голоса о возможном приведении в действие русских танков в Польше также не оправдались. Советские социал-империалисты до локтей обагрили руки кровью во время агрессии, совершенной ими 6-7 месяцев до этого против Афганистана. Теперь они, подобно Понтию Пилату, пытались умыть себе руки потоками демагогии и обмана. Агрессия против бастующей Польши, несмотря на то, что проходившие там забастовки служили вызовом русской зависимости, была в эти моменты весьма нежелательной для агрессоров. Но это еще не все. Достигла своей кульминации кампания за проведение Мадридской встречи по так называемой европейской безопасности. Московские лидеры, соревнуясь с американскими империалистами, выдавали себя за страстных инициаторов проведения этой встречи, на которой они рассчитывали добиться больших успехов, помимо всего прочего, в обмане и манипуляции мировой общественностью. Более того, это были моменты, когда советские социал-империалисты больше чем когда-либо раньше делали ставку не на пушки, а

на оливковую ветвь. 15 июля в Москве должны были начаться олимпийские игры. Кремлевские лидеры несколько месяцев подряд делали все возможное, чтобы использовать предстоявшие игры для изменения хоть сколько-нибудь к лучшему своего грязного, кровавого портрета в глазах мировой общественности. Но, несмотря на их огромные усилия, десятки олимпийских групп, представлявших различные страны, подстрекаемые и инспирируемые американским империализмом и в его интересах, бросали вызов кремлевским лидерам, отказываясь участвовать в играх, которые должны были проходить в столице страны, несколько месяцев назад совершившей агрессию против другой страны. Совершение агрессии против Польши в такие моменты было бы для них равнозначно полному провалу не только в олимпийских играх, но и во всех их политических «играх».

Подсчеты вели еще дальше, причем чем хладнокровнее они велись, тем больше превращались в оковы, которые, по крайней мере в данный момент, связывали по рукам советских агрессоров, которые теперь хорошо понимали, что при кипевшей в Польше ситуации никак не могла повториться трагическая пражская ночь августа 1968 года. Поляки были на ногах. Они не только не могли быть застигнуты врасплох молниеносной агрессией, но и оказали бы русской оккупации вооруженное сопротивление, что создало бы агрессорам неисчислимые осложнения. В то же время нападение на Польшу летом 1980 года, помимо невиданных потерь во всех областях, поставило бы советских социал-империалистов перед чрезвычайными трудностями и проблемами и в экономической области. Они тоже были охвачены всеобщим кризисом, в тиски которого давно был зажат буржуазно-ревизионистский мир. Жестокие

ограничительные санкции (эмбарго), установленные американскими империалистами и другими империалистическими державами в общих отношениях, но особенно в торговых отношениях с советскими социал-империалистами после агрессии против Афганистана, еще больше увеличили трудности и углубили кризис в Советском Союзе. Агрессия против Польши явилась бы новым оружием в руках западных империалистических держав, упорно пытавшихся поставить социал-империалистического соперника перед новыми, более серьезными затруднениями. Если не ответной вооруженной акцией, то есть, если не развязыванием новой империалистической войны, то западные державы с американскими империалистами во главе посредством эмбарго и тотальной блокады еще больше затруднили бы дыхание больной советской экономики. Более того, в случае захвата Польши советским социал-империалистам пришлось бы столкнуться с теми острыми экономическими проблемами, которые много лет подряд подтачивали Польшу и вели ее к катастрофе.

Польское забастовочное движение вспыхнуло в совершенно неблагоприятные для них моменты. Оказавшись перед этим потрясающим фактом, социал-империалисты сочли более целесообразным совершенно умалчивать о том, что происходило в Польше, и действовать за кулисами с ревизионистскими польскими властями в ожидании более хороших дней. Ультраправым реакционным силам, которые организовывали, направляли и руководили забастовочным движением в Польше, пришлось очень кстати эта позиция советских социал-империалистов. Они убедились в том, что выступили вовремя. Первое испытание — нащупывание внутреннего и внешнего пульса — было успешно выдержано. Можно было продвинуться дальше.

Жгучая августовская волна

Иллюзии ревизионистских правителей о нормализации положения рассеялись в первые же дни августа. 4 августа около 7000 калижских текстильщиков (Познань) прекратили работу и потребовали повышения зарплат, упорядочения больших разрывов в уровне зарплат рабочих и привилегированных групп, улучшения норм выработок и т.д. В тот же день их примеру последовало 10 000 рабочих Понарского автозавода в Терново. День спустя, 5 августа, 20 000 рабочих Свдникских заводов вновь поднялись на забастовки: хотя в июле были удовлетворены их требования о повышении зарплат, они требовали теперь «сдачи»: заплатить им за июльские дни, когда они находились в забастовке! При таком взрывоопасном положении, силы, манипулировавшие забастовками, могли играть как им заблагорассудится с группой Герека, расшатанной до основания.

В разгар этого тревожного положения центральный орган польских ревизионистов «Трибуна Люду» в своей передовой статье от 4 августа бил тревогу по поводу происходившего в Польше и призывал рабочих вернуться на работу. «Прогуль» (польская официальная печать еще не отказывалась от вежливых выражений и забастовки называла «прогулами», хотя она там же признавала, что «вот уже пять недель как подобные события развиваются одно за другим»), по словам ревизионистской газетенки, не затрагивали корней зла, наоборот, в некоторых случаях подкармливали их. Партия и правительство Польши, желая показать, что они обеспокоены сложившимся положением и понимали его, открыто признавали, что одной из причин забастовок были «нерегулярное снабжение магазинов и предприятий, длинные очереди

у магазинов, повышение цен и стоимости жизни, бюрократическая волокита, постановка иногда личных интересов над общими, взяточничество и наличие нового класса богачей, которые в состоянии всем обеспечить себя».² Такими дозами «искренности» ПОРП надеялась, что рабочие уступят ей дорогу.

Низы не задержались с ответом: в забастовки сразу включились варшавские рабочие коммунальных услуг и транспорта, рабочие ряда фабрик, заводов и комбинатов в Лодзи, Бероуне, Стараховице, Валбжихе и т.д. До 10 августа забастовками были охвачены рабочие более 150 экономических предприятий. На многих из них были созданы и создавались так называемые «настоящие представительства рабочих», «забастовочные комитеты», «рабочие комиссии» и т.д. Рождаемые в разгар забастовочного движения, они являлись первыми организациями, бравшими на себя задачу «представлять» массы в переговорах с представителями предприятий и рабочей администрации.

Охваченные тревогой и паникой, польские партийные и государственные деятели добивались потушения горячих очагов прежними средствами: «признание» факта совершения «отдельными личностями» ряда искривлений, выражение глубокого «сожаления» и, конечно, обещания и решения о повышении зарплаты и удовлетворении еще какого-нибудь другого требования забастовщиков! Они надеялись, что таким образом вместе с августом пройдет и жара. Однако вторая половина августа показала обратное.

14 августа горячая «волна» пришла с севера. В забастовку включились 17 000 рабочих Гданьской судостроительной верфи. Это были как раз рабочие тех верфей, которые в 1970 году до основания потрясли Польшу, следствием чего явилось низвержение пресловутого Гомулки и приход к

власти Эдварда Герека. Итак, десять лет спустя повторилась история, но на этот раз с гораздо большей интенсивностью и в гораздо больших размерах; по своему же содержанию она была гораздо более сложной. Выступление на арене такой промышленной зоны, как зона Гданьск-Гдыня-Сопот с населением свыше 700 000 жителей, из которых более 200 000 являются рабочими, поднимало польский кризис на уровень большой политической конфронтации.

В то время как встревоженные местные гданьские власти спешили путем переговоров возможно скорее сдержать расширение забастовок в районах, высшее ревизионистское руководство видело, что уже невозможно было больше скрывать обстановку в стране. Оно теряло всякий контроль.

14 августа Польскому правительству пришлось через официальное телеграфное агентство ПАП дать подробные сведения о забастовках в стране. В частности, оно отмечало: «Многочисленные проблемы, ставшие уже объектом обсуждения на предприятиях, разрешаются их дирекциями; другие законные требования необходимо глубоко анализировать, а остальные, при всем их важном значении, к сожалению, не могут быть удовлетворены не то что сегодня, но даже и завтра, ибо нет средств для их удовлетворения».

Единственным, о чем умалчивали, был характер требований. Их характер они еще скрывали. То, что хорошо скрывала официальная печать, столь же хорошо обнаруживала «подпольная», дисидентская печать.

15 августа около 50 000 рабочих Балтийских верфей (Гданьск, Гдыня, Сопот) включились в забастовки, ситуация накалилась. Несколько часов спустя после возвращения Эдварда Герека, «отдыхавшего» в Советском Союзе, через центральное

польское телевидение обратился к нации другой Эдвард, премьер-министр Бабиуш.

«Прекрасно учитываю тот факт, — говорил он, — что нация ждет ясного ответа на то, что делает и что намерено сделать правительство для выведения страны из экономических затруднений и устранения причин социальных напряженностей».

Однако Бабиуш «прекрасно учитывал» только тот факт, что нация «ждала ответа», а самого ответа у него не было. Поэтому выступление его по телевидению скорее всего было отчаянной попыткой противопоставить пень бурной волне забастовок. Больше всего он угрожал: «Мы жили кредитами..., задолженность нашей страны достигла такого уровня, которого ни в коем случае нельзя перейти». Если бы эти пояснения не вызвали «сожаления» масс, то Бабиуш умел говорить и на другом языке: «Мир, — предупредил он нацию, — следит за тем, как мы преодолеваем трудные времена. У нас непобедимые союзники, беспокойство которых является и нашим беспокойством».³

Намек был совершенно ясен: союзники, то есть Варшавский Договор, и в первую очередь Советский Союз, «обеспокоены», они внутри нашей страны, они в состоянии подавить все, если мы не возьмемся за дело, если мы не станем хозяевами положения!

Но слова Бабиуша унесло ветром. «Нация» уже не прислушивалась к его словам и словам его коллег. 16 августа число забастовщиков в балтийском крае достигло 90 000 человек, предъявляемые снизу требования увеличивались по мере увеличения забастовок.

В тот же день при этом очень тревожном положении Польши дала себе знать деревня: владельцы ферм района Зброза-Дуза на своем сове-

щании 16 августа объявили, что прекратят доставку молока в обычные пункты и отправят его гданьским забастовщикам.

Между тем забастовщики, чувствуя силу своих скрещенных рук, перешли к другому требованию: заявили, что больше не пойдут на переговоры с руководителями предприятий или местными властями, что переговоры будут вести только с властями высшего уровня партии и правительства. 17 августа забастовщики 21 гданьской фабрики и завода создали «общий забастовочный комитет», наделив его атрибутами партнера в переговорах с правительственными властями самого высокого уровня.

Вызов был чрезвычайно тяжелым для ревизионистского польского руководства. Стало совершенно ясно, что вопрос не был просто экономическим. Требования не касались каких-либо моментальных улучшений. Даже тогда, когда властями было объявлено в качестве «превентивной меры», что повышение зарплат будет охватывать не только бастующие зоны, но и все предприятия, аналогичные по условиям работы с включившимися в забастовки предприятиями, волна снизу все нарастала. Ревизионистское правительство понимало, что уже не было в состоянии управлять прежними средствами. Поступавшее снизу было не просто давлением, а бурей. Ревизионистские власти, убедившись в том, что уступками в экономической области ничего не добьешься, решили переменить тактику. Так как калач не произвел никакого эффекта, в действие была приведена тень кнута. «Напоминание» о том, как жестоко были подавлены аналогичные выступления 1970-1971 годов, быть может, имело бы больше эффекта, чем вложение в карманы забастовщиков всей казны Польши. Поэтому чтобы в какой-то мере успокоить тревожное положение, польское руководство прервало всякую теле-

фонную и телеграфную связь между бастовавшими балтийскими зонами и остальными краями страны, распространило слухи о том, что будут вмешиваться милиция и армия, что на границах с Советским Союзом и другими «союзными» странами усиливалось передвижение войск, что якобы забастовки прекращались одна за другой, и т.д. и т.п.

Чтобы вызвать ненависть и недовольство по отношению к забастовщикам, ревизионистские власти предприняли другой беспрецедентный шаг: стали передавать по центральному телевидению из бастовавших краев целые программы, отмечая при этом особенно длинные очереди у дверей магазинов, беспорядок и застой в городском транспорте, полную тишину в портах и верфях, утомленных женщин с детьми в руках, совершенно опустошенные витрины, вереницы вагонов, груженных углем и застывших в портах и на железнодорожных вокзалах. Все это делалось с тем, чтобы сказать нации: «вот до чего довели дело забастовщики», это они являются «виновниками всех трудностей и беспорядков» и т.д.

На «карантин» и давление правительства забастовщики ответили тем же: к рабочим фабрик и заводов, портов и верфей присоединились шоферы и паровозные машинисты. 16 и 17 августа ни одна автомашина, ни один поезд, ни один трамвай не тронулся с места в Гданьске. Остановилась жизнь в Гдыне и Щецине. На решение правительства прервать телефонную и телеграфную связь забастовщики ответили дальнейшей эскалацией своих требований, предъявив их даже в виде ультиматума: немедленно восстановить связь с другими частями страны, партнерство в переговорах поднять на самый высокий уровень. Более того, они требовали, чтобы эти переговоры между пред-

ставителями обеих сторон непосредственно передавались средствами информации и пропаганды!

Что же касается слуха о том, что «будут вмешиваться милиция и армия», то силы, манипулировавшие и вдохновлявшие забастовочное движение, сочли целесообразным ответить на него через западногерманскую газету «Вельт». 17 августа один из главарей польских диссидентов, «советник» и «идеолог» сил, руководивших забастовками, Ячек Курон, в своей статье, опубликованной в «Вельте», открыто подчеркивал, что «властям по своему горькому опыту известно, что они не могут силой подавить забастовку. Это показало народу, что он может проводить забастовки без особого риска».⁴

И это было действительно так: целые пролетарские массы поднимались на ноги, не поддаваясь ни демагогии, ни угрозам. Хотя забастовщики и выступали без шума и треска, без лозунгов и транспарантов, призывавших к восстанию, и без кровопролития, не предъявляли требований об организации вооруженных отрядов и даже не считали нужным открыто выступать с лозунгами о свержении существовавшей власти, — своим молчанием, своими скрещенными руками вели Польшу к полному застою. Ее политическая и экономическая жизнь парализовалась.

Партия и правительство оказались в тупике. Проявили себя слишком «готовыми» удовлетворить в духе «взаимопонимания» первые требования экономического характера. Настало время дальше продвинуть этот дух «взаимопонимания», а именно в том отношении, в котором были заинтересованы те, кто руководил движением снизу. И они должны были пойти на это волей-неволей. «Бедный король» (если приспособить к этому выражение Энгельса об аналогичном случае, имевшем

место почти 140 лет назад*), «бедный» генеральный секретарь, финансовые трудности и вообще экономический хаос которого являлись самой горькой сатирой на его прозападные капиталистические настроения, сразу почувствовал, что ему невозможно было дальше царствовать, не идя на новые уступки перед общими требованиями, поступавшими снизу. Он согласился с требованиями забастовщиков о партнерстве в переговорах и направил в балтийские зоны специальную комиссию, возглавляемую зампремьером — Таудешем Пюка.

Однако и эта мера ничего не разрешила. До 18 августа забастовками были охвачены 160 экономических предприятий в Гданьске, Гдыне, Щецине, Сопоте, как и в других балтийских городах. Тем временем в забастовки включились рабочие Южной Польши. Число забастовщиков в тот день достигло более 300 000 человек, из которых более 100 000 принадлежали к балтийской зоне.

Перед нацией вынужден был выступить сам первый Эдвард, Герек. 18 августа, выступая по телевидению, он постарался кое-как уgomонить страсти. Но если 10 лет назад его лицо, еще неизвестное до того времени польскому пролетариату, казалось как-то новым и как-никак обещало что-то новое, то теперь он стал ненавистным для них лицом. Забастовщики равнодушно слушали его, одни освистывали его, другие во время выступления первого секретаря ЦК партии слушали что-то другое — мессу!

«Польша, — заключил Герек, — нуждается во внутреннем мире. Если его у нас не будет, то все другие проблемы утратят свое значение»⁵.

На призыв Герека к «миру» Польша ответила еще большим порывом к «борьбе»: если 18 августа

* См. Ф. Энгельс, «Революция и контрреволюция в Германии», стр. 31-32, Тирана, 1970, алб. изд.

во всей стране бастовали 180 предприятий, то день спустя, 19 августа, только в Гданьске, Гдыне, Сопоте, Эльблонге, Лемборке, Устке, Нова-Гуте и Щецине число бастующих предприятий достигло 260; 20 августа оно достигло 280, 21 августа — 350, 22 августа — 400.

Такая быстрота развертывания событий была неизвестна для жизни Польши 35 последних лет. Выступили по очереди перед нацией глава польского государства, Яблонский, и глава польской церкви, Вышинский, официальные газеты били тревогу, телевидение старалось «взволновать» сердца людей. Но ничто не могло остановить бурю.

Партийные и государственные деятели Польши, с надрывом старавшиеся до сих пор убедить себя, Польшу и весь мир в том, что движение снизу носило «просто экономический» характер, 21 августа признали открыто: «Сегодня мы ... находимся перед острой политической борьбой»⁶.

Перед ними теперь предстал в качестве партнера в переговорах более сильный комитет, так называемый Общий забастовочный комитет (МКС). И власти, несколько дней до этого не согласившиеся поговорить с этим «комитетом», ибо он «не представлял забастовщиков», «в него входят несоциалистические элементы» (!), 22 августа передумали. Было очевидно, что этот «комитет», самый высокий организм, сколоченный и выдвинутый в разгаре волнений в качестве представителя сотен тысяч бастовавших людей, манипулировал массами, пролетариатом, народом. Во главе его стоял Лех Валенса, бывший безработный, бывший электротехник, еще недавно до этого живший неизвестно откуда поступавшей «милостыней». Как западная печать, так и польская диссидентская печать стали рекламировать его как «мессию» и внушать польскому пролетариату, что в лице Валенсы он имеет человека, испытанного в «противо-

речиях» с властями, сидевшего в тюрьме (самое большое, он просидел в милицейском участке 24 часа), «умевшего» давать сильные интервью репортерам из «свободной печати» и т.д. и т.п. Как бы то ни было, новый «мессия» был для польской и зарубежной общественности совершенно неизвестной личностью. 22 августа этот человек, который до вчерашнего дня был никем, сел за один стол с первым заместителем премьер-министра Польши Ягельским с тем, чтобы сыграть последние партии политического матча лета 1980 года.

Между тем верховное руководство ПОРП пребывало на нескончаемых заседаниях и, не имея какой-нибудь «хорошей» вести снизу, вечером 24 августа решило «порадовать» нацию громкими вестями. Оно объявило, что на своем заседании того же дня (24 августа) Центральный Комитет ПОРП вывел из состава Политбюро четырех членов и двух кандидатов в члены Политбюро, в том числе двух секретарей ЦК ПОРП, а Э. Бабиуш не только был исключен из Политбюро, но и лишился поста премьер-министра, который он занимал не более 6 месяцев.

Понятно, если ревизионистские лидеры были вынуждены убрать с вершины пирамиды своей власти шесть из ее краеугольных камней, то число увольнений и перестановок внизу росло соразмерно с корпусом самой пирамиды. В тот же день, но особенно на следующий день, 25 августа, высшие партийные и государственные органы, как и центральные и местные ревизионистские органы и организации, следуя «примеру» партии и по ее приказу, стали объявлять о многочисленных перестановках. Лишь бы места успокоились, лишь бы беспорядки не распространились на все области жизни!

Герек подумал, что этими отчаянными уловками, как и новыми обещаниями и просьбами о

«соглашении с рабочим классом», обещаниями о «коренном изменении политики партии и государства» нашел «выход из этого драматического конфликта»⁷, как он сам выразился 24 августа в своей заключительной речи на пленуме ЦК партии.

Однако, как силы, управлявшие и вдохновлявшие движение снизу, так и основа этого движения, еще более ясно увидели в этом «драконовском» акте ревизионистского руководства суть истины: отчаянное и безнадежное положение центральной власти, с одной стороны, и свою большую силу — с другой.

И вот результат: будучи не в состоянии указать бесконечное число бастовавших предприятий, власти сочли более «экономным» подвести итоги шиворот-навыворот: «В Гданьском, Щецинском и Эльблонгском районах продолжают функционировать без особых брожений только магазины и предприятия бытовых услуг — электрические, водоснабженческие и газовые», как в траурный день сообщало 25 августа ПАП, — польское официальное телеграфное агентство.

Между тем, как забастовки балтийских предприятий и предприятий других районов страны вступали в свой 16 день, так называемый общий забастовочный комитет превратился в настоящий административный орган. Его обращения и решения проводились в жизнь во всем польском балтийском регионе.

Тем временем этот «Комитет» создал, помимо всего прочего, и «свою службу безопасности». Только для охраны его председателя, Л. Валенсы были выделены целые группы особой охраны. «Комитет» создал также свои органы печати, бюро с местной и зарубежной печатью и т.д. Более 30 иностранных и 14 польских журналистов получили разрешение отображать жизнь и деятельность «повстанцев» в самых крупных органах местной и ино-

странной печати и телевидения. В этот пресловутый «совместный комитет», выдававший себя за «защитника рабочего дела» в переговорах с правительством, входили заклеянные диссиденты ревизионистской Польши, высшие представители польской католической церкви, академики, писатели, экономисты, юристы и др.

И в то время как переговоры на высшем уровне продолжались в обстановке постоянной напряженности, внизу, в целях давления на правительственную сторону продолжало увеличиваться число бастующих предприятий, а заодно — и количество требований. В последние дни августа положение стало совершенно безнадежным. Польша оказалась на краю банкротства в полном смысле этого слова. Забастовщики не уступили и когда им заявили, что из предъявленного ими 21 требования будут удовлетворены 15, 18, 19 и даже 20 требований. Они предъявили 21 требование, и если бы хоть одно из них не было удовлетворено, они сочли бы свои требования неудовлетворенными.

О том, в чем заключались содержание и цель этих требований, речь пойдет ниже. Здесь важно подчеркнуть, до какого критического положения дошло дело. Без шумихи, более того, соблюдая порядок и дисциплину, которые все считали «образцовыми», люди, вставшие на забастовки (не говоря о подстрекавших и вдохновлявших их силах), своей решимостью и упорством доказывали, что жизнь страны может быть парализована и без выстрелов и схваток. Именно это положение и имел в виду товарищ Энвер Ходжа, когда подчеркивал: «Волнения рабочих в Польше подтвердили, ... что сила рабочего класса в состоянии разгромить реакционную власть, будь она ревизионистская или капиталистическая».*

* Энвер Ходжа. Доклад на VIII съезде Албанской партии Труда, стр. 187, Тирана, 1981, изд. на рус. яз.

Казалось, что забастовщики, не поддаваясь давлению и шантажу, не довольствуясь ни на один момент достигнутым, проявляя жестокость, возмущение и иронию до сарказма, доведут до конца начатое дело. Момент наступил, казалось, будто все говорило в их пользу. Польское ревизионистское партийное и государственное руководство, по крайней мере в это время, проявило свою неспособность справиться с этим ураганом.

Революция или контрреволюция?

Давно существовавшее в Польше непримиримое противоречие между буржуазией и пролетариатом, нельзя было больше прикрывать. Глубокий социальный антагонизм, возникший после прихода к власти ревизионистов, постепенно делал свое и в материальном отношении, и обязательно должен был наступить день, когда этого антагонизма нельзя будет прикрывать демагогией и обманом, как это было в первые годы правления ревизионистов. Сама горькая действительность своей страны многочисленными примерами показала польскому пролетариату, что он являлся классом, угнетавшимся и эксплуатировавшимся ревизионистской кастой у власти.

В конце августа 1980 года полностью подтвердилось, что кризис обострился больше, чем никогда. Было очевидно, что массы больше не могли терпеть прежнего положения. Ревизионистская партия и ревизионистское правительство уже не могли управлять и господствовать как прежде. Ведь подобные ситуации ведут к революции.

В эти решающие моменты Польше, насквозь

подточенной и вырожденной и за более чем двадцатилетний период разложившей мирной ревизионистской контрреволюцией, обязательно нужна была настоящая революция, пролетарская революция. Она нужна была Польше для ликвидации до основания ревизионистской контрреволюции, для свержения капиталистической системы, восстановленной кликой Гомулки-Герека, для окончательного восстановления власти пролетариата, социалистического строя. Польский пролетариат весь поднялся на ноги. Имея блестящие революционные традиции, преисполненный решимостью и негодованием, в весьма подходящие объективные моменты он должен был с честью выполнить эту давно стоявшую перед ним непреходящую историческую задачу.

Однако ирония в истории горька больше, чем в какой-либо другой области.

Независимо от того, что объективно в Польше летом 1980 года уже назрел глубокий кризис, кризис сверху и снизу, все там могло говорить о чем угодно, но лишь не о пролетарской революции. Для совершения революции, кроме объективных факторов (независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов) необходимы еще и субъективные факторы, так как «не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к ... объективным переменам присоединяется субъективная»*.

Итак, как обстояло дело с субъективным фактором в летнем польском кризисе 1980 года, какой идеологией вдохновлялось движение, под какими лозунгами проходило оно, какую программу и цели оно ставило перед собой?

* В. И. Ленин, Избранные произведения, т. II, стр. 163, Тирана, 1974, алб. изд.

Лишь рассмотрев все это, можно видеть сущность трагедии в последних польских событиях.

Польский пролетариат, угнетенный и обманутый ревизионистскими лидерами, новым классом богачей (наличие этого класса уже вынуждены были признать сами ревизионистские лидеры) вправе возмущаться катастрофическим положением, до которого была доведена Польша, вправе подняться на борьбу за более хорошую жизнь, за равноправие, справедливость, свободу и независимость родины, за хлеб насущный, за общество более хорошее, чем нынешнее, за такую систему, при которой рабочий класс действительно говорил бы свое слово и в которой не было бы места спекуляции, унижению личности, дискриминации, безработице, инфляции, и т.д.

Но если эти чаяния, давно кипевшие в польском пролетариате и требовавшие теперь своего осуществления, по сути своей были совершенно правильными, законными и должны были быть осуществлены, совершенно неясными, конфузными, ложными, антирабочими были все остальные моменты: идеология, которой вдохновлялись забастовщики, силы, которые должны были ими руководить, и альтернатива, поставленная перед существующим строем, знамя, под которое они выстроились, пути, которым они должны были следовать, и т.д. Причины всего этого будут рассмотрены ниже. Здесь же мы хотим только подчеркнуть истину о том, что идеология, руководящие силы, средства, пути и методы, к которым польский пролетариат прибег, вставая на ноги в 1980 году, были совершенно чужды его интересам в особенности, рабочему движению — вообще.

Конкретно:

Во-первых, у польского движения, начавшегося летом 1980 года и продолжающегося и по сей

день, отсутствовала и полностью отсутствует идеология пролетариата, марксизм-ленинизм.

За весь этот период главари и идеологи движения выступали и продолжают выступать под многими идеологическими флагами, и лишь о марксизме-ленинизме не говорят ни единого слова. Наоборот, нынешним польским движением до того манипулировали, что оно вышло на арену и продолжает выступать как реакция на «марксизм-ленинизм». Другое дело, что оно с марксизмом-ленинизмом отождествляет ту линию, ту реакционную идеологию, которую уже несколько лет проводят правящие ревизионистские лидеры. То же самое, другое дело, что с «марксистами», причем с «последовательными» (!) марксистами, со «сталинцами» (!) оно отождествляет такую дрянь, как польские ревизионисты. Если главари и идеологи «рабочего движения» отождествляют их сознательно, с определенными целями и стремлениями, то толпа, участвующие в нем рабочие массы делают это вследствие своего большого идеологического и политического заблуждения. Как и почему это случилось, посмотрим ниже. Здесь важно отметить тот факт, что польские пролетарии примкнули к движению контрреволюционной направленности, следовательно, встали под чуждые идеологические знамена, а не под знамя марксизма-ленинизма, «являющегося научным учением, дающим единственно правильное понимание социализма и путей его осуществления».* Факт тоже, что такое опошление марксизма-ленинизма является делом рук вражеских и антипролетарских сил, 30 лет подряд манипулирующих польским пролетариатом; факт тоже, что определенные контингенты этого пролетариата до того обмануты и введены в заблуждение, что, по край-

* Энвер Ходжа, Доклад на VI съезде АПТ, стр. 219, Тирана, 1971, алб. изд.

ней мере до сих пор, слепо проводят идеологическую линию, диктуемую им реакционными лидерами. Итак, у польского пролетариата, включившегося в мощные забастовки и демонстрации, отсутствует революционное сознание, марксистско-ленинское мировоззрение.

Между тем, без определенного уровня своего революционного сознания, — говорил Ленин, — пролетариат не может подняться на революцию и тем более победить. Хотя бы эта аксиома марксизма-ленинизма, не нашедшая своего выражения в последнем польском движении, была бы достаточной для подтверждения того, что рабочие участвовали в таком движении, которое не могло принести им ничего хорошего.

Но, как мы уже сказали, дела в Польше зашли слишком далеко. Польский пролетариат до того введен в заблуждение и обработан духовно реакцией, что в конкретном случае демонстрировал не просто *отсутствие определенного уровня своего революционного сознания*. Хуже того, он *противопоставился ревизионистской контрреволюции, исходя из чуждых марксистско-ленинской идеологии позиций*.

Идеологией, которой руководствовалось все польское движение этих последних лет, была и остается буржуазная идеология, которая, чтобы легче быть воспринятой заблудившимся пролетариатом, выдавалась за конгломерат синдикализма, анархо-синдикализма, титовских самоуправленческих теорий, всестороннего плюрализма и т.д.

Основным требованием, предъявленным летом 1980 года манипуляторами забастовщиков, например, было требование о создании «свободных», «независимых профсоюзов». В списке из 21 пункта, предъявленном ревизионистским властям, это требование фигурировало как основное требование, причем, рабочим внушали, что оно являлось рыча-

гом, способным спасти Польшу! Итак, что касается пролетариата, то для него требование о «независимых профсоюзах» стало *лейтмотивом движения*, в котором он участвовал, и с того времени его движение для него является ничем иным, как движением, *возникшим и проходившим под флагом синдикализма*.

Хотя еще рано уже сейчас взяться за объяснение реакционной сущности этого так называемого свободного профсоюзного движения в Польше, здесь отметим, что ограничение всего движения рамками профсоюзного движения означает, что оно слишком далеко от того, чтобы взять на себя колоссальное бремя революции. Великие классики марксизма-ленинизма, рассматривая профсоюзное движение рабочего класса как одну из форм его классовой борьбы, всегда наказывали пролетариату не ограничиваться лишь рамками профсоюзного движения, а идти дальше к высшим формам организации и *революционной борьбы*. Только правильно проведенная революция спасает рабочий класс, обеспечивает ему главный фактор — власть, диктатуру пролетариата. Это никогда не может быть достигнуто профсоюзным движением даже в случае, если оно руководствуется положениями марксизма-ленинизма, не говоря уже о том, если оно развивается под чуждыми флагами, как это имело место в Польше. «Синдикализм, — говорил Ленин, — либо отрицает революционную диктатуру пролетариата, либо сводит ее, как и вообще политическую власть, на девятое место»*.

Религиозная идеология также насквозь пронизывала и пронизывает это движение. Польские пролетарии бросили решительно все жарким летом 1980 года — работу, семьи, клубы, кинотеатры, театры, поездки, и т.д., кроме церковной служ-

* В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 100, алб. изд.

бы. Впрочем, само ревизионистское правительство, лишив забастовщиков всякой связи по телефону и телексу, обеспечивало им церковную службу. Католические священники ходили по бастующим строительным площадкам, подавая примеры высочайшего самоотречения: соглашались давать мессы и молиться за бессмертие польской души даже на платформах оборудования и под портовыми подъемными кранами, и во дворах или в «воспитательных» залах фабрик и заводов. Именно эти священники во главе со святым отцом Войтылой в Ватикане и кардиналом Вышинским в Варшаве и были «комиссарами» забастовщиков, между тем как исторический момент повелительно требовал законных комиссаров пролетариата, настоящих марксистов-ленинцев. Их не было. И ирония доходила до сарказма, когда на заводе им. Ленина и на строительной площадке «Парижская Коммуна» в Гданьске, где портреты «Святой девы» и Папы Войтылы заслоняли собой портреты великих вождей пролетариата, забастовщики с глубочайшим вниманием следили за чтением религиозных посланий и молились о «победе»!

Именно это столь сложное переплетение событий, эта глубокая противоположность в сути польского движения еще лучше дополняет трагическую и в то же время ироническую сторону этого движения. *Движение, вдохновляемое религией и ожидающее спасения от духовенства — вот чем было и остается, помимо всего прочего, нынешнее польское движение!*

Во-вторых, у польского пролетариата во время движения 1980-1982 годов отсутствовала не только марксистско-ленинская идеология, у него не было и нет носителя этой идеологии, «ее проводника»*, которым, как говорит товарищ Энвер Ходжа,

* Энвер Ходжа, Доклад на VI съезде АПТ, стр. 219, Тирана, 1971, алб. изд.

«не может быть никакая другая партия и организация, кроме коммунистической партии пролетариата ..., партии класса..., которая не может освободить себя, не освободив все человечество»*. Польский пролетариат включился в нынешнее движение в условиях отсутствия у него *передового отряда, марксистско-ленинской партии*, единственной сознательной, организованной силы, способной поднять массы на революцию и руководить ими. Более того, узды правления польского движения держала и продолжает держать в своих руках самая черная реакция. Это самые закоренелые главари польских диссидентов, прозападные капиталистические элементы, руководители романской католической церкви, реакционная интеллигенщина, польское политическое хулиганье. Это во внутреннем плане.

В поддержку всех этих сил сразу встала западная реакция, начиная с лидеров американского империализма и кончая ультрафашистскими партиями в различных западных странах. Ультрареакционные и антирабочие газетенки на Западе неожиданно «обратились в прорабочие», «прозабастовочные трибуны», с которых призывали польский народ довести до конца «народное движение»! Тем временем все западные радиостанции и органы прессы, начиная с «Голоса Америки» и «Би-Би-Си» и кончая органами неофашистских и неонацистских партий и организаций, со всех крыш рекламировали «польское рабочее» движение. К тому же не кто-либо иной, а сам бывший президент Картер заявил резкий «протест» против помех, которые советские социал-империалисты устраивали империалистическим радиостанциям с целью воспрепятствовать «распространению истины о рабочем движении в Польше»!

* Энвер Ходжа. Доклад на VI съезде АПТ, стр. 219, Тирана, 1971, алб. изд.

В адрес забастовщиков, вернее, в адрес сил, манипулировавших и организовавших забастовщиков, начали поступать не только потоки приветственных посланий, но и помощь денежными и материальными средствами со стороны самых реакционных профсоюзных центров Соединенных Штатов Америки, Канады, Федеративной Германии, Швейцарии и т.д. В разгаре своей предвыборной компании тогдашний кандидат в президенты, а ныне президент США, Р. Рейган демонстративно встретил жалкого польского эмигранта, причем вместе с ним поднялся на трибуну, откуда должен был произнести предвыборную речь! Это был отец (отчим) Л. Валенсы, того Валенсы, который уже стал во главе польских забастовщиков. Жест был многозначителен: будущий глава американского империализма, ярый антикоммунист и антирабочий Рейган, открыто выражал «поддержку» забастовочного движения в Польше со стороны империализма, «подбодрял и поддерживал» польских рабочих, подстрекая их к дальнейшим действиям!

Движение, организованное и поощряемое реакционными силами, которое пользовалось и пользуется поддержкой самого кровожадного империализма всех времен и всей международной реакции — вот, в какое движение вливал свои силы и свою энергию польский пролетариат!

В-третьих, тот факт, что польский пролетариат был занят движением, руководившимся совершенно чуждыми его интересам идеями, подтверждается и альтернативой, перед которой был поставлен существующий строй. Требования движения были провозглашены в пресловутом списке из 21 пункта, которые в своей целостности представляли собой своего рода идейно-политическую платформу минимальной программы реакционных сил, управлявших движением. Каково в двух словах их содержание? Помимо некоторых требований об «улуч-

шении трудового законодательства», о признании «права забастовки», о «большей религиозной свободе», о «свободе слова и печати» и т.д., главным требованием, «идеалом» движения, как мы уже сказали выше, была борьба за создание «независимых профсоюзов». Однако все эти требования в своей целостности, так и каждое из них в отдельности, не имеют ничего близкого с тем, что является основным в подлинно революционном движении пролетариата — со свержением или, по крайней мере, с подготовкой условий для свержения существующего капиталистическо-ревизионистского строя и его заменой новой властью, властью рабочего класса.

Наоборот, требования, выдвинутые теми, которые манипулировали польским движением 1980 года, что касается Польши были направлены не больше и не меньше, как на дальнейшее укрепление и перевод на классический путь существующей там капиталистическо-ревизионистской системы, на изъятие и тех незначительных устаревших заплат, уцелевших от так называемого социализма. Как отмечала АПТ в те моменты, требования летнего движения 1980 года были направлены на «еще более коренное, более радикальное преобразование Польши в капиталистическую страну»*.

Однако «21 требование» польского движения, кроме сказанного выше, таило в себе и другую цель более дальнего радиуса действия и более широкого диапазона — антисоциализм вообще. Если их считать требованиями пролетариата в стране, где реставрирован капитализм (а Польша является именно такой страной), то часть из них (например, требования об улучшении трудового законодательства, о повышении зарплат, о праве забастовок и т.д.) кажется полезной и оправданной для первой

* «Зери и популыт», 7 сентября 1980 г.

фазы рабочего движения. АПТ всегда поддерживала и поддерживает подобные требования пролетариата в любой буржуазно-ревизионистской стране, а значит и в Польше. Однако в случае с польским движением посредством этих справедливых для пролетариата требований (не говоря уже о явно реакционных) как вожаки движения, так и международная реакция боролись за достижение другой глубоко враждебной цели: с умыслом отождествляя капиталистический строй в Польше с социалистическим строем и капиталистическо-ревизионистское польское государство — с государством диктатуры пролетариата, манипуляторы движения вышеприведенные требования предъявляют социалистическому строю и диктатуре пролетариата! То есть: право забастовки должно существовать всегда и особенно в условиях диктатуры пролетариата; профсоюзы теоретически и практически должны быть независимыми и от марксистско-ленинской партии; трудовое законодательство и при социализме должно быть таким, чтобы удовлетворить мелкобуржуазные интересы, независимо от реальных возможностей экономики, и т.д. и т.п. Только так, согласно этим манипуляторам, социализм «улучшается», становится «реальным», строем «свободы», «демократии». *Диверсия, новое нападение и новые удары по научному социализму* — вот какова, по сути дела, одна из целей манипуляторов нынешним польским движением!

Другой целью этого движения было *освобождение Польши от всесторонней зависимости от советского социал-империализма*, в особенности, от так называемого социалистического содружества — вообще. Бесспорно, борьба за избавление от ярма советского социал-империализма была и остается справедливой борьбой, неотложной задачей всех народов и стран, в которых Москва запустила свои когти, как и борьба всех стран и на-

родов, страдающих под игом американского империализма и любого другого империализма. Однако, реакционные лидеры движения, ловко используя глубокую и законную ненависть польского пролетариата и всего польского народа к советским социал-империалистам, как и антисоветчину, и в данный момент вдохновляющуюся шовинистическими идеями польской буржуазии, все делали в пользу другой иностранной зависимости. Будучи слугами и агентами западного империализма, они стремились разорвать оковы русской зависимости с тем, чтобы выковать оковы зависимости от западного империализма, прежде всего американского. *Не движение против любой иностранной зависимости, а движение, направленное на замену социал-империалистической зависимости зависимостью от западных империалистов* — вот какой характер придали реакционные главы польскому движению последних лет.

Пока что этих факторов и обстоятельств достаточно для подтверждения того, что польское забастовочное движение 1980-1981 годов, хотя оно и противопоставлялось ревизионистской контрреволюции и несмотря на то, что в него включились целые контингенты польского рабочего класса, по своей сути и характеру не было революционным движением. Вместо того чтобы в силу сложившихся объективных условий стать силой, способной восстановить растоптанные законы пролетарской революции, оно фактически отдалось во власть тех, кто стремился дальше попирать и растаптывать эти законы. Оно было трагическим фарсом, возвратом назад, отрицанием миссии пролетариата. Именно это имел в виду товарищ Энвер Ходжа, когда подчеркивал, что: «Волнения рабочих в Польше подтвердили, ... что субъективный фактор, руководящая рабочим классом политическая сила играет решающую роль. В случае с «Солидар-

ностью» рабочим классом манипулируют и управляют католическая церковь, польская и мировая реакция, которые, следуя по полному опасностей и трагических неожиданностей пути, добиваются установления другого ревизионистско-капиталистического режима»*.

Именно потому, что пролетариат влил свои силы в такое движение, которое не ставило себе целью подготовку условий, ведущих к изменению социально-экономического строя в Польше, и не способствовало такому изменению, результатом этого движения не могло быть что-либо другое, кроме как так называемое гданьское соглашение или гданьский компромисс. Движение развернул пролетариат, а плоды сделки, по крайней мере временно, разделили между собой два руководящих клана: ревизионистские и прозападные капиталистические силы. Причем эти последние добились самой крупной победы: введя в заблуждение пролетариат и манипулируя им, они совершили большой шаг на пути к осуществлению своих дальнейших политических целей. Впрочем речь об этом пойдет ниже. Здесь важно подчеркнуть, что движение, в которое включился польский пролетариат, нисколько не было революционным движением. Еще тогда АПТ через «Зери и популлыт» первой сделала марксистско-ленинское заключение о событиях в Польше, ясно и четко подчеркивая, что «по сути своей они (польские события. — С.Д.) не были революционными событиями. Они были направлены против контрреволюционного режима, но в то же время были пронизаны контрреволюционным духом»**.

* Энвер Ходжа. Доклад на VIII съезде АПТ, стр. 187, Тирана, 1981, изд. на рус. яз.

** «Зери и популлыт», 7 сентября 1980 г.

Этот вывод АПТ дает не только правильное и точное определение характера нынешних польских событий, но и полные и объективные возможности для правильного объяснения причин и условий, способствовавших такому особому проявлению контрреволюции.

II

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Проявление *контрреволюции* в *контрреволюции* является одной из многочисленных форм жестокой классовой борьбы в обществе. Хотя ее суть одинакова с сутью любого другого проявления контрреволюции, тем не менее у нее ряд отличительных черт и особенностей. Эти особенности и черты определяются временем и историческими условиями ее проявления, причинами и условиями, способствующими ее возникновению, силами, участвующими в ней и руководящими ею, особыми целями, которые она ставит перед собой, и т.д. Поэтому в рамках анализа конкретных событий в Польше стоит сказать и несколько слов о характере вообще этого проявления контрреволюции, об особой ситуации, при которой она возникает, и о некоторых из ее самых отличительных черт.

Две диаметрально противоположные позиции

Нынешние события в Польше, как и аналогичные события, происшедшие в этой стране (в 1956, 1970-1971, 1976 г.), в Венгрии (в 1956 г.), в Чехословакии (в 1968 г.) и т.д., московские ревизионисты и их последователи также вынуждены определить как события контрреволюционного характера. По их словам, эти события являлись ничем иным, как проявлением *«контрреволюционных действий при социализме»*, добивавшихся и добивающихся разрушения *«социализма» в соответствующих странах.*

Однако такая «оценка» ставит своих авторов перед слишком дискредитирующими и изобличительными проблемами.

Как это возможно, чтобы в стране, выдающей себя за «социалистическую» страну, происходили такие контрреволюционные выступления, под флагом которых шли не 100 или 10 000, а несколько миллионов человек, чтобы не сказать все общество?

Контрреволюция не свойственна социализму, его природе, его сути. Если в первые моменты после торжества революции существует возможность скрытной организации остатков реакции и поднятия их на контрреволюции, то позднее, по мере продвижения вперед социализма, последовательного ведения классовой борьбы и укрепления базиса и надстройки социалистического строя, постепенно умирают, уничтожаются остатки старого строя, то есть всякая старая база контрреволюций. Как же тогда объяснить тот факт, что поляки, построив социализм (так говорят!), в один прекрасный день тридцать с лишним лет спустя берутся за его разрушение?! Кто их восстановил против со-

циализма, отчего они разочаровались в нем?!

Социализм — это строй пролетариата, организованного как господствующий класс, это самая крупная победа рабочего класса, его самое любимое, самое неприкосновенное детище. Как же тогда при социализме, якобы существующем в Польше, не 100 или 10 000 заблудившихся, а миллионы рабочих поднимаются против «своего неприкосновенного строя»? Кто, как и почему довел дело до такого положения?!

Это дело горстки «контрреволюционеров, диссидентов, хулиганов» — говорится в жалких разъяснениях тезиса «контрреволюция при социализме». Но, во-первых, откуда появились в 1980 году эти элементы, эта «горстка» хулиганов, диссидентов и т.д.?! Появились ли они нежданно-негаданно, или же они вырождались постепенно шаг за шагом и со временем сколотились и организовались?! Конечно, они готовились много лет. Можно ли в таком случае называть «социалистическим» государство, создавшее условия для возникновения, организации и выступления своих же разрушителей?! Затем как это возможно, чтобы контрреволюционные элементы смогли «неожиданно» ввести в заблуждение целые контингенты людей, а не произошло обратное, то есть, чтобы «социалистическая» Польша указала место этой «горстке» контрреволюционеров?!

«Лихорадочная деятельность западных реакционных и антисоциалистических сил!» — приводится другой «аргумент» в пользу тезиса о том, что польские события — это контрреволюционные явления при социализме. Что империалистическая реакция приложила и прилагает свою черную руку к польским событиям, в этом не может быть сомнений. Однако приводимый таким образом «аргумент» превращается в контраргумент для выставяющих его. Известно, что давление, покушения

и посягательства империалистических сил на социалистический строй никогда не прекратятся. Вот почему и опасность всестороннего давления, вмешательства во внутренние дела и т.д. старого буржуазного мира остается для социалистических стран всегда неминуемой. Но, как это давно доказано АПТ, если все социалистические страны будут всегда трезво оценивать давление и вмешательство империалистических сил, если все социалистическое общество под руководством своей марксистско-ленинской партии станет баррикадой империалистическому давлению, то это давление станет безэффективным. Существование или несуществование социализма в какой-либо стране не зависит от воли империалистических сил. Согласиться с обратным, значит скатиться в беспримерный фатализм.

Никогда внешняя реакция не может привлечь «к себе» сотен тысяч людей, тем более граждан социалистической страны, если в этой стране нет условий, возможностей и подходящей почвы для антисоциалистической пропаганды и деятельности империализма. Внешняя реакция может совершать в социалистической стране одно или двадцать саботажных актов, ввести в заблуждение 10 или 1000 человек, привести в действие своих агентов, но мобилизовать неожиданно целые контингенты людей без *основной внутренней причины* — это было бы бессмыслицей. Прекращались ли когда-нибудь вмешательство, давления и попытки внешней реакции разрушить социализм в социалистической Албании? Почему в маленькой Албании социализм непоколебим? Как же в Польше произошло «чудо»? Где были партия рабочего класса и диктатура пролетариата в то время, как при «социализме» организовалась контрреволюция? В силу каких веских причин, в силу каких особых условий Польша, 30 лет подряд носившая в

чреве «социализм» (!), породила... контрреволюцию?!

«Аргументов», порождающих такие вопросы, можно привести сколько угодно, причем такие, которые затрагивают все поры польского общества, однако ни один из них не доведет до истины, поскольку они исходят из нелепого и обманного положения современных ревизионистов о том, будто нынешняя контрреволюция в Польше есть «вспыхивание контрреволюции в условиях социализма».

«Бюрократические действия, извращения некоторых», «искривление экономической и политической линии некоторыми из прежних руководителей» — вот какие «аргументы» приводят дальше сторонники тезиса о «контрреволюции при социализме», пытаясь этим объяснить причину волнений снизу. Однако это факт, что не «некоторые», а целое общество поднялось на ноги против несправедливостей польской действительности. Итак, хотя этого или нет современные ревизионисты, выходит, что бюрократические позиции не «некоторых», а *целого обюрократившегося строя, не искривление политической и экономической линии «некоторыми», а целая порочная, антимарксистская линия* привели к вспышке недовольства и к возмущению всего общества. Следовательно, вся нынешняя система в Польше есть бюрократическая система, ибо там у власти не рабочий класс, а бюрократы и технократы, тот «новый класс имущих», существование которого с «болью» вынуждены признать сами польские правители. Выходит, что в Польше не существует социализм. Но именно этого никак не хотят признать современные ревизионисты. Они готовы все признать — обюкративание «некоторых» и даже «всех», они готовы заменить одну руководящую клику другой, приписывая все «извращениям прежних руководителей», и только горькой

и неопровержимой правды о том, что в Польше *давно нет социализма* не хотят признать. Да и не могут они этого признать. Признать провал социализма, значит своими собственными устами признать тягчайшее преступление, совершенное ими не только в Польше, но и во всех странах, где они господствуют, в первую очередь в Советском Союзе.

Позиция и взгляды Албанской партии Труда диаметрально противоположны позиции и взглядам современных ревизионистов как относительно характера нынешних выступлений в Польше, так и относительно условий, причин и факторов, приведших к ним.

Рассматривая выступления 1980-1981 годов в Польше (как и другие аналогичные выступления в Польше и в других ревизионистских странах) *как выступления контрреволюционного духа, АПТ* одновременно научно доказала, что подобные выступления никак не являются проявлениями контрреволюции при социализме.

К такому выводу АПТ приходит, исходя из основной предпосылки о том, что в *этих странах социализм, как строй, давно свергнут*, что там власть давно перешла в руки ревизионистской контрреволюции. Непосредственным результатом этого явилось восстановление капитализма в этих странах, причем такого капитализма, который отличается от западного классического капитализма лишь своими заплатами и некоторой «социалистической» видимостью, сохранившейся от прошлого. Стало быть, новое движение контрреволюционного характера, которое может вспыхнуть в этих странах, никак не может добиваться свержения того социализма, который давно свергнут ревизионистской контрреволюцией. Новое движение контрреволюционного характера является составной частью ревизионистской контрреволюции и как таковое является ничем иным, как:

Особое проявление контрреволюции.

В долгой истории классовой борьбы известен ряд проявлений контрреволюции. Одним из них является, например, организованное действие реакционных сил в то время, когда революция только началась, но еще не победила. В этом случае силы старого строя, которому угрожает свержение, организуются и предпринимают отчаянные действия с тем, чтобы не допустить торжества революции, преградить ей путь, сохранить старый строй угнетения и эксплуатации. Это факт, что все буржуазные революции минувшего века, не говоря уже о более далеком прошлом, оказывались лицом к лицу с контрреволюцией, организованной силами старого феодального строя. Так случилось с буржуазной революцией в Англии, Франции, Германии и т.д. Еще более яростным стало столкновение между силами старого строя и силами нового строя в нашей эпохе, особенно после торжества Октябрьской социалистической революции. Многие из революционных взрывов, имевших место в различных странах Европы, как в Венгрии, Германии и т.д. в 1918-1922 годы, хотя участвовавшие в них пролетарии вписали в историю целые славные страницы и находились в канун своей победы, наконец были подавлены объединенными силами внутренней контрреволюции, пользовавшейся также поддержкой и помощью иностранных империалистов.

Открытая, насильственная контрреволюция, вспыхнувшая в условиях победившей революции, является организованным действием остатков свергнутых классов, которые упорно и усиленно стараются объединить свои силы с тем, чтобы свергнуть новый, только что установленный строй и вернуть себе утраченный рай. Такая форма контр-

революции, характеризующаяся в основном *открытым насилием*, возможна (с точки зрения порождающих ее причин) только в первоначальном периоде, в первые моменты после свержения старого строя. В этот период, когда новый строй, делающий только свои первые шаги, еще полностью не расплатился со свергнутыми классами, когда еще скрытно действуют остатки банд и сил старого, когда еще продолжает существовать частная собственность, как форма собственности, которая идет по пути ликвидации, когда сознание, определяемое новым строем, только начинает формироваться, когда внешняя реакция как никогда раньше помогает, подстрекает и поддерживает остатки внутренней реакции и т.д. — в этот период возможна и организация открытых контрреволюционных выступлений со стороны сил прошлого. Где в большей, а где в меньшей степени подобные явления имели место во всех странах, в которых установился социализм сразу же после второй мировой войны. Это факт тоже, что где радикально и без колебаний, а где с «болью» и «мягко», посредством «соглашений» такие открытые контрреволюционные взрывы были подавлены или, по крайней мере, они временно понурили голову. Оказавшись перед все возрастающей силой социализма, перед порывом и энтузиазмом рабочего класса и масс, кровью и жертвами совершивших революцию, контрреволюция вынуждена была принять все в расчет.

Продвижение вперед нового, социалистического строя, консолидация марксистско-ленинским путем его позиций во всех областях, в базе и надстройке, посредством последовательного ведения во всех направлениях классовой борьбы решительно ведет к искоренению всякой возможности вспыхивания контрреволюции в ее классической форме, как открыто насильственная контрреволюция. Однако опытом 30-35 последних лет доказано, что,

даже «отказавшись» от классической формы контрреволюции, внутренние и внешние враги не складывают оружия. В таком случае, как доказано АПТ, «их излюбленным оружием в борьбе за свержение социализма является псевдомарксизм, ревизионистская контрреволюция»*.

Социализму не свойственны такие явления, как возникновение контрреволюционных элементов, однако опасность их возникновения налицо. «Это обуславливается не только тем, что новое, социалистическое общество еще сохраняет традиции, обычаи, манеры и взгляды на жизнь, свойственные буржуазному обществу, из которого оно вышло, но и некоторыми экономическими и социальными условиями, существующими в этом обществе в переходный период»**.

Аргументируя и подчеркивая эту истину, АПТ и товарищ Энвер Ходжа в то же время аргументировали, что *эта опасность, угрожающая социализму, не является неизбежной*. «Рождение ревизионизма и возврат назад, в капитализм, — подчеркивает товарищ Энвер Ходжа, — не есть фатальность»***. Там, где социализм строят на основе марксизма-ленинизма, где партия всегда в руководстве, а народ наготове, где решительно и постоянно ведется борьба против любого чуждого нам явления, где ведется жестокая и непримиримая классовая борьба против любого отрицательного явления и любых отрицательных взглядов, там пресекается путь, закрываются все лазейки угрожающей социализму опасности. Контрреволюция в стране, называющей себя «социалистической», 10, 15 или 30 лет спустя после установления там социалистического строя, является неоспоримым доказатель-

* Энвер Ходжа. Доклад на VII съезде АПТ, стр. 119, Тирана, 1976, изд. на рус. яз.

** Там же.

*** Там же, стр. 120.

ством того, что в этой стране социализм либо никогда не существовал, либо он, после установления, подорван изнутри, «потихоньку», поражен гангреной, предан и отчужден.

Как раз это и произошло в Советском Союзе и в других бывших социалистических странах (за исключением Албании). Хрущевским ревизионистам удалось без взрывов и крови, без шума и треска осуществить ту мечту, которую не смогли осуществить классическим путем свергнутые силы контрреволюции.

Здесь мы имеем дело с другим типом контрреволюции, с *мирной ревизионистской контрреволюцией*. Албанская партия Труда и товарищ Энвер Ходжа поставили этому типу контрреволюции полный и всесторонний диагноз, выявили причины и условия, при которых она возникла и развернулась, горькие последствия и ущерб, который она причинила странам, в которых произошла, они определили также пути и средства отражения и удушения ее еще в зародыше.

Рассматриваемые в своей совокупности, контрреволюции этого типа, хотя они и отличаются друг от друга по времени, путям и методам, по сути дела одинаковы: они представляют собой выступления, организованные и руководимые темными силами внутренней и внешней реакции и имеют своей целью сдерживание революции, разрушение социализма там, где он уже победил, продление жизни системы гнета и эксплуатации.

Такова конечная цель и проявления контрреволюции другого типа, *контрреволюции в контрреволюции*. Она возникает и вспыхивает при определенных условиях и ситуациях, а именно в условиях, когда в той или другой бывшей социалистической стране, в результате предательства хрущевских современных ревизионистов, у пролетариата была вырвана власть из рук и начала консолидиро-

ваться ревизионистская контрреволюция. *Непосредственным порождением этой контрреволюции, ее спутником, ее дальнейшим продолжением является контрреволюция в контрреволюции.*

Она является *порождением мирной ревизионистской контрреволюции* потому, что ревизионистское предательство способствовало созданию в соответствующих странах необходимых условий для оживления, консолидации и организации сил, заинтересованных в радикальных, явно капиталистических действиях.

Она является *спутником и дальнейшим продолжением* ревизионистской контрреволюции потому, что оба этих типа контрреволюции, имея одни и те же основные цели (разрушение всего социалистического, борьбу против марксизма-ленинизма» пролетарской революции и т.д.), дополняют, питают и поддерживают друг друга. То, чего не может сделать один из них (для сохранения своих позиций), делает другой в своих интересах.

Однако, если по своей сути эти два спутника реакции являются одинаковыми, то по применяемым формам, средствам и путям они отличаются друг от друга, а в определенные моменты и противопоставляются друг другу.

Во-первых, если ревизионистская контрреволюция, особенно в первых своих шагах, заинтересована в сохранении какой-то постепенности и «спокойствия» в осуществлении контрреволюционных изменений (носители этой контрреволюции понимали, что быстрый, открытый и немедленный акт привел бы их к неизбежному провалу), то контрреволюция в контрреволюции с самого начала добивалась немедленного переворота. Впрочем она именно поэтому и выступает как «оппозиция» в ревизионистской контрреволюции: чтобы продвинуть вперед быстрыми темпами контрреволюционный процесс. Она выступает за глубокие, открытые и

немедленные изменения в направлении восстановления и консолидации капитализма в бывших социалистических странах.

Во-вторых, мирная ревизионистская контрреволюция, ликвидируя по существу все завоевания социализма, старалась и старается любой ценой сохранить социалистическую видимость прежнего строя, сохранить фасад, то есть, некоторые из прежних форм, лозунгов и т.д.

Ревизионистские лидеры в Советском Союзе и в других странах в своих интересах стараются также сохранить ряд «старых» форм бывшего социалистического базиса и надстройки, какими являются бюрократический централизм в экономике и во власти, «централизованное» руководство ревизионистской партии, общественные организации в качестве «приводных ремней» политики ревизионистской партии и т.д. Контрреволюция в контрреволюции против такой опоры даже формально на «прежнее». Ее руководящие силы стоят за свободную капиталистическую анархо-синдикалистскую систему, за децентрализацию в руководстве и в экономике, за открытый плюрализм и т.д. Следовательно, она стоит за чистый капитализм западного, классического типа по содержанию и форме, на практике и в теории.

«Дело в масках, лозунгах!» Внешне это изображается как нечто простое и неважное для столь потрясающего понятия, как контрреволюция. Между тем надо помнить, что для защиты этих «масок», «форм», «лозунгов» прежнего социалистического строя ревизионистские лидеры используют целый бюрократический государственный аппарат, всю свою пропаганду, весь свой дух. «Ревизионисты, правые и левые, — говорит товарищ Энвер Ходжа, — скрывают свою антимарксистскую, антипартийную, антисоциалистическую линию не только когда выступают в качестве пятой колонны, но и когда им

удается захватить власть»*. Причем защищают их они не только демагогии ради, то есть не только чтобы ввести в заблуждение массы, внушая им, что, они, мол, «последовательно верны Ленину», что социализм, мол, «продолжает существовать».

Требование о «свободных профсоюзах», например, правящие ревизионисты «критикуют» и отвергают также ради демагогии, желая показать этим, что они, мол, верны ленинской теории об этом вопросе (!) (не стесняются писать и о том, как великий Ленин ставил этот вопрос), всегда беря Ленина вне контекста, то есть, скрывая правду о коренном преобразовании ими социалистического строя в странах, где они правят. В то же время они борются против создания «свободных профсоюзов» еще и с тем, чтобы держать весь пролетариат своих стран в узде псевдорбочей, псевдокоммунистической правящей партии, под командованием и насилием капиталистическо-ревизионистского государства, то есть, чтобы он не был расколот другими и чтобы им не манипулировали другие. Они являются «защитниками» однопартийной системы не только демагогии ради, чтобы показать, будто партия продолжает быть коммунистической партией (!), но и для того, чтобы в стране господствовали и чтобы ею *управляли только они*, не допуская такого положения, при котором бы узаконивались и стали их партнерами и другие партии, могущие выступать их конкурентами и свергнуть их. Более очевидно это, когда речь идет о таких требованиях, как требование о «праве на забастовки», о «повышении зарплат» и т.д. и т.п. «Мы — социалистическая страна, в социализме нет места забастовкам!» — заявляют те, которые своим предательством создали все условия для возникновения ос-

* Энвер Ходжа. «Доклады и выступления» 1972-1973, стр. 395, алб. изд.

трех социальных конфликтов. Подобными разглагольствованиями они хотят обеспечить себе спокойствие на местах и эксплуатировать рабочий класс, не давая ему подняться против эксплуатирующего его капиталистического строя! Одним словом, и сохранение социалистических «масок», помимо всестороннего насилия, является жизненно важным для правящих ревизионистов и для их линии.

Конечно, решительно выступая против любой «социалистической» словесности своего предшественника, контрреволюция в контрреволюции в то же время камуфлируется, выступает с новыми, изощренными и обманчивыми лозунгами. Без них ей нельзя делать ни шагу вперед ни в деле эскалации борьбы с правящими гаварями, ни в деле заблуждения определенных контингентов трудящихся масс и привлечения их на свою сторону. Так, как свидетельствуют события 20-25 прошедших лет и нынешние события в Польше, лозунгу ревизионистов о «руководящей роли одной единственной партии» контрреволюция в контрреволюции противопоставляет лозунги о «плюрализме» и многопартийной системе, лозунгу о «демократическом централизме» противопоставляет лозунг о децентрализации власти и всей жизни страны, «единому плановому ведению экономики» противопоставляет «самоуправленческие реформы»; «партийному руководству общественными организациями» противопоставляет «независимые», «свободные организации» и т.д. и т.п. Как мы увидим ниже, если первые являются лозунгами «социалистической» окраски, которые нужны ревизионистской контрреволюции для сохранения своего господства, то вторые являются лозунгами контрреволюции в контрреволюции, которая на словах заявляет, будто не стремится к власти, а «борется за демократизацию ее», за «освобождение ее от оков тоталитаризма», «дог-

матизма» и т.д. На самом деле все это — путь к захвату власти.

В-третьих, реставрация капитализма в бывших социалистических странах по указке и благодаря «заботе» Москвы осуществилась с таким расчетом, чтобы эти страны оказались во всесторонней политической, экономической и военной зависимости советского социал-империализма. Эта цель была достигнута как посредством политики улыбок или экономической «помощи», так и с помощью внутренней тени танков и пушек (а когда нужно было и с помощью их снарядов и гусениц). Таким образом, *ревизионистская контрреволюция привязала бывшие социалистические страны к колеснице Москвы*. Руководящие силы контрреволюции в контрреволюции добивались и добиваются *противоположного*. Они, правда, против русской зависимости, против русской оккупации, но их вдохновение, их ориентировка, их цель таковы, чтобы *русская зависимость обязательно была заменена западной зависимостью*. Внушая нынешнему польскому движению бороться за «независимость», капиталистический Запад имеет в виду только «независимые профсоюзы», но никоим образом экономику, политику, всю жизнь Польши. Буржуазия европейских ревизионистских стран, подчеркивает товарищ Энвер Ходжа, «не может жить оторванной от советской буржуазии. Даже если бы она оторвалась от этой крупной и жестокой социал-империалистической буржуазии, она, несомненно, вскоре подпала бы под господство буржуазии развитых капиталистических государств Западной Европы и американского империализма»*.

В-четвертых, с ревизионистской контрреволюцией, с пройденным ею путем, с ее достижениями

* Энвер Ходжа. «Империализм и революция», стр. 259, Тирана, 1979, изд. на рус. яз.

неразрывно связаны жизненные интересы целой группы преданных главарей и лакеев этой контрреволюции. Вне этой группы людей, вне ее структур, форм, специфики та часть польской буржуазии, которая связана с существующими структурами, в самом счастливом для нее случае лишилась бы своих привилегий, а в худшем случае в отношении ее были бы приняты более суровые меры и она понесла бы более тяжелые потери. Поэтому ревизионистские лидеры и их самые верные слуги делают все от них зависящее в целях сохранения в своих странах обстановки ревизионистской контрреволюции. Однако *такая верность этой группы людей обстановке, созданной ревизионистской контрреволюцией, становится помехой осуществлению целей ее прозападного контрреволюционного соперника.* Разумеется, поэтому, что конфликт между обоими крыльями контрреволюции, независимо от того, что оба они представляют интересы одного единственного класса, буржуазии, обостряется, а в отдельных случаях принимает крайние формы. Это борьба между различными группами местной буржуазии, пользующимися поддержкой внешних соперничающих сил, это борьба за власть между двумя кланами контрреволюции внутри страны, борьба за зоны влияния и рынки между внешними силами и в особенности между американским империализмом и советским социал-империализмом. Само собой разумеется, что эта борьба, с точки зрения интересов пролетариата, является ничем иным как попыткой сменить упряжку хозяев, но никак саму колесницу, систему.

В-пятых, ревизионистская контрреволюция, как бы она ни скрывала свои реакционные стремления и планы, рано или поздно должна была вызвать, как и вызвала, недовольство и возмущение масс. Следовательно, существовала возможность того, что массы и в первую очередь пролетариат этих

стран, выдвинув из своей среды марксистско-ленинскую коммунистическую партию, могли полностью осознать большое предательство, совершенное в ущерб социализму, и выйти на поле боя, чтобы вновь совершить революцию и восстановить диктатуру пролетариата.

Перед лицом такой угрозы на помощь ревизионистской контрреволюции как в Польше, так и в других странах, пришел ее спутник — контрреволюция в контрреволюции. Воспользовавшись предательской линией современных ревизионистов, горькими последствиями восстанавливавшегося капитализма, который всюду пропагандировали как «социализм», представители контрреволюции в контрреволюции сумели мастерски дальше увеличить дозу яда — интенсифицировать процесс обмана и идеологического разложения масс. Весь этот яростный крестовый поход, предпринятый обеими сторонами во имя «лучшего», «либерального строя» и т.д., где в большей, а где в меньшей мере либо сковал, либо совратил целые контингенты пролетариата. Хотя и временно, но возможности начала революции исчезли. Это явилось победой обоих спутников контрреволюции. Однако вскоре польские ревизионисты заплатили дань своим контрреволюционным соперникам. Все более крупные контингенты масс отклонялись от пути революции и вставали под знамена контрреволюции в контрреволюции. Последняя давно работала в своих интересах. И настал день, когда она противопоставилась породившей ее власти не только своими собственными силами, но и целыми массами обманутых пролетариев. Иначе и не могло быть.

*

* *

Такова в общих чертах природа контрреволюции в контрреволюции, таковы ее особенности и цели. Конечно, здесь нужно иметь в виду, что, если в основе антагонизма между революцией и контрреволюцией лежит борьба за две диаметрально противоположные социально-экономические системы, то антагонизм между контрреволюцией в контрреволюции и ее спутником-соперником не является антагонизмом между противоположными социально-экономическими классами или системами. Первый антагонизм — антагонизм между двумя противоположными системами, второй — антагонизм в рамках одной и той же системы, капиталистической системы, какими являются, например, противоречия в международном плане между капитализмом и современным ревизионизмом, или между американским империализмом и советским социал-империализмом.

В этом аспекте термин «контрреволюция в контрреволюции» употребляется с тем, чтобы показать конфликт, возникающий и развивающийся внутри контрреволюционной системы между различными группами местной буржуазии и реакции, и направленный на изменение не сущности существующей социально-экономической системы, а формы, типа капитализма, а в зависимости от этого и правящей контрреволюционной группы, и ориентации, связей, внешних империалистическо-ревизионистских хозяев.

Итак, как и мирная ревизионистская контрреволюция, контрреволюция в контрреволюции находится в открытом и остром антагонизме с революцией и социализмом.

Но если в какой-то мере это кажется общими

рассуждениями, то развитие событий в Польше полностью иллюстрирует и служит подтверждением правильности выводов АПТ о причинах и факторах, способствовавших возникновению контрреволюции в контрреволюции, ее характере, чертах, целях и т.д. и т.п.

ОТХОД ОТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Среди многочисленных и комплексных, экономических, политических и идеологических, внутренних и внешних факторов, доведших Польшу до нынешнего положения, АПТ выделяла и подчеркивала в качестве самого важного и основного фактора партию, точнее сказать — *ревизионистскую линию, которую проводила в течение двух-трех последних десятилетий ПОРП*. В редакционной статье «Зери и популлит» от 7 сентября 1980 года подчеркивалось: «К такому катастрофическому положению Польшу привела проводимая польскими ревизионистами антимарксистская политика». Это заключение вновь было отмечено и VIII съездом АПТ, состоявшимся в ноябре 1981 года: «... разыгравшиеся в последнее время в Польше события, — отметил, в частности, в своем докладе товарищ Энвер Ходжа, — ... это следствие курса польской ревизионистской партии на восстановление капитализма...»*.

Трактовка вопроса сквозь призму этого вывода — единственный путь материалистического,

* Энвер Ходжа, Доклад на VIII съезде АПТ, стр. 186, Тирана, 1981, изд. на рус. яз.

беспристрастного и объективного объяснения событий. Скатывание ПОРП на позиции ревизионизма, ее отход от марксизма-ленинизма, нарушение и извращение ею основных законов социалистического строительства — вот источник всего происшедшего и происходящего в этой стране в течение двух-трех последних десятилетий. И чем больше эта партия скатывалась в болото антимарксизма, чем больше уклонялась она от марксистско-ленинской науки, тем больше Польша приближалась к своей катастрофе.

Поэтому краткая и сжатая история проведенной ПОРП за эти три десятилетия линии является необходимой. Она обнаруживает и поясняет и основные причины польской контрреволюции, и процесс возникновения и развития этой контрреволюции.

Предшественники контрреволюции

Первыми в пляску великой измены пустились и ею руководили советские ревизионистские предатели.

ЭНВЕР ХОДЖА

Возникновение и развитие хрущевского современного ревизионизма в первой половине 50-х годов и его официальное утверждение на XX съезде КПСС (февраль 1956г.) явился самым тяжелым и с самыми горькими последствиями ударом, ко-

торый когда-либо терпело дело революции, социализма и освобождения народов.

Хрущев и его последователи своим заговором, который они начали усиленно осуществлять после смерти И. В. Сталина (март 1953 г.), шаг за шагом стали перечеркивать все великие завоевания первой в мире социалистической страны. Без насилия и крови, мирным путем советские партийные и государственные руководители осуществили то преступное дело, которое целые десятилетия безуспешно пыталась осуществить буржуазно-капиталистическая контрреволюция. Были нанесены всесторонние удары марксизму-ленинизму, который был заменен всякого рода ревизионистскими теориями и школками; была узурпирована власть диктатуры пролетариата и заменена властью сил ревизионистской контрреволюции; социалистическая экономика посредством непрерывных «реформ» вновь перешла на рельсы капиталистической экономики; партия, общественные организации, пропаганда, просвещение, культура, наука, литература и искусство, вся надстройка общества лишились своего прежнего, социалистического характера, способствовали разложению самого экономического базиса социализма и стали на службу у нового, капиталистическо-ревизионистского базиса. Ревизионистская контрреволюция восторжествовала во всех областях жизни Советского Союза. Это была очень большая и тяжелая потеря не только для Советского Союза, но и для всего мирового революционного процесса.

Однако преступное дело Н. Хрущева и компании не ограничилось лишь Советским Союзом. Хрущевский заговор являлся целой стратегией, контрреволюционной стратегией превращения Советского Союза не только в крупную капиталистическую страну, но и в великую сверхдержаву, в империю, старающуюся поставить под свой контроль

как можно больше стран и народов. «Целью советских хрущевских ревизионистов, — говорит товарищ Энвер Ходжа, — было заставить ревизионистские партии различных стран поддерживать их политику установления социал-империалистической гегемонии во всем мире»*.

Разумеется, что если первый шаг по пути осуществления этой глобальной стратегии был сделан в самом Советском Союзе, то другой надо было сделать в отношении тех коммунистических партий и социалистических стран, которые общее дело революции и социализма давно тесно связывало с КПСС и советским социалистическим государством. На прицел советские хрущевцы взяли социалистический лагерь.

Но для того, чтобы коммунистические партии и все эти страны превратились в русские губернии, прежде всего им надо было изменить краску, надо было, чтобы и в этих странах совершилась и восторжествовала ревизионистская контрреволюция. Это отвечало бы долгосрочным целям хрущевцев. Другое дело, как соответствующие партии этих стран будут «своими силами» реагировать, как они будут относиться к идейно-политической платформе, которую им предлагала и диктовала Москва.

О том, какие пути, средства, формы и методы были использованы Хрущевым и его кланом для осуществления кабального плана в отношении других партий и стран, можно найти множество фактов, аргументов и выводов в Документах АПТ и произведениях товарища Энвера Ходжа. Особенно его произведение «Хрущевцы» служит яркой картиной в этом отношении. К сожалению, за исключением социалистической Албании, остальные, бывшие социалистические, страны стали добычей хру-

* Энвер Ходжа. «Еврокоммунизм — это антикоммунизм», стр. 100, алб. изд.

щевского заговора. Новая, контрреволюционная линия, предложенная Хрущевым, в одних из этих стран была воспринята с энтузиазмом, как нечто долгожданное, в других она была навязана или же принята благодаря всякого рода давлению, уловкам, махинациям и заговорам, составленным в Москве, и пошла по пути консолидации. Хрущевский современный ревизионизм постепенно захватил власть во всех этих странах. Это была другая огромная и очень тяжелая потеря, которую хрущевский ревизионизм причинил делу революции и социализма в международном масштабе.

Однако, говоря о распространении определенной революционной или контрреволюционной линии, о принятии ее той или другой партией той или другой страны, марксисты-ленинцы всегда хорошо учитывают *роль внутреннего фактора и внешнего фактора* в этом процессе, всегда отводя *первое, главное и решающее место внутреннему фактору*.

Всегда с силой подчеркивая чрезвычайно вредную контрреволюционную роль, которую сыграла и еще играет эта разновидность ревизионизма, АПТ и товарищ Энвер Ходжа в то же время отмечали и отмечают, что ее принятие коммунистическими партиями других стран никак не является чем-то неотвратимым, каким-то явлением, с которым «нельзя справиться». Возникновение хрущевского ревизионизма, правда, явилось большим злом, большой опасностью и угрозой для всех коммунистических партий и всех социалистических стран, но в конечном счете этот ревизионизм, как идейное течение, для остальных партий являет собой только *опасность и возможность, но не неизбежность*. Он не является фатальностью. Он не вытекает из сути марксизма-ленинизма, не в природе социализма стало быть, в этом аспекте он является, так сказать, «внешним» фактором. И лишь тогда, когда находит внутри той или другой

партии подходящее семя оппортунизма, современный ревизионизм быстро проникает в ее ряды, становясь возбудителем и стимулятором всего процесса ее дальнейшего разложения. Стало быть, восторжествует или нет современный ревизионизм в данной партии, это зависит, в первую очередь, от внутреннего фактора, от качества самой партии, от того, придерживается она или нет марксистско-ленинской линии, от того, насколько последовательно ведет она классовую борьбу в условиях социализма, который «в состоянии резко ограничить возникновение не свойственных ему отрицательных явлений».* Эта истина полностью подтверждается примером Албанской партии Труда, ее героической защитой марксизма-ленинизма. Она не считала «фатально неизбежным» скатывание в ревизионизм и реставрацию капитализма, а вела и ведет решительную борьбу со всеми проявлениями современного ревизионизма. АПТ делала и каждый день делает только то, что должна делать каждая настоящая марксистско-ленинская партия.

Отводя нужное место вредной и разрушительной роли предшественников этого процесса, советских ревизионистов, отмечая, что первыми «в пляску великой измены пустились и ею руководили советские ревизионистские предатели»**, АПТ в то же время, когда речь шла об анализе ответственности за проникновение ревизионизма в партии других стран, отмечала, как отмечает и ныне, что *главная ответственность лежит на самих партиях этих стран*. Они ответственны перед своим народом и своей страной, на них лежит бремя измены. Это касается и Польской объединенной ра-

* Энвер Ходжа. Доклад на VII съезде АПТ, стр. 120, Тирана, 1976, изд. на рус. яз.

** Энвер Ходжа. «Против современного ревизионизма», 1968-1970, стр. 179, алб. изд.

бочей партии. Сама она была главным виновником допущения проникновения и развития современного ревизионизма в ее рядах и во всей жизни Польши.

Конечно, слово «допустила» не означает механического процесса, принятого за день специального акта или решения «открыть границы» Польши ревизионизму. Нет. Заразиться чужой болезнью можно лишь тогда, когда для этой болезни имеется благоприятная «внутренняя почва», когда имеются нужные условия, способствующие ее проникновению и развитию. Сказать, что подобная почва, подобные условия у Польской объединенной рабочей партии не отсутствовали — этого мало.

Предпосылки для скатывания ПОРП в ревизионизм

Польская объединенная рабочая партия пришла к власти с *несолидным прошлым*. Она была скорее партией амальгамой, плодом слияния и объединения не одного, а нескольких предшественников, нежели последовательным продолжателем одного единственного ствола.

Не говоря здесь о ряде бывших рабочих, социалистических, социал-демократических и т.д. групп и партий (они действовали еще в прошлом веке и в свое время, наряду с большими недостатками и ошибками, имели и боевые заслуги), надо отметить такой момент, как создание 16 декабря 1918 года первой Коммунистической рабочей пар-

тии Польши¹. Она родилась в результате решения о слиянии двух польских рабочих партий в одну партию: Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКП и Л) и Польской социалистической партии-левицы (ППС-левицы). Революционный порыв, который вызвала во всем мире историческая победа Великой Октябрьской социалистической революции, решительная борьба революционного польского пролетариата и т.д., моменты, когда родилась, как и цели, которые КРПП ставила перед собой — вести рабочий класс в революцию, — все это было обнадеживающими факторами для этой партии. Но, помимо всего другого, тот факт, что она родилась как партия-амальгама, не мог не сказаться весьма отрицательно в ее работе. Несмотря на последовательную борьбу ряда решительных элементов внутри самой этой партии, несмотря на помощь Коминтерна, на его постоянные критические замечания в ее адрес, она не смогла преодолеть трудности и препятствия. В ее ряды, помимо не сформировавшихся и непоследовательных элементов из двух предшественников, со временем проник целый ряд чуждых элементов-троцкистов, оппортунистов и даже фашистов⁸. Они постепенно разрушили партию. Полностью оказавшись в руках врагов, эта партия не отстаивала и не представляла интересов и борьбы польского пролетариата за классовое освобождение; более того, ее руководство играло на руку польской реакционной буржуазии. В связи со всем этим летом 1938 года КПП была распущена.

В 1942 году, в огне борьбы против фашистских орд, в которой революционный польский пролетариат и польский народ пролили потоки крови и

¹ В 1925 году эта партия, согласно решению ее III съезда, была переименована в Коммунистическую партию Польши (КПП).

внесли свой ценный вклад в дело победы, образовалась Польская рабочая партия (ПРП). В нее вступили в основном оставшиеся из распустившейся в 1938 году Коммунистической партии элементы, как и левые элементы из Польской социалистической партии. Только что созданная партия взяла на себя задачу руководить борьбой польского пролетариата и польского народа не только за победу над фашизмом, но и за коренные преобразования в социально-экономическом строе послевоенной Польши. В 1945 году была одержана победа. ПРП, независимо от того, что была молодой партией с несолидным прошлым, в годы героической войны приобрела многие из свойств и черт настоящей рабочей партии. Прежде всего в ходе борьбы она снискала себе уважение и доверие пролетариата и народа Польши, заняв главное место в многопартийной¹ системе Польши, место партии, которой принадлежала руководящая роль во всей жизни страны.

В предстоящей борьбе за социалистическое строительство новой Польши, особенно при благоприятных условиях, сложившихся в результате победы социализма и в ряде других европейских стран, эта партия имела все возможности, дальше укрепив свои позиции, устранив вредный груз прошлого и выработав и проводя последовательную марксистско-ленинскую линию во всех направлениях, с честью выполнить свою историческую миссию. Но именно в эти моменты она совершила другую ошибку: 15 декабря 1948 года заключила соглашение о слиянии с Польской социалистической партией.

В условиях послевоенной Польши, когда обе

¹ В 1945 году самыми главными партиями в Польше были: Польская рабочая партия (ПРП); Польская социалистическая партия (ППС); Социал-демократическая партия.

партии заявляли, что были представителями «интересов польского рабочего класса», разумеется, вопрос объединения и руководства польским пролетариатом одной единой партией рабочего класса был вопросом, требовавшим своего разрешения. Говоря об этом вопросе, товарищ Энвер Ходжа подчеркивал, что «быть может, это и было необходимо», но «польская партия была образована в результате механического слияния буржуазных, так называемых рабочих, партий»*. На учредительном съезде ПОРП в декабре 1948 года, например, из 1526 участвовавших в нем делегатов 281 был из рядов довоенной ППС, которая до оккупации Польши фашистской Германией, в сентябре 1939 года, оторвалась от польского рабочего класса и превратилась на деле в партию, служившую интересам довоенной польской буржуазии. Причем некоторые из этих делегатов тогда же были избраны в руководящие органы ПОРП. Итак, начиная с этого момента члены обеих партий стали называться членами *Польской объединенной рабочей партии* (ПОРП). Несколько лет спустя именно ПОРП, порождение этого объединения сверху, оказалась лицом к лицу с советским современным ревизионизмом. Какую позицию она займет по отношению к нему? Все говорило за то, что ПОРП, проникнутая (особенно в 1945-1948 годы) духом «сотрудничества» с другими партиями, духом «великодушия» к любой тенденции, течению или партии, готовая принять термин «демократия», «социализм» и т.д., следовательно, партия, склонная к «объединениям» и «слияниям», оказавшись перед новым ревизионистским течением, не отречется от своей старой склонности.

Посмотрим дальше: в 1945 году, три года спу-

* Энвер Ходжа, «Хрущевцы» (Воспоминания), второе издание, стр. 277, алб. изд.

стя после своего образования, Польская рабочая партия насчитывала в своих рядах 150 000 - 200 000 членов. Еще три года спустя, в 1948 году, независимо от того, что из ее рядов были исключены десятки тысяч вражеских элементов, она, идя по пути объединения с ППС, насчитывала в своих рядах уже 1 012 000 членов⁹. То есть за три года прибавилось около 1 000 000 новых «коммунистов»! Миллион «коммунистов»! Как много дел — им несть числа: приходилось оперировать миллионами, выбирать среди них миллион самых лучших, проверять их прошлое, их положение ко времени их принятия в партию, изучать их убеждения, настроения и цели, готовить их к предстоящему большому шагу, на практике испытывать их готовность воспринять идеи коммунизма, и т.д. и т.п.! И все это за три года, да за какие годы — за три самых напряженных года огромных трудностей, хлопот и проблем. Задумываясь обо всем этом, невольно задаешься законным вопросом: Было ли это настоящим коммунистическим, серьезным делом? Ведь речь идет о 1 000 000 членов партии, от веса и деятельности которых зависела вся жизнь партии и страны. Даже самая простая логика подсказывает, что это составляло одну из самых фатальных для будущего ПРП ошибок.

Еще в 1905 году Сталин писал: «В то время как самодержавие старается развратить классовое самосознание пролетариата «третьюнионизмом», национализмом, клерикализмом и т.д., когда, с другой стороны, либеральная интеллигенция упорно старается убить политическую самостоятельность пролетариата и добиться опеки над ним, — в это время мы должны быть крайне бдительными и не должны забывать, что наша партия есть **крепость**, двери которой открываются лишь для проверенных»*. Несмотря на

* И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 69, алб. изд.

то, что сложившаяся в 1945-1948 годах в Польше ситуация на каждом шагу доказывала, что свергнутая, но еще не полностью экспроприированная, буржуазия, реакционная интеллигентщина, церковь и др., поддерживаемые и вдохновляемые западным империализмом, делали все возможное, чтобы вырвать у рабочего класса власть из рук, ПРП поступила вразрез с советами Сталина, превратив партию не в крепость, куда могли входить лишь проверенные, а в клуб, куда мог входить кто угодно. Антимарксистские извращения югославских титовцев в вопросах о соотношении между партией и фронтом, о роли партии во Фронте и т.д. укоренились и у ряда оппортунистических руководителей Польской рабочей партии, прежде всего у Владислава Гомулки, благодаря чему партия почти отождествлялась с Фронтом. Усугублению этой ошибки способствовало еще и другое негативное и антимарксистское явление: вспыхнувшая в Польше в первые годы после ее освобождения конкуренция между различными партиями. Каждая из этих партий, стремясь укрепить свои позиции с тем, чтобы сказать последнее слово относительно будущего страны, развернула кампанию вербовки возможно больших элементов в партию. Началось настоящее соревнование, более лихорадочное, чем выборные кампании при многопартийных системах. ПРП не только не выступила против этого вредоносного соревнования, но, наоборот, сама всеми силами включилась в него. В подобных ситуациях в Польше, чтобы стать «коммунистом», достаточно было заявить о своей приверженности ПРП!

Разумеется, что среди 1 000 000 принятых в партию было не мало таких, которые стояли за коммунизм и с убеждением вступали в партию. Храбрость и смелость коммунистов в годы войны, новая жизнь, которую только что начали строить в Польше, взятие власти рабочим классом и трудя-

щимся народом, первые меры по ликвидации старых производственных отношений и установлению новых социалистических (особенно в области промышленности), первые шаги в создании социалистической культуры, искусства и литературы, большие перспективы, которые открывались перед страной на пути к социализму, рост авторитета ПРП, как главной руководящей силы в этом процессе преобразований и т.д. и т.п. — все это не могло не способствовать сближению наиболее здоровых сил польского пролетариата и польского народа с ПРП. Поэтому пополнение рядов партии самыми хорошими и верными элементами, в которых у Польши и польского пролетариата не было недостатка, было хорошее и необходимое дело, но «*modus in rebus*»¹. Тем более, когда речь идет о приеме в коммунистическую партию, об авангарде авангарда. ПРП не только не учитывала этой нормы, но и грубо нарушила ее.

Ее политика открытых дверей расчистила путь всякого рода направлениям и течениям: назывались «коммунистами» и те, которые просто симпатизировали коммунизму, но не имели никакого представления о его принципах, нормах, требованиях и программе; назывались «коммунистами» и те, которые вступали в партию просто из-за корыстных и карьеристских интересов, чтобы извлекать выгоду из своего пребывания в партии. В партию вошло также множество элементов с далеко идущими целями: ликвидировать в партии, «от ее имени», все хорошее, которое могло быть унаследовано ею от прошлого, занять ключевые позиции на местах и в руководстве, превратить партию, как и превратили, в антипартию. Это было самое злобредное, самое опасное сословие реакции, ее пятая колонна в рядах ПРП. Первым актом, совершенным ПРП на ее

¹ По-латински: существуют известные границы.

порочном пути, был ее отказ от миссии руководства всей жизнью Польши. В результате соревнования с ППС она пришла к соглашению механически слиться, как и слилась, с нею.

И как будто у Польши было мало одного миллиона с лишним «коммунистов», 15 декабря 1948 года одним единственным актом, посредством соглашения, в течение одного дня в ряды партии влилось около 300 000 других «коммунистов»: около 300 000 поляков, которые еще 15 декабря 1948 года были социалистами, утром 16 декабря 1948 года, теперь уже в качестве членов ПОРП, проснулись «коммунистами»!

Выше мы говорили о том, как чуждым делу партии и социализму элементам удалось совершенно свободно проникнуть в ряды партии, называвшей и выдававшей себя за коммунистическую партию Польши. Лишь для иллюстрации приведем еще два-три факта: простая проверка, произведенная в период между I съездом (декабрь 1948) и II съездом (март 1954 г.) показала, что партийным билетом прикрывались (некоторые даже стали «кадрами») 160 бывших агентов тайной полиции свергнутого режима, 700 бывших жандармов, 1500 бывших кадров фашистского оккупационного аппарата, 3000 участников вражеских полицейских организаций, среди которых имелись и высшие кадры эсэсовских дивизий, преступники, работники антинародной печати прошлого и т.д.¹⁰

Но ни вскрытие этих элементов и исключение их из партии, ни исключение в 1948-1954 годах 165 700 других за чуждые идеологические взгляды, за нарушение дисциплины и т.д., ни добровольное удаление из партии 110 900 других,¹¹ ни бесследная «пропажа» десятков тысяч других, которые так же, как в один прекрасный день неожиданно стали «коммунистами», в один из дней неожиданно решили покинуть партию, — то есть

ни одна из этих небольших «операций» не оздоровила — да и не могла оздоровить — чрезвычайно разросшееся тело ПОРП. Впрочем, для восполнения этих «потерь», со времени своего I съезда до II съезда ПОРП приняла в свои ряды, полностью придерживаясь своего прежнего пути, не мало, а ровно 413 449 новых членов¹². Именно эта партия, с таким множеством членов в этот период оказалась лицом к лицу с советским современным ревизионизмом. Могла ли партия с таким составом противиться появлявшемуся на арене хрущевскому современному ревизионизму?!

Более того: Правый оппортунизм в ПОРП и до 1948 года, то есть еще тогда, когда ПРП действовала как самостоятельная партия, не только уже проявился, но и нанес тяжелые удары партии и строившемуся социализму. Наиболее отчетливо, широко и типично этот оппортунизм проявлялся в *правом националистском уклоне*, возглавляемом Владиславом Гомулкой. Не вдаваясь в подробности истории, надо сказать, что еще весной 1944 года, когда сталинская армия наносила сокрушительные удары нацизму и ПРП руководила борьбой польского народа за освобождение страны и взятие власти, Владислав Гомулка (в то время Генеральный секретарь партии) и его оппортунистическая группа, подобно Тито и Субашичу в Югославии, лихорадочно стремились разделить власть с реакционным правительством, сформировавшимся за границей (в Лондоне) с тем, чтобы слить ПРП с фронтом, лишить польский рабочий класс руководящей роли в Национальном фронте и, более того, обезоружить и увести его в сторону от решительной борьбы за власть. Благодаря решительной борьбе здоровых сил в партийном руководстве, прежде всего выдающегося революционера Болеслава Берута, вылазки В. Гомулки и его группы не удались. Некоторое время спустя Гомулка был

снят с должности генерального секретаря партии, но он не только сохранил свои посты в самых высших органах партийного руководства, но и нашел возможности и благоприятную почву для дальнейшего продолжения своей оппортунистической деятельности. Возглавляемое им уклонистское течение приняло на вооружение оппортунистическую линию титовского ревизионизма и боролось за ее проведение в жизнь «в условиях Польши».

Большое давление империализма и остатков свергнутых классов сказывалось даже в руководстве партии, где велась жестокая борьба взглядов относительно таких вопросов, как функции народной власти, классовая борьба при социализме, отношение к Советскому Союзу и КПСС и т.д. Как это отметил Б. Берут в докладе съезду, оппортунистические взгляды В. Гомулки и его сообщников в какой-то мере стали преобладающими в партии и ее руководстве. Партия, отметил I съезд ПОРП, не воспитывалась в духе классовой борьбы. С одной стороны, она увеличивалась за счет неподготовленных и непроверенных элементов, с другой, в нее проникали идеи национализма и неограниченной буржуазной «демократии». Многие буржуазные элементы, особенно из средней и мелкой буржуазии, которые очень мало были затронуты реформами, в этот период выступали «за» народную демократию, ибо они считали этот тип демократии мостом примирения империализма с социализмом на международной арене и буржуазии с рабочим классом — на внутренней арене. Партия, отметил съезд, под влиянием гомулковской уклонистской группы, не только потворствовала этим тенденциям, но и дала им укорениться в ее рядах.¹³ В этом источник таких тяжелых ошибок, как политика распахивания дверей для приема в партию в массовом порядке; благодушное отношение к национальной буржуазии и к другим политическим

партиям в стране («народная демократия — демократия для всех»), «согласие» и «сотрудничество» с ними; прекращение классовой борьбы («при социализме нет в ней необходимости»); политика «тактического молчания» (?!) в отношении Советского Союза, КПСС и И.В. Сталина («нас критикует реакция за просоветизм!»), попустительство в отношении духовенства и католической церкви, предоставление им беспримерных свобод (до 1948 г. церковь в Польше не была отделена от государства) и т.д. и т.п. Все эти поблажки, все эти оппортунистические взгляды и действия имели место именно тогда, когда империализм, во главе с американским империализмом, развернул и усиливал борьбу за проведение своей антикоммунистической и контрреволюционной стратегии. Они являлись убедительным доказательством того, что, как и в Югославии, в Польше эта стратегия империализма давала уже свои плоды. Все упомянутые выше ошибки нельзя было иначе называть, кроме как уступками, преклонением перед всесторонним давлением, которое империализм, как и на другие страны, оказывал на Польшу в надежде на оживление и дальнейшую активизацию всех колеблющихся, уклонистов и оппортунистов, чтобы с их помощью разложить и разгромить коммунистическую партию и свернуть Польшу с социалистического пути. Но если в КПЮ контрреволюционное наступление империализма дало полный эффект еще в это время, то в Польской рабочей партии и в ее руководстве его последствия проявились в основном у ограниченной группы во главе с В. Гомулкой.

Благодаря разоблачению титовского ревизионизма со стороны Информбюро, вскрытию и осуждению тайных и открытых связей между этим течением и международным империализмом, особой интернационалистской помощи, которую Информ-

бюро и КПСС оказали ПРП в этот период, благодаря вкладу, внесенному в это дело наиболее здоровой частью партии во главе с Болеславом Берутом и т.д., в 1948 году правому уклону был нанесен удар и в известной мере он отступил. Однако операция была слишком поверхностной, безболезненной. Это сказалось и в работе I съезда ПОРП. В ответ на многочисленные упреки В. Гомулка сказал: «У меня больше нечего добавить, остаюсь при моих взглядах, которые и раньше излагал»¹⁴.

В заключительном слове на съезде Б. Берут так охарактеризовал поведение Гомулки: «Речь Владислава прозвучала на этом съезде как неприятный диссонанс; нет никакого сомнения в том, что в этой речи под ширмой общих оправданий скрывается националистическое и антипартийное содержание. Это говорит о том, что Гомулка выбрал путь не со съездом, а против съезда»¹⁵.

И все же было найдено разумным опять избрать членом ЦК ПОРП В. Гомулку, этого оппортуниста, националиста и антипартийного элемента! Почему? «Потому, что он старый», «опытный товарищ», «партия протягивает ему руку, потому что он боролся за партию», «он пользуется влиянием у членов партии и его удаление нанесло бы ущерб делу»¹⁶ и т.д. и т.п. Червь уже давно сделал свое дело, тело ПОРП было поражено гангреной. Ни последующее исключение В. Гомулки и ряда уклонистов, таких как Клишко, Совиньский, Спыхальский и др. из руководства партии и из ее рядов, ни заключение в тюрьму некоторых из них в 1951 году не принесли, да и не могли принести, какого-либо заметного результата в деле оздоровления положения.

Гомулка и некоторые другие были сняты, но в рядах партии остался их оппортунистический уклон. Уклонисты давно работали для этого дня и

знали, что даже в том случае, если будут осуждены сто тысяч оппортунистов, оппортунизм будут поддерживать и дальше продвигать вперед сотни тысяч других оппортунистов, начиная с низов и вплоть до высшего руководства ПОРП. Поэтому, если правый оппортунизм, который процветал в рядах партии, некоторое время (1950-1952 гг.) как будто оставался в тени, это не говорило о том, что с оппортунистами было покончено. Правда, часть вожаков, как Гомулка с компанией, была обличена, оппортунизм был объявлен «самым опасным врагом для партии и социализма», был принят целый ряд мер для проведения правильной линии, но все же эти меры не были ни достаточными, ни радикальными. Партия не была очищена от оппортунистов, корни оппортунизма не были вскрыты и не были вырваны. Так что «молчание» этого уклона на некоторое время было ничем иным, как тактикой. Это было отходом перед атакой, временным отступлением в ожидании «лучших времен». И эти времена были не за горами.

Ярким выражением ошибок и искривлений в генеральной линии ПОРП за этот период была и половинчатая, не последовательная, не четко определенная линия социалистического строительства страны. После проведения ряда мер и реформ демократического и социалистического характера (экспроприация крупных землевладельцев, проведение аграрной реформы, национализация промышленности, установление государственной монополии на внешнюю и в какой-то степени и на внутреннюю торговлю и т.д.), в 1948 году I съезд ПОРП принял директивы о плановом развитии польской экономики. В первом шестилетнем плане (1949-1954 гг.) по праву преимущество было оказано социалистической индустриализации страны, и в этом направлении были достигнуты заметные результаты. Однако, несмотря на то, что законо-

мерности социалистического развития страны первое и главное место отводят социалистической индустриализации, это совсем не значит, что можно упустить из виду развитие по социалистическому пути других отраслей экономики, особенно сельского хозяйства. Это была грубая ошибка, которая имела самые большие последствия в жизни страны. В то время как промышленность до 1954 года развивалась очень высокими темпами по сравнению с 1949 годом (почти на 128%), темпы развития сельского хозяйства за тот же период повысились совершенно незначительно (почти на 10%). Производство зерновых в 1954 году по сравнению с 1949 годом увеличилось на 5%, а производство овощей — почти на 2%¹⁷. Да и этот незначительный рост производства в сельском хозяйстве был достигнут главным образом частным сектором. Государственный сектор сельского хозяйства был весьма ограничен, а что касается коллективизации сельского хозяйства, то мало сказать, что она совсем была упущена из виду. Давление оппортунистического уклона в партии, кулачества и землевладельцев, Польской крестьянской партии, как «партнерши» ПОРП в борьбе за «продвижение вперед Польши» и т.д. дало свои результаты. В 1953-1954 годах в Польше все больше и больше стали сказываться недостатки и неполадки в снабжении рынка и промышленности земледельческой и животноводческой продукцией.

Но если ошибки и искривления в политической, идеологической и организационной линии партии определяли тот факт, что она стояла на нетвердых позициях и на перепутье, то ошибки и искривления в экономической области касались уже материальной жизни, в которой более непосредственно переплетались интересы целого общества и которая касалась его будущего.

Мы упомянули только некоторые предпосы-

лки скатывания ПОРП в ревизионизм, только те, которые, как сказать, были более «специфичными», более «характерными» для ее жизни. С ними был связан, являясь причиной или следствием этих предпосылок, также ряд других причин, типичных для всех партий, скатившихся на позиции хрущевского ревизионизма, такие как недостаточная работа по овладению марксизмом-ленинизмом; отсутствие последовательной борьбы с бюрократизмом и постепенное превращение целого ряда партийных и государственных работников в аппаратчиков; недостаточная и слабая борьба в идеологической области за уничтожение груза старой идеологии и за повышение революционной сознательности партии и масс; либерализм и попустительство в отношении религии и реакционного духовенства и т.д. и т.п.

Это были моменты, когда ПОРП надо было серьезно встряхнуться. Были моменты, когда она больше, чем когда-либо, нуждалась и в подлинно интернационалистической помощи со стороны братских партий и в первую очередь со стороны КПСС. Прежде всего эта помощь нужна была ей для правильной оценки положения внутри своих рядов, для выработки и проведения правильной, марксистско-ленинской линии во всех областях и принятия дальнейших решительных мер против оппортунизма. Последовательность других коммунистических партий в борьбе за защиту и проведение марксизма-ленинизма в своих странах, накопленный ими в течение ряда лет опыт, а также и непосредственная поддержка с их стороны явились для ПОРП бесценной помощью, и при таких условиях она должна была не только считать правильной, но еще больше углубить и довести до конца борьбу, которую, казалось, она начала против оппортунизма. Эта борьба, если бы она велась решительно, во всех направлениях и на основе

марксизма-ленинизма, спасла бы партию и социализм в Польше.

Но именно в то время, когда самые здоровые силы ПОРП больше чем когда-либо нуждались в этой помощи братских партий и в первую очередь КПСС, произошло обратное. На сцене появился хрущевский современный ревизионизм. Сразу же после смерти И. В. Сталина из Москвы для скрытых и явных оппортунистов в других партиях начали поступать первые сигналы о том, что зеленая улица уже дана. И, естественно, польские оппортунисты, которые уже давно ждали этих сигналов, первыми заметили их. Почва для принятия новой разновидности ревизионизма у них была готова.

До и после пресловутого съезда

Внимательно следя за всем тем, что происходило в Советском Союзе (большие и ошеломляющие перестановки кадров всех уровней еще в день смерти И. В. Сталина; внезапный приход Н. Хрущева во главе КПСС; ориентация на экономизм; первые сигналы о «свободном выражении мыслей», о «восстановлении коллегиальности» и т.д. и т.п.), т.е. за всем этим регрессивным процессом, который живыми красками дан товарищем Энвером Ходжа в его произведении «Хрущевцы», польские ревизионисты не ошиблись, чутье у них было острое: наступал долгожданный момент. Не случайно польские оппортунисты первыми, еще во второй половине 1953 года, выступили с требованием о «пересмотре прежней линии». Началась кампания, которая позже была названа «движением демократизации». Свои требования о «пересмотре» и «де-

мократизации» польские ревизионисты предъявили не в каком-нибудь уголке или на какой-либо тайной встрече, а открыто, на III пленуме Центрального Комитета ПОРП. Хотя такие голоса, из-за «нетерпения» поднятые еще в 1953 году, некоторое время держались в «тайне» (об их существовании официально стало известно только в 1957 г.)¹⁸, они оказались не безэффектными. В результате давления «сверху» и «снизу», еще в 1953 году были выпущены из тюрьмы В. Гомулка и компания. Под маской так называемого свободного обмена мнениями внутри и вне партии стали порочить линию партии, прежние коллегиальные решения и все то хорошее, что было реализовано в прошлом. На мушке держали самых здоровых партийцев, которых называли «догматиками», «сектантами» и т.д.

И такие эпитеты давали им не только силы вне рядов партии, но особенно силы внутри партии, то множество членов партии, которое именно для этого дела и вступило в партию. Один за другим получили свободу и восстановились в «правах» многие из прежних осужденных; все больше и больше стали требовать пересмотра не только процессов после 1948 года, но и процессов до 1942 года. Подтекст был ясен: пересмотр процессов после 1948 года (осуждение уклона Гомулки и др.) означал пересмотр Информбюро; пересмотр процессов до 1942 года (ропуск бывшей КПП в 1938 году) означал пересмотр Коминтерна!

Некоторое время спустя было сделано и это. В марте 1956 года заявлением, подписанным центральными комитетами коммунистических партий Советского Союза, Италии, Болгарии, Финляндии и ПОРП было объявлено недействительным решение 1938 года о роспуске КПП. Все те, кто в то время был осужден как фашист и враг партии, были реабилитированы¹⁹.

Итак, польские оппортунисты мобилизовали

все свои силы для начала яростного наступления на все социалистическое как внутри страны, так и за ее пределами.

Этот «новый дух», который с каждым днем все больше и больше ощущался в Польше, а также и в других бывших социалистических странах, с радостью приветствовали и всеми своими батареями поддерживали американский империализм и международная реакция. Теперь было ясно, что стратегия американского империализма, которая, как говорит товарищ Энвер Ходжа, «получила более выраженный контрреволюционный и антикоммунистический характер после второй мировой войны в результате изменения соотношения сил в пользу социализма и революции»*, после почти десяти лет многочисленных усилий, всестороннего давления и вмешательства давала свои пагубные плоды. Чтобы дать новый импульс этому процессу, наряду с давлением, мировая реакция начала всячески восхвалять происходивший в бывших социалистических странах поворот и в то же время умножила усилия к «наведению мостов дружбы и сосуществования», к налаживанию обмена не только «мнениями», но и людьми, «идеями», «опытом» и т.д. В этом плане Польше было отведено важное место. Из рядов польской эмиграции, старой и «новой» (последнего периода второй мировой войны), особенно из рядов нескольких миллионов поляков, проживающих в США, стало приезжать в Польшу, чтобы «наглядеться» на родину, чтобы «жить в своих семьях», чтобы увидеть своих «родных» или свои имения, все возрастающее число эмиссаров, шпионов и агентов капиталистического запада. Они должны бы-

* Энвер Ходжа, «Еврокоммунизм — это антикоммунизм», стр. 17, алб. изд.

ли не только закрепить старые связи и устанавливать новые с представителями довоенной польской реакции и буржуазии, но и вдохновлять и поддерживать оппортунистов, прибиравших к своим рукам партию и власть в Польше.

Особенно важную роль в ускорении контрреволюционного процесса в Польше, а также и в других бывших социалистических странах, сыграли *югославские ревизионисты с Тито во главе*. Они с восторгом встретили происходившие в Польше изменения, громогласно приветствовали их и сразу стали в авангарде вдохновителей и подстрекателей польских оппортунистов. С одной стороны, этим югославские ревизионисты выполняли миссию, возложенную на титизм в рамках «общей стратегии империализма по подрыву изнутри социалистических стран»*, с другой стороны, происходившие в Польше и других странах контрреволюционные изменения они старались использовать как доказательство «правильности» уже давно проводимой ими линии, и таким образом, насколько это было возможно, реабилитировать себя, то есть реабилитировать предателей марксизма-ленинизма, уже давно разоблаченных международным коммунистическим и рабочим движением.

Но это факт, что польских оппортунистов в их стремлениях, наряду с западным империализмом и югославским ревизионизмом, не только вдохновляли, но и оказывали им всестороннюю и непосредственную помощь и поддержку Н. Хрущев с компанией. Он, помимо всего прочего, в начале 1954 года взял на себя задачу избавить польских оппортунистов от большого препятствия — Б. Берута. Во время специального «визита» в Варшаву он сделал все возможное, чтобы отстра-

* Энвер Ходжа. «Еврокоммунизм — это антикоммунизм», стр. 17, алб. изд.

нить Б. Берута от должности Генерального секретаря ПОРП, чтобы назначить на этот пост, как выразился сам он, «более умелого, более способного товарища»²⁰. Известно, что Хрущев провалился в этой своей попытке. «Однако, — отмечает товарищ Энвер Ходжа, — ревизионистская мафия, которая стала оживляться, думала о всех путях и возможностях. Она ткала паутину. И если Берут не был смещен с партийного руководства в Варшаве, как этого желал и диктовал Хрущев, то он должен был быть позднее полностью ликвидирован в Москве неожиданным «насморком!»*.

В рамках «обновления» критики ошибок прошлого (особенно с 1948 года) на прицел были взяты не только партия, но и базис и надстройка общества в целом. Началось наступление против всего достигнутого в Польше, начиная с вопросов организации и управления государством и экономикой и кончая вопросами культуры, искусства, литературы, образа жизни и т.д. Но в то время как «внизу» свободно говорили и открыто совершали нападки относительно всех областей жизни, «наверху», главные органы польской партии и государства, начиная со второй половины 1953 года, главное внимание сосредоточили в основном на экономике. По примеру Хрущева в Советском Союзе,¹ экономизм сделали последней модой и в Польше, Венгрии, Чехословакии и т.д.

Крепко ухватившись за экономизм еще в первый период своего реванша, современные ревизионисты преследовали в основном политические цели.

* Энвер Ходжа. «Хрущевцы» (Воспоминания), второе издание, стр. 38, алб. изд.

¹ Свою карьеру, как номер один в ЦК КПСС, Н. Хрущев начал с доклада «О подъеме сельского хозяйства и повышении материального уровня масс», сделанного на III пленуме ЦК КПСС в июне 1953 г.

Во-первых, «сосредоточивая» свое внимание на экономике, выступая с лозунгами о «коренном повороте в материальном уровне масс», «об удовлетворении все возрастающих потребностей масс» и т.д., современные ревизионисты выдавали себя за «новых руководителей», призванных принести «изобилие», «большие блага социализма», за людей, занимающихся не «пустословием» и «пустой пропагандой», а «основными» проблемами. Итак, по пути к власти они старались приобрести политическое доверие, обмануть массы и завоевать их симпатию.

Во-вторых, сосредоточивая свое внимание на экономике, они косвенно, а позже и в открытую, атаковали прежнюю линию, как линию, якобы не уделявшую нужного внимания «жизни народа», а прежних руководителей — как руководителей, стоявших «в стороне от народа», «в стороне от его повседневных нужд». Таким образом, то опорочивая прошлое, то цинично злоупотребляя вполне понятными трудностями социализма первых лет, они играли на чувствах и мыслях простых людей, чтобы вызвать у них отвращение ко всему «прошлому». Итак, подготавливалась почва для ликвидации всех завоеваний социализма и для возврата назад, в капитализм, почва борьбы против социалистической системы в целом, против общих законов социалистического строительства.

В-третьих, сосредоточивая свое внимание главным образом на экономике, современные ревизионисты старались отвлечь внимание самой здоровой части партии и органов власти от множества проблем жизни и деятельности, «приковать» их к экономике с тем, чтобы ревизионистский червь свободно делал свою подрывную работу внизу. Если внимательно проанализировать главные официальные документы высших польских партийных

и государственных органов этого периода (особенно до 1956 года), то сразу бросается в глаза, что партийное руководство рассматривало и обсуждало главным образом экономические вопросы. Сам II съезд ПОРП (март 1954 г.), игнорируя занимавшие страну острые политические и идеологические проблемы, в центре своего внимания имел вопросы «постоянного улучшения материальных и культурных условий трудящихся и их постоянное благосостояние, быстрое развитие сельского хозяйства». Пленумы ЦК партии также занимались в основном «экономикой».

Несомненно, вопросы экономической политики относятся к числу самых кардинальных вопросов для каждой коммунистической партии. Она занимается и должна заниматься ими постоянно и на своих съездах, и на своих пленумах между двумя съездами. Но беда для ПОРП (а также и для других ей подобных партий) относительно данного периода состоит в другом. С одной стороны, «серьезно» взявшись за экономические вопросы, современные ревизионисты нападали на все законы экономического развития соответствующих стран, расчищали путь тем формам и реформам, которые вскоре должны были поставить экономику этих стран на капиталистический путь развития. С другой стороны, под маской «заботы об экономике» они умышленно оставляли в стороне другие проблемы жизни и деятельности, которые как «в низах», так и «в верхах» кипели, усугублялись, грозя сильным взрывом! В то время как высшие партийные органы непрерывно издавали директивы, указания, программы и т.д. и т.п. о «бурном развитии экономики», «о подъеме сельского хозяйства», по вопросу о том, «правильно ли или неправильно протекает процесс коллективизации», вне этих органов оппортунисты, церковь, заблудившиеся интеллигенты, остатки

свергнутых классов свободно дышали и решительно шли в атаку во всех направлениях.

Голос этих глубоко антисоциалистических сил в этот период (как и позднее) был хорошо воспринят ревизионистскими силами, прибиравшими власть к своим рукам. С этим голосом, изливавшим желчь на все социалистическое, современные ревизионисты смешивали «голос масс», и весь этот маскарад они выдавали за «поддержку, которую массы оказывали новой линии возврата на правильные позиции». Итак, на совершившееся в верхах предательство они налагали печать «одобрения» и поддержки низов.

Трудящиеся массы, но особенно рабочий класс Польши, оказались неподготовленными и незакаленными, чтобы выступить против совершившегося предательства. В работе по их идейно-политическому воспитанию было много недостатков и ошибок, к тому же истекший 7-8 летний период был слишком коротким, чтобы добиться того уровня социалистической сознательности и революционного мировоззрения масс, благодаря которому они поняли бы великую измену. Демагогия, которой прикрывалась сущность мирной контрреволюции, как и понятные для первой фазы социалистического строительства трудности, добавь к этому еще извращения, допущенные в экономической политике в период 1949-1954 годов, — все это давало ревизионистскому крестовому походу возможность пройти «незаметно». Вскрывались, раздувались и преувеличивались недостатки и трудности с тем, чтобы, скрываясь за ними, беспрепятственно и бесхлопотно маршировала контрреволюция.

До конца 1955 года весь этот регрессивный процесс происходил, так сказать, «вне официальной линии» партии, но зато внутри первичных партийных организаций, в рамках всех тех боль-

ших свобод, уступок и возможностей, которые официальная «антиоппортунистическая» линия предоставила оппортунистам всех мастей и красок.

В начале 1956 года дела изменились коренным образом. В феврале состоялся XX съезд КПСС. В начале марта скоростно, от «насморка», схваченного в Москве, скончался Б. Берут. Траур по поводу кончины великого революционера и выдающегося вождя польского пролетариата и народа несколько не испортил атмосферу всеобщего «энтузиазма» и «оживления», вызванных ревизионистской платформой XX съезда. И как бы в иронию, когда Б. Берута провожали в последний путь, в киосках Варшавы оптом продавали сенсационную книгу. Это был «секретный» доклад, с которым Хрущев на XX съезде выступил против И. В. Сталина и его дела. Итак, Польша прощалась не только с ее верным сыном, Берутом, но и с именем и делом великого Сталина.

Чудовищные клеветнические нападки, содержащиеся в «секретном докладе» Хрущева, были не просто грубыми нападками и обвинениями против И. В. Сталина. Они были измышленными нападками и обвинениями против марксизма-ленинизма, против теории и практики научного социализма. Выступая с этими вымыслами публично, составители этого доклада давали всем врагам другое оружие для дальнейших клеветнических выпадов против социализма, а у коммунистов и масс вызывали страшное разочарование, разброд и смятение.

Но «заслуги» за этот пресловутый доклад принадлежат не только его составителям, Хрущеву с компанией. Не малые «заслуги» имеют его издатели, «польские товарищи». Экземпляр этого «совершенно секретного» доклада был похищен именно в Польше, в рабочем кабинете Генерального секретаря ПОРП, причем не каким-либо зауряд-

ным вором из тех, кто ворует сейфы, а специальным вором — помощником Генерального секретаря ЦК партии! Ревизионистская мафия Гомулки и компании уже давно готовилась к этому дню — знала она кого поставить даже на столь ответственные и важные посты, знала кем окружать Б. Берута, с чьей помощью следить за ним и обманывать его.

Но речь шла не об одном или пяти агентах врага, которым удалось занять ключевые посты в партии и государственном руководстве Польши. Агенты врага, оппортунисты занимали ключевые посты, начиная с мест и кончая вершиной пирамиды. Настоящие польские коммунисты, хотя они де-факто уже давно были окружены оппортунистами и находились в меньшинстве, теперь и де-юре были объявлены «вредными» элементами, «догматиками», «бюрократами», «убийцами» или виновниками в «больших несправедливостях» прошлого.

Эти коммунисты теперь действительно должны были поплатиться за роковые ошибки, допущенные ими в прошлом, но не за те «ошибки», в которых их обвиняли оппортунисты. Они должны были поплатиться за свою непоследовательную линию, за уступки и попустительство в отношении буржуазии, внутренней и внешней реакции, должны были поплатиться за добродушие по отношению к тем вражеским элементам, которых они, волей-неволей, вырастили и укрепили в рядах партии для того, чтобы те в один прекрасный день уничтожили партию и социализм. Известное изречение Энгельса о том, что диалектика наказывает всех тех, кто отказывается от нее, в случае с польскими коммунистами находило полное и горькое подтверждение.

Волна открытия тюрем и реабилитации врагов партии и народа в Польше была более сильной, чем в любой другой стране. В конце мая 1956 года

польские оппортунисты могли хвастаться тем, что они сделали больше своих идейных и политических единомышленников для «демократизации» страны на буржуазный манер. Настолько «продвинулись» там дела, что, когда на каком-то совещании руководителей стран бывшего социалистического лагеря Э. Охаб¹ заявил, что в Польше выпущены на волю все бывшие заключенные, сами инициаторы этого движения «демократизации», советские руководители были ошеломлены и раскритиковали поляков «за излишнюю поспешность»²¹. Польская реакция пополняла свои ряды не только элементами, выпущенными из тюрьмы, но, как мы уже сказали выше, и политическими эмигрантами, убежавшими после освобождения, которые, будучи хорошо обработанными и подготовленными западной реакцией, теперь караванами возвращались на родину. Польская печать того периода изобиловала «волнующими» сообщениями и репортажами об этом возвращении «блудных сынов» в отчий дом!

Линия XX съезда рекламировалась и воспринималась как «спасительная линия». «XX съезд КПСС, — заявил В. Гомулка несколько месяцев спустя после этого съезда, — служил поводом к повороту в политической жизни страны. Живое и здоровое течение привело в движение широкие массы партии, рабочий класс, все общество. Люди начали выпрямляться»²². Другой бывший осужденный в период «жестокого социализма» (1948-1953 гг.) Петр Ярошевич, теперь уже окончательно реабилитированный, в октябре 1956 года так охарактеризовал оборот, который принимали события: «Без преувеличения можно сказать, что период с

¹ После смерти Б. Берута он несколько месяцев (апрель-октябрь 1956 г.) исполнял обязанности Генерального секретаря ЦК ПОРП.

XX съезда КПСС и до настоящего пленума ЦК (VIII пленум — С. Д.) можно назвать эпохой в смысле скорости изменений»²³.

Итак, мирная контрреволюция в Польше брала бразды правления. Она явилась общим делом польских ревизионистов и их вдохновителей и сторонников, советских ревизионистов, которые капитулировали перед всесторонними нападками и давлением империализма и с тех пор стали на сторону его и международной реакции в борьбе против теории и практики марксизма-ленинизма. Все они под флагом и лозунгами «настоящего социализма», «исправления социализма» и т.д. и т.п. подрывали все социалистическое, что было достигнуто в прошлом.

Первое проявление контрреволюции в контрреволюции

Все внимание этих социально-политических сил (современных ревизионистов), прибивавших к своим рукам власть, в этот период было сосредоточено на сведении счетов с «прошлым», с теми силами в партии и государстве, которые больше всех были связаны с этим прошлым, т.е. сведение счетов с коммунистами и честными кадрами, которых теперь называли «догматиками», «сектантами», «сталинцами».

В рамках этой «эпохи» либерализма, т.е. в рамках бравшей власть мирной контрреволюции, «выпрямилась» и другая категория, *третья категория социально-политических элементов, сил и групп.*

Это были представители самой черной реакции: остатки свергнутых классов, бывшие служащие и слуги государственных органов Польши довоенного и военного периода, другие, выродившиеся в послевоенные годы, недовольные социализмом элементы, хулиганы, скрытые или открытые агенты служб западных капиталистических стран и другие. Часть из них только что была выпущена из тюрем, другие только что возвратились из эмиграции, а третьи, воспользовавшись «добродушием» партии и правительства и «демократией», смогли дожить до этих дней.

Оживленные «эпохой», открытой XX съездом, воодушевленные предоставленными современными ревизионистами большими возможностями и свободами, своим чутьем, характерным для буржуа, они поняли, что речь шла не просто о перестановке отдельных лиц или о кое-каких «исправлениях» социализма. При таком ходе событий налицо были все возможности для полного изменения характера социально-экономического строя в Польше, то есть для осуществления их заветной мечты и цели — реставрации капитализма. И этот ценный подарок преподносили им не кто иной, как сами польские коммунисты, коммунисты «нового склада», «новой линии». Поэтому эта «третья сила» сразу же создала свои связи и с самого начала оказалась на стороне мирной ревизионистской контрреволюции, всеми силами поддерживая ее в борьбе против «прошлого», против «догматиков», «сталинцев».

Как раз эти силы буржуазии и реакции, которые современные ревизионисты смешивали «с народными массами», особенно после апреля 1953 года больше, чем кто-либо другой, подняли свой голос в поддержку «новой линии». Их «поддержка» постепенно усилилась, превратившись в настоящее давление на ревизионистскую контрреволюцию с

тем, чтобы она поскорее достигла своей цели — разгрома социализма.

За этой контрреволюционной силой, которая оправлялась, группировалась и организовалась, стояли *империализм и мировая реакция с американским империализмом во главе*. В рамках своей антикоммунистической стратегии эта внешняя реакция за весь период с прихода к власти Хрущева с компанией и вплоть до XX съезда КПСС проводила в основном тактику лести, поощрения и «приветствия» утверждавшейся и углублявшейся в бывших социалистических странах «новой линии». Именно так ориентировала внешняя реакция внутреннюю польскую реакцию (так же как и венгерскую и др.) относительно методов борьбы в этой первой фазе появления современного ревизионизма. Однако, когда на XX съезде КПСС были утверждены и кодифицированы ревизионистские теории и методы Н. Хрущева, вызвавшие большой разброд и смятение в ряде стран социалистического лагеря, империализм счел, что настал подходящий момент нанести открытый и сокрушительный удар с тем, чтобы еще больше углубить контрреволюционный процесс и, если удастся, разгромить бывший социалистический лагерь и одну за другой включить его страны в зону своего влияния и диктата. Как известно, самые большие и отчаянные попытки осуществить эту цель были сделаны в Венгрии в октябре-ноябре 1956 года. Там «в обстановке эйфории, вызванной приходом к власти хрущевского ревизионизма, но в те моменты, когда он еще не успел закрепить свои позиции, мировой капитализм, его титовская агентура и внутренняя мадьярская реакционная буржуазия развернули вооруженную контрреволюцию против диктатуры пролетариата и Венгерской партии трудящихся, считая ее самым

слабым звеном в цепи социалистических стран»*.

Такую же попытку, в таких же целях пытались предпринять в этот период и силы внутренней польской реакции, вдохновляемые и поддерживаемые внешней империалистической реакцией, титовской кликой и католической церковью. Как мы уже сказали выше, эти ультраправые силы, укрепленные и оживленные контрреволюционным ревизионистским процессом, до середины 1956 года представляли собой не столько оппозицию, сколько самых пламенных сторонников проводимой современными ревизионистами предательской линии.

Но если относительно многих своих основных целей ультрареакционные силы сходились с современными ревизионистами, то относительно ряда других целей и аспектов они не только расходились с ними, но даже были «недовольны» ими. Так, например, они не могли мириться с теми темпами и способами, которыми перечеркивалось прошлое — очень «медленно», при «закрытых» совещаниях и активах, как бы втайне, как бы с опаской. К тому же они не могли мириться с тем, что новые люди, прибиравшие власть к своим рукам, с одной стороны, совершенно перечеркивали социалистическое прошлое Польши, с другой — ратовали и выступали за «лучший социализм». Нет, эта третья сила, сила явных врагов социализма была за быстрые, открытые, немедленные, радикальные действия. Ультрареакционные элементы выступали не за «улучшение», а за полный, открытый переворот. Они требовали сразу свести счеты со всем тем, что еще осталось от социализма. И в этом деле они не хотели оставаться в стороне. Раз речь шла о восстановлении их строя, то про-

* Энвер Ходжа, «Против современного ревизионизма», 1968-1970, стр. 59, алб. изд.

западные силы не могли оставаться в подчиненном положении и тем более в тени. Они хотели и содействовать ускорению контрреволюции, и взять реванш после победы.

Связанные с западным капиталом своим мировоззрением, традициями и классовым положением, эти силы с течением времени во сто крат усилили свою старую ненависть к Советскому Союзу. В этой ненависти антисоциалистические классовые настроения сливались с антирусскими националистическими настроениями. Антирусская и антисоветская слепота не давала им видеть, что сам Советский Союз вырождался в капитализм, что эти «светлые дни» приносило им само новое советское руководство. Нет, они питали ко всему русскому и советскому такую же лютую ненависть, что и ко всему социалистическому. Итак, они не могли мириться с линией польских ревизионистов, которые, правда, уничтожали социализм в Польше, но связи и дружбу с советскими волей-неволей сохраняли. И этот антисоветский дух еще более усиливался в эти моменты, принимая агрессивный характер, в силу того, что за ультраправой польской реакцией стояли международная реакция и американский империализм. Последний использовал шовинизм и антисоветчину польской реакции для достижения своей цели — для раскола бывшего социалистического лагеря, добиваясь того, чтобы Польша, как и другие страны, перешла в зону американского влияния.

То же самое, силы ультраправой польской реакции были недовольны отношением к религии и церкви, экономической политикой и т.д. Страшно вялыми, «совсем непоследовательными» показывали себя новые люди, управлявшие в Польше. Процесс контрреволюционного преобразования нужно было поощрять и смело продвигать вперед. По их мнению, настало время опрокинуть «все, что

еще осталось ... от социализма, от диктатуры пролетариата, от марксизма-ленинизма»*.

Итак, эти прокапиталистические силы вышли на улицу потому, что вдохновлялись и организовались мировой реакцией и, питая старую ненависть к социализму, изо всех сил старались как можно скорее осуществить контрреволюционные преобразования. В июне 1956 года вспыхнули познаньские волнения. Группы, организованные внутренней реакцией, демонстрировали на улицах свое недовольство и свою старую ненависть, они совершенно открыто выдвигали насквозь антисоциалистические лозунги, требовавшие коренного преобразования всех областей жизни в Польше! Немного времени спустя, летом и осенью того же года за познаньскими волнениями последовали другие антисоциалистические демонстрации на улицах Варшавы. Важно отметить, что в познаньских волнениях участвовали и отдельные контингенты рабочих, в связи с чем впоследствии современными ревизионистами они были названы также «выступлениями рабочих», «жаловавшихся на допущенные в прошлом ошибки!» О том, почему и каким образом контингенты несознательных и обманутых рабочих стали под знамя контрреволюции в 1956 году (так же как и в 1970, 1976, 1980 и 1981 гг.), речь пойдет ниже. Но здесь надо отметить такой факт, что участие рабочих в том или ином движении не служит основным критерием для определения характера данного движения. Какой идеологией руководствуется это движение, какие силы направляют его, под каким флагом оно проходит, какие лозунги оно выдвигает, какую программу стремится осуществить — вот чем прежде всего определяется характер движения. В этом плане

* Энвер Ходжа, «Хрущевцы» (Воспоминания), второе албанское издание.

«познаньские выступления» не имели ничего социалистического. Они явились выражением стремления ультрареакционных сил как можно больше ускорить начатый самими лидерами ПОРП контрреволюционный процесс и, по сути дела, явились явным проявлением самого ярого антисоциализма и польского буржуазного национализма.

Католическая церковь и буржуазная идеология были источником вдохновения тех выступлений, участники которых требовали гораздо больше, чем мщения за удары, которые социализм нанес реакции в период с 1945 года. Эти выступления, хотя они по своим размерам были не внушительными, фактически являлись многозначительными выступлениями, предсказывавшими то, что должно было произойти в Польше в 1970-1971, 1976 и в 1980-1981 годах.

По сути своей эти волнения, возникшие при подходящих условиях, созданных ревизионистской изменой, ревизионистской контрреволюцией, являлись также прямым следствием этой контрреволюции, самым ярким ее выражением. Они представляли собой открытую контрреволюцию без «социалистического» фразерства, они являлись, таким образом, *первым проявлением контрреволюционного движения, которое возникло и развивалось как результат ревизионистского контрреволюционного процесса.*

Своим внезапным и внушительным взрывом выступления 1956 года говорили скорее о гнилостности «новой линии», на всех перекрестках рекламировавшейся ревизионистами. Это проявление контрреволюции служило наилучшим средством разоблачения демагогии современных ревизионистов о том, что они, видите ли, призваны «исправить прошлое», «улучшить социализм», «возобновить» его и т.д. Будучи логическим продолжением и углублением мирной ревизионистской контрре-

волюции, контрреволюция в контрреволюции выбрасывала прочь вуаль, покрывавшую истину о том, что «новая линия» современных ревизионистов ставила перед собой задачу не «исправить» социализм, а разгромить его.

Однако в те переломные моменты говорить правду о современных ревизионистах означало раскрыть их заговор, а это было бы равносильно их концу. А поскольку делали все для того, чтобы полностью прибрать власть к своим рукам, они никак не могли согласиться с подобным концом, стало быть, не могли не бороться с этой угрозой. В то же время ультрареакционные силы, организовавшие познаньские выступления, не только разоблачали измену, совершавшуюся польскими ревизионистами, они совершили еще другой «грех»: открыто продемонстрировали свою антирусскую, антисоветскую направленность, призвав порвать с Москвой! Для Хрущева и компании это послужило набатным колоколом. Варшавские лидеры, как и ожидалось, получили приказ выступить немедленно.

Главарь мирной контрреволюции сразу понял, какую угрозу представляла для них появлявшаяся на арене «третья» ооциально-политическая «сила», поэтому вынуждены были противодействовать. Июньские познаньские волнения, подобно контрреволюции в Венгрии, «были подавлены» немного времени спустя. «Контрреволюция, — говорил товарищ Энвер Ходжа, касаясь этих событий, — была подавлена где советскими танками, а где польскими, но была подавлена врагами революции».*

Выступления польской реакции начались преждевременно. Мирная контрреволюция была еще на подъеме, она еще не закрепила свои позиции, поэтому ей приходилось как никогда раньше раз-

* Энвер Ходжа. «Хрущевцы» (Воспоминания), второе издание, стр. 305, алб. изд.

водить демагогию, проявлять осторожность и даже «решимость» осудить подобные явно антисоциалистические вылазки.

Никак нельзя сказать, что эти контрреволюционные выступления были подавлены в интересах социализма и революции. Нет, «эта контрреволюция, — отмечала АПТ, — была подавлена контрреволюционерами, которые реставрировали капитализм, хотя и скрытно, сохраняя краску и маски, как это сделали и советские хрущевцы у себя»*.

Сами руководящие силы этого контрреволюционного движения, вспыхнувшего в рамках другого контрреволюционного процесса, еще не установили в достаточной мере свои внутренние и внешние связи, для них самих в эти моменты не были вполне ясными поставленные цели, делаемые ими шаги, тактические приемы, к которым они должны были прибегнуть. Именно поэтому их движение должно было провалиться, как и провалилось.

Социализм, как новый социально-экономический строй, и бывший социалистический лагерь в тот период (1956 г.) пользовались в глазах масс, мирового пролетариата, всего прогрессивного человечества высоким авторитетом, уважением и глубокой симпатией. Хотя ревизионисты изнутри подтачивали социалистическую систему в странах, в которых им удалось захватить бразды правления, для наиболее здоровых сил внутри и вне партии в этих странах было еще рано понять, «увидеть» мирную контрреволюцию, «спокойно» совершавшуюся ревизионистами. Но если суть мирной контрреволюции «была незаметной», так как ее мастерски и аккуратно скрывали, выступая только с «приятными», заманчивыми лозунга-

* Энвер Ходжа. «Хрущевцы» (Воспоминания), второе издание, стр. 291, алб. изд.

ми (именно поэтому она не встречала противодействия снизу), то ее самое крайнее проявление, открытая антисоциалистическая контрреволюция, стала очевидной, так как она открыто выступила против диктатуры пролетариата. Трудящиеся массы, рабочий класс социалистических стран не могли не прореагировать и не осудить сразу ее, как и прореагировали и осудили.

Но это факт, что сами современные ревизионисты осудили только соперника, то есть последствия своей измены, а не причину, не почву, на которой родилась и совершилась эта измена.

Был, может быть, самый подходящий момент предпринять такой глубокий, радикальный акт. Но это не было сделано: польский рабочий класс, хотя и воспитанный на великих революционных традициях, на этот раз, как и в прошлом, оказался без руководства, он был предан. И та часть коммунистов, которая выступала за марксистско-ленинскую линию, не только оказалась в меньшинстве, но и проявила колебания, оцепенела под ударами и обвинениями внутренней и внешней реакции, которая называла их «догматиками», «сталинцами», «виновниками всего происходящего» и т.д. Вместо того чтобы перейти в контратаку и осудить истинных виновников контрреволюции, они нашли более правильным «защищаться», «оправдываться» за прежнюю линию. Они понурили голову перед предательским течением, сами становясь, таким образом, протагонистами происходившего в стране процесса предательства.

В эти моменты внутри партии было немало таких, которые до того времени воспринимали «новую линию» и поддерживали ее не потому, что были врагами, они делали это не сознательно, а оттого, что «не замечали», «не понимали» разыгравшегося вопиющего предательства. Эти коммунисты поддерживали прежнюю линию, так как счи-

тали ее линией партии, думали, что она была линией на социализм. После 1953-1954 годов они восприняли «новую линию», так как она, говорили им, «лучше прежней», «более обещающая» «более демократичная», «более правильная», «более отвечающая интересам социализма», чем прежняя. Итак, будучи несформированными и без прочных коммунистических убеждений, они готовы были воспринять любую «официальную линию», выступавшую в пользу партии и социализма. Такие люди относились к числу одного миллиона с лишним польских «коммунистов», вступивших в ряды партии на основе голосования, но без злого умысла, не в темных целях. И вот теперь эти «коммунисты», воспринявшие одну за другой несколько линий, должны были осознать происходившее и впервые решительно сказать свое слово теперь, в моменты, когда «новая линия» открыто проявила свою антипартийную сущность. Но увы, это не было сделано. Пролезавшие в партию через оппортунистическую дверь, невооруженные марксизмом-ленинизмом, незакаленные в живой и боевой жизни первичных партийных организаций, не привыкшие к строгим принципам и нормам внутривнутрипартийной жизни и, наконец, находясь под постоянным давлением ревизионистов, эти «искренние коммунисты» и в эти узловыые моменты не могли поступать иначе, кроме как «искренно» перейти в объятия ревизионистов. Тем более, что «удар», нанесенный познаньским выступлением, погасил в них всякую искру возникшего сомнения. «С трубами перемешаться — кормом для кур стать» — гласит албанское мудрое слово. Так произошло и с этими «искренними» коммунистами. Отныне они становятся частью загнившего тела ПОРП, становятся участниками ревизионистской контрреволюции. Вот почему они тоже осудили только открытую, заметную контрреволюцию, но не основу ее —

мирную, ревизионистскую контрреволюцию. Итак, удар, нанесенный контрреволюции в Польше в июне 1956 года (как и в Венгрии немного времени спустя), был половинчатым ударом или, вернее, пощечиной мирной контрреволюции своему порождению, которое, будучи еще молокососом, хотело поступать «как взрослые»!

Помимо этих, внутренних, факторов, *подавлению контрреволюции в Польше способствовал еще и внешний фактор*. В период познаньских выступлений реакционные силы открыто выступали не только с антисоциалистическими, но и с антисоветскими лозунгами. Хрущев с компанией увидели в этих выступлениях двойную опасность: как *бесконтрольные выступления*, они разоблачали и выставляли напоказ заговор, который ревизионисты пытались осуществить «тихомолком» во многих странах; как *антирусские и антисоветские выступления*, они ставили под угрозу хрущевскую стратегию создания русской империи. Вот почему советские не могли не оказывать, как и оказывали, давление всеми средствами с тем, чтобы еще в зародыше удушить это явление, открытую контрреволюцию.

Итак, причины и факторы, приведшие как к началу, так и к подавлению контрреволюционных выступлений в Польше (как и в Венгрии) в 1956 году, помимо всего прочего, впервые обнаружили и следующее явление, которое с течением времени становилось все более очевидным и все более опасным: острое соперничество, которое, наряду с союзом, существовало между империализмом, возглавляемым американским империализмом, и современным ревизионизмом, возглавляемым советскими хрущевцами. Обе стороны были одинаково ярыми врагами революции и социализма, но в то же время и ярыми врагами и соперниками друг друга всякий раз, когда речь шла

о сохранении и расширении своих владений в ущерб друг другу. События последующих десятилетий на бесконечных фактах доказали, что именно это соперничество, именно эта контрреволюционная политика сверхдержав явились одними из главных факторов, вызвавших хаос и смятение в Польше и в других странах.

Более или менее такую же позицию, что и советские хрущевцы, заняли в отношении польских событий 1956 года другие хрущевцы, прибиравшие власть к своим рукам в ряде коммунистических партий как социалистических, так и капиталистических стран: они вполголоса осудили явление, но не суть его, не причины и условия, породившие это контрреволюционное явление. Что касается Союза коммунистов Югославии, то он пришел в восторг от познаньских волнений, назвал их «попытками снизу» к «демократизации», к установлению «подлинного», «специфического социализма». Иначе титовцы и не могли поступать, они давно специализировались как агентура империализма, как сторонники и вдохновители всякой явной или скрытой антисоциалистической деятельности.

Единственной партией бывшего социалистического лагеря, которая в те моменты была оставлена в стороне от польских событий, была Албанская партия Труда. Хрущев с компанией разъезжали по различным странам для обмена мнениями и согласования позиций и в то же время старались как можно больше скрывать от АПТ природу, характер польских событий.

Поступали они так, зная, что АПТ, давая оценку этим событиям, никак не будет выражать «солидарность ради единства» и что она решительно выразит свое мнение. Да так оно и было. Ознакомившись с истинным положением дел, несколько месяцев спустя она смело и принципиаль-

но высказала свое мнение, не только осудив контрреволюционные события, происшедшие в Познани и Варшаве, но, а это главное, задев их авторов за живое — указав на подлинные причины и виновников этой ситуации. В качестве главной причины АПТ указывала на путь ПОРП, который, как отмечал товарищ Энвер Ходжа, «не является правильным, марксистским путем...», а в качестве главного виновника — на руководство ПОРП, которое она назвала «социал-шовинистическим, социал-демократическим, следовательно, немарксистским и неинтернационалистским».** С этими правильными заключениями АПТ еще тогда ознакомила как советских, так и поляков партийным путем, и в то же время она нашла подходящие формы и пути еще в то время предать гласности свое мнение.

Так закончилось первое проявление контрреволюции в контрреволюции в Польше. Оно было обречено на провал и провалилось. В этой первой фазе события говорили о том, что ультрареакционные силы стремились как можно скорее осуществить свою давнишнюю мечту. Однако тот факт, что волнения этих сил провалились, были подавлены, еще не означает, что с ними было покончено. В рамках ревизионистской контрреволюции они становились уже обычным явлением. Обстановка ревизионистской контрреволюции сохраняла почву для прозападной контрреволюции. И, как мы увидим дальше, оба этих проявления контрреволюции будут сообща идти вперед, поддерживая и дополняя друг друга во имя общей стратегической цели и в то же время противопоставляясь друг другу и атакуя друг друга ввиду особых целей и замыслов.

* Энвер Ходжа, Соч., т. 14, стр. 170, алб. изд.

** Там же, стр. 171.

Ревизионизм рвется вперед

Нам ясно, что те, кто теперь у власти в Польше, Гомулка с компанией, являются контрреволюционерами.

ЭНВЕР ХОДЖА

Сразу же после подавления выступлений в Познани современные ревизионисты в Польше перешли в окончательное наступление с целью полностью захватить бразды правления страны. В августе собрался VII пленум ЦК ПОРП. Логика подсказывала, что в центре внимания его работы должны были находиться острые политические проблемы, потрясавшие всю страну — оценка руководством партии познаньских событий, их причин и т.д. Но нет, темой, которой занялся пленум, была ... экономика. Были заслушаны и обсуждены доклады о прежней экономической политике и мерах по выработке новой экономической линии. Те из главных партийных и государственных деятелей Польши, которые были связаны с прежней линией и де-юре еще продолжали оставаться у власти, на этом пленуме были открыто названы виновниками кризиса, переживаемого страной. У них самих не хватало смелости указать на истинных виновников кризиса. Они в основном пытались оправдаться за ошибки экономической политики прошедшего периода (а такие ошибки были), то есть пытались приспособиться к сильному оппортунистическому течению, которое задавало тон. Таким образом, думали они, по крайней мере, спасут, если не посты, так голову.

Современные ревизионисты почувствовали эту

жалкую позицию «догматиков» и сразу же призвали к коренным изменениям в главном партийном руководстве. Фамилии Гомулки, Спыхальского, Совиньского, Клишко и других склонялись во всех падежах. Эти элементы, выведенные из состава руководства партии и несколько лет до этого осужденные как враги партии и социализма, на этом пленуме не присутствовали. Но именно они извне маневрировали всей работой пленума руками своих сообщников в партийном руководстве. Стало ясно: настал момент их окончательной реабилитации.

Начатый и объявленный как пленум, созданный для обсуждения «экономических проблем», VII пленум ЦК ПОРП превратился, таким образом, в собрание для официальной легализации современного ревизионизма в Польше. Был полностью открыт путь к тому, что впоследствии громгласно было объявлено «польским октябрем», «польским путем к социализму» и т.д. Речь идет о VIII пленуме ЦК ПОРП, который состоялся с 19 по 21 октября 1956 года и который де-факто и де-юре утвердил торжество в Польше современного ревизионизма.

Условия, при которых собрался и проводил свою работу этот пресловутый пленум, способ, каким он собрался, весь его дух похожи на настоящую трагикомедию.

19 октября первый секретарь партии Эдвард Охав сказал на пленуме: «У меня важные для вас сведения, — начал он свою речь. — Политбюро решило предложить VIII пленуму Центрального Комитета перед тем, как приступить к обсуждению проекта решения ЦК об актуальных задачах экономики и политической линии, кооптировать в состав Центрального Комитета товарищей Гомулку, Спыхальского, Клишко, Лого-Совиньского, с тем чтобы эти товарищи могли принимать уча-

стие в дискуссиях как члены Центрального Комитета...

Политбюро решило также предложить вам избрать первым секретарем Центрального Комитета партии товарища Гомулку»²⁴.

Между тем, как зал заседания с нетерпением ждал, когда предложение будет поставлено на голосование, Э. Охаб продолжал:

«Нам сообщили, что неожиданно в Варшаву прибыли члены Президиума ЦК КПСС — Хрущев, Каганович, Микоян, Молотов для срочных переговоров с Политбюро нашей партии. Политбюро считает нужным прервать работу пленума и возобновить ее завтра, после переговоров с советскими товарищами»²⁵.

Зал выразил согласие с «мнением Политбюро», но с незначительными изменениями: прежде, чем начать переговоры с советскими товарищами, «рассмотреть первый пункт повестки дня — «кооптировать указанных товарищей», добавить еще и «товарища Комарова, как исключенного из ЦК под тенью провокаций Берии» и, наконец, «включить товарища Гомулку в состав делегации для переговоров с советскими товарищами».

Сказано — сделано. В дискуссиях необходимости не было, путь был окончательно расчищен. Бывшие изменники, заклятые враги партии и социализма были полностью реабилитированы за несколько минут, они были оправданы и сразу же взяли в свои руки кормило правления.

Главному из них, В. Гомулке пришлось в тот же день, в день возобновления своей карьеры, вступить в первое столкновение с лидером советского современного ревизионизма, Н. Хрущевым. И, как бы желая дополнить картину, в тот же день началась передислокация войск. На улицах Варшавы неожиданно появились танки. В провинциях в непонятных направлениях передвигались

польские и советские войска, оснащенные всем необходимым.

На следующий день, 20 октября, как только возобновилась работа VIII пленума, стали задаваться вопросы: «Что это за внезапный визит советских товарищей? Чего они хотели? Зачем передвигались войска, зачем эта демонстрация танков на улицах?». Было сказано, что визит советских товарищей «входил в рамки обычного делового совещания» (!), а «передвижение войск происходило в рамках обычных военных учений» (!).

Между тем дело обстояло совершенно не так. Советское руководство было полностью в курсе хода событий в Польше. Оно знало, что готовился приход во главе партии не то что ревизионистов, но и закоренелых антисоветчиков. Среди них самым отъявленным был Гомулка. Как мы уже сказали, еще в 1944, но особенно в 1948 году, на I съезде ПОРП, открыто было заявлено, что Гомулка представлял и возглавлял течение правого оппортунизма и национализма внутри партии. Если правооппортунистическое течение было связано со всеми «старыми» и «новыми» оппортунистическими течениями, в том числе и с титизмом, то национализм поддерживал и подкармливал в партии и вне ее рядов особенно старые антирусские настроения. Ярый враг всего русского вступал на престол. Это было в такие моменты, когда на улицах Варшавы и других польских городов шли демонстрации «хулиганов» под явно антирусскими и антисоветскими лозунгами. Так что события могли принять дурной оборот, выйти из контроля и в Польше, как это происходило в те дни в Венгрии. Надо было пресечь путь этой опасности. Гомулка мог вступить на престол лишь в случае замены своего антисоветизма просоветизмом!

Хрущев и компания знали также, что Гомулка, правда, был заядлым ревизионистом, но, как мы

уже сказали, до сих пор он проявлял себя больше всего как сторонник титовской разновидности ревизионизма. Чтобы взять в свои руки кормило правления, он должен был воспринять и выступить в защиту новой, советской разновидности ревизионизма. Поэтому советское руководство сочло нужным обратить на это внимание польских товарищей! Надо было договориться с ними, и особенно с Гомулкой. В противном случае, свое слово скажет армия. Вот почему вслед за группой членов Президиума ЦК КПСС на улицы Польши хлынули танки и батальоны. Только крови не хватало, чтобы спектакль стал настоящей трагедией. Но кровь не могла литься в те дни. Оппортунизм превратил ее в воду. В обмен на слово сохранить «узы дружбы» с Советским Союзом и социалистическую видимость, Гомулка получил в аэропорту советское одобрение быть избранным в Политбюро и даже первым секретарем ЦК партии.

VIII пленум ЦК возобновил свою работу под его председательством. Как и следовало ожидать, атаку он начал против 7-8-летнего периода своего пребывания вне партии. «Тот период безвозвратно канул в прошлое, — подчеркнул вначале Гомулка, — много неприятного было допущено в те годы. Последствия этого периода для партии, рабочего класса и народа ... слишком горьки»²⁶.

Вся «приветственная» речь Гомулки на этом пленуме представляет собой фронтальное нападение на партию, ее руководящую роль, на основные положения марксизма-ленинизма, на социалистическую систему в целом. Но... «ничего не поделаешь, настал твой черед! Извращай закон!»²⁷. Вся работа VIII пленума ЦК ПОРП проходила на основе ориентировки, данной лидером польского современного ревизионизма.

Ревизионистская платформа этого пленума уже хорошо известна.

На пленуме была атакована и официально осуждена прежняя линия партии как «сектантская», «догматическая» линия; кроме вышеупомянутых, были реабилитированы все другие враги, ранее осужденные, как было сказано там, «под воздействием Информбюро, конфликта с Югославией, процесса Райка»; был осужден и выведен из состава партийного руководства ряд членов ЦК и Политбюро, обвиняемых в защите «чистой линии» и «культы личности»; имели место открытые выступления против руководящей роли партии; была отмечена необходимость «демократизации» власти; было решено отказаться от употребления термина «диктатура пролетариата»; были совершены нападки на социалистическую систему и особенно на кооперативную систему сельского хозяйства; был осужден прежний курс на промышленное развитие страны; было принято решение воспринять и применять в области экономики систему «рабочего самоуправления» по примеру Югославии, расширить частный сектор, особенно в области ремесленничества, услуг, торговли, в производстве строительных материалов; проводить политику сотрудничества и согласия с церковью, ввести вероучение в школу, содействовать «демократическому процветанию» литературы и искусств, изучить и учитывать «специфику Польши относительно типа социализма, который надо строить» и который «может быть советским или югославским, но может быть и польским», «укрепить связи с границей, с нашим другом Советским Союзом, и другими социалистическими странами»; в то же время было принято решение «о более широком открытии в рамках сотрудничества и сосуществования с западными странами»²⁸ и т.д. и т.п.

Таково было, в общих чертах, содержание работы VIII пленума ЦК ПОРП. Это была плат-

форма так называемого польского октября. На основе этой платформы и должна была «продвигаться вперед» Польша. Но в заключение пленум отметил, что «этого еще не достаточно. Это еще не дает гарантий того, что корабль будет плыть по новому курсу и в нужное время». Поэтому были даны указания прилагать дальнейшие усилия, «чтобы максимально изменить базу управления с тем, чтобы больше не было колебаний».

IX, X и XI пленумы ЦК ПОРП, состоявшиеся в 1957 году, доделали недоделанное VIII пленумом.

«Польский октябрь», циничный намек на русский октябрь 1917 года, был завершен. Но в сущности своей и во всем своем содержании он был фарсом на октябрь 1917 года, его противоположностью, трагикомедией революции. Он открывал перед Польшей эру торжества восемнадцатого Брюмера нового, особого рода. Это было восемнадцатое Брюмера не Наполеона III, а первых секретарей так называемой коммунистической партии Польши. В их якобы коммунистических «костюмах» скрывались саботажники коммунизма — лидеры новой польской буржуазии, подобно тому, как под маской строительства «социалистической» Польши реставрировался и консолидировался старый капиталистический строй. С этой точки зрения то, что происходило в Польше, было и чем-то «новым», и чем-то старым.

Современные ревизионисты с тамтамом приветствовали «польский октябрь» как «новое развитие путей к социализму», как конкретное подтверждение правильности курса XX съезда на «творческое развитие марксизма в соответствии с национальными условиями».

Особенно югославские и итальянские ревизионисты нашли в лице польских коллег не только близких сотрудников в борьбе с социализмом, как

системой (впрочем это делали и ревизионисты из других партий), но и первых сообщников в создании всеобщего хаоса, который начался и должен был со все большей силой углубляться внутри самого ревизионистского стана.

Единственной партией, с самого начала поднявшей в те моменты свой голос против хода событий в Польше, была Албанская партия Труда. 13 октября 1956 года, еще до начала работы VIII пленума ЦК ПОРП, товарищ Энвер Ходжа отмечал в Политбюро ЦК АПТ: «На нашем пути к победе революции и построению социализма мы расходимся во мнениях с польской партией...»*.

Несколько дней спустя после VIII пленума ЦК ПОРП, 3 ноября 1956 года, товарищ Энвер Ходжа так определял в Политбюро ЦК АПТ только что избранное польское руководство: «... для нас ясно, что те, кто у власти в Польше, Гомулка с компанией, являются контрреволюционерами..., польское руководство выдвигает демагогические лозунги с целью обмана народа и политически непросвещенных коммунистов и закрепления своих позиций... Если Гомулка хочет идти этим путем, пусть идет, мы пойдем своим путем»**.

Далее:

«Путь, на который встала и которым идет Польша, является неправильным, не марксистским, а националистским путем... Приход к власти якобы марксистского руководства, выступающего с ультрадемократическими лозунгами, фактически являющимися антисоциалистическими, под тем предлогом, будто народ утратил свободу и суверенитет..., это враждебный акт. Поэтому, на

* Энвер Ходжа, Соч., т. 14, стр. 54, алб. изд.

** Там же, стр. 68-69.

наш взгляд, нынешнее польское руководство является антимарксистским, неинтернационалистическим... Они мирятся с внутренней и внешней реакцией и идут по пути вырождения социалистического строя. Они социал-шовинисты, социал-демократы, стало быть немарксисты и неинтернационалисты»*.

А эти истины, которые теперь более чем ясны, АПТ сказала не в 1966 и не в 1976, а в 1956 году, тогда, когда многие еще «не замечали» вещей, еще тогда, когда ревизионисты все делали с помощью демагогии, причем особенно осторожно.

Однако из огромного множества документов, говорящих о том, какому глубокому марксистско-ленинскому анализу подвергла АПТ тогдашнее международное положение вообще, коммунистическое и рабочее движение — в частности, мы привели всего лишь три-четыре выдержки, в основном в порядке выводов. Особенно доклад товарища Энвера Ходжа «О международном положении и задачах партии», сделанный на III Пленуме ЦК АПТ 13 февраля 1957 года, является блестящим документом в этом отношении. Он говорит о глубокой принципиальности АПТ, о ее умении на прочной материалистической базе истолковывать события, о том, что она смело и прямо называет вещи своим именем, о ее решимости, о ее верности марксизму-ленинизму, о ее пламенном интернационализме, о ее готовности прийти на помощь братским партиям своим мнением и опытом.

Но, к сожалению, в то время голос АПТ был единственным марксистско-ленинским голосом, раздававшимся в атмосфере, зараженной ревизионизмом. Головокружение, вызванное «новым

* Энвер Ходжа, Соч., т. 14, стр. 170-171.

курсом» XX съезда КПСС, было слишком эйфорическим и сногшибательным для польской партии, поэтому она, как и другие партии, голос АПТ назвала «догматизмом», «сталинизмом».

«Польша — надежда мира», трубила в те дни радиостанция «Свободная Европа», и для польских ревизионистов этот голос был более заманчивым и более приятным, чем любой другой голос.

Современный ревизионизм полностью восторжествовал в Польше. Было окончательно перечеркнуто все хорошее, что было связано с прошлым.

Польская объединенная рабочая партия перестала быть авангардом польского пролетариата. После ряда судорог в первые месяцы после VIII пленума здоровые коммунистические силы в ПОРП больше почти не давали и, к сожалению, и по сей день не дают знать о себе. Были официально отменены решение 1948 года об осуждении «Правого националистского уклона», как и связанные с ним последующие решения; в партию были возвращены и те исключенные, которые и не думали вернуться, так как совсем позабыли о том, что когда-то являлись польскими «коммунистами». Процесс не ограничивался только периодом, начинающимся с «Информбюро». Стали копаться в истории. Настала и черед Коминтерна и резолюций Коммунистического Интернационала, в которых осуждались уклоны, неоднократно появлявшиеся в бывшей Коммунистической партии Польши (1918-1938). Они были признаны неправильными, как было признано «неправильным» и «вредным» и решение 1938 года о роспуске КПП, попавшей в руки троцкистов и фашистов.

Процесс дальнейшего вырождения партии протекал так быстро, что только год спустя после VIII пленума самому польскому ревизионистско-

му руководству пришлось бить тревогу по поводу сложившегося положения. В разгар спекуляций и воровства, распространившихся по всей Польше в 1957 году, Гомулка и иже с ним были вынуждены признать, что этой волной «охвачены большое число членов партии, не считающихся с делом партии..., лицемеры и карьеристы, закоренелые священники..., совершающие скандальные проступки, демагоги, лодыри, пьяницы и вырожденцы, равнодушные и пассивные люди...»²⁹.

В тот же день, то есть ровно год спустя после VIII пленума, увенчавшего «польский октябрь», Гомулке пришлось со скорбью открыто признать: «Единство нашей партии серьезно подорвано, в результате чего партия уже не может исполнять свои функции»³⁰. Это положение «вызвано прежде всего идейным разбродом в рядах значительной части партийного актива всех ступеней», — продолжал далее Гомулка и, чтобы не было никаких недоразумений, уточнил, что «этот разброд вызван в партии ... в то время, когда она выработывала свою новую политическую линию...»³¹.

Современный ревизионизм, конечно, шел в наступление не только внутри партии. Начался серьезный разброд в общественных организациях. Еще в 1956 году на пленуме профсоюзов и на национальной конференции молодежи было много разговоров о независимости общественных организаций от партии*. Смятение, подрыв внутрипартийного единства сразу сказались и на единстве партии и народа. Трудящиеся массы стали все больше и больше относиться с недоверием к партии. Такая партия предателей, как ПОРП полностью заслуживала такого недоверия, которое вскоре должно было превратиться в открытую злобу и ненависть, но беда в том, что недовольство и вол-

* Энвер Ходжа. Соч., т. 14, стр. 261, алб. изд.

нения снизу носили стихийный характер, они были совершенно не организованными. Рабочий класс и народ Польши остались без своего руководящего штаба.

С этих моментов в Польше начинается другой большой негативный процесс, самое горькое последствие реставрации капитализма: идейно-политический разброд, разочарование польского пролетариата и вообще трудящихся масс страны. Католическая церковь, правящие современные ревизионисты, внутренняя и внешняя польская реакция начали совершенно свободно отравлять сознание польского пролетариата, лишившегося своего штаба. В сознании определенных контингентов этого пролетариата постепенно укореняются подозрение и недоверие не только к правящей партии, называвшей себя «коммунистической» партией, но и к социалистическому строю, который во всех отношениях путали с уже реставрированным и закреплявшимся в Польше капитализмом. Перерождение партии не могло не способствовать быстрому перерождению во всех областях жизни страны.

В продолжение работы по разгрому диктатуры пролетариата, начиная с декабря 1956 года, под флагом так называемой «демократизации власти» стали издаваться всякого рода решения и инструкции о децентрализации власти, о «предоставлении местам возможно больших компетенций» самостоятельно решать о плане, бюджете, распределении, рабочей силе и т.д.³² В соответствии с указаниями VIII пленума о том, что все реабилитированные «должны быть назначены на соответствующие посты в партийных, государственных и хозяйственных органах и учреждениях»³³, многие из прежних кадров были заменены новыми, разложившимися элементами, как и бывшими врагами, уже пришедшими к власти.

Одним из самых важных контрреволюционных мероприятий, проведенных Гомулкой после прихода к власти, является роспуск молодежной организации «Союз Польской Молодежи — ЗМП», чем и был облит грязью весь путь, пройденный этой организацией со времени освобождения страны и вплоть до 1956 года. Он произвольно созвал съезд этой организации, заставил ее руководство объявить о роспуске организации и образовании вместо нее двух организаций: «Союза Польской Социалистической Молодежи», который действовал в городе, и «Союза Крестьянской Молодежи». Как отмечал товарищ Энвер Ходжа, в продолжение произвольных изменений, производимых Гомулкой, «Все руководство профсоюзов было снято и заменено новым. Из армии были удалены многие испытанные офицеры ... и началась реабилитация многих офицеров, в том числе и старых, убежавших за границу или же служивших в английских воздушных силах (РАФ)»*.

Гомулке с компанией представился случай открыто пропагандировать и применять в жизнь уже в качестве официальной линии партии все буржуазные и титовские теории и теоретизирования о «больших злах диктатуры пролетариата». Эти враждебные акты, прикрываемые маской борьбы с «бюрократизмом» и «сталинизмом» и сопро-вождаемые заверениями в том, что только отказ от диктатуры пролетариата реально приведет рабочий класс к власти (!), в 1956 и 1957 годах Гомулка выдавал публике за «творческое» применение марксизма! Югославскому руководству с Тито во главе, которое еще много лет назад восприняло и уже проводило в жизнь эти антимарксистские теории, незачем было обидеться за то, что роль «творца» теперь брали на себя Гомулка

* Энвер Ходжа. Соч., т. 14, стр. 234-235, алб. изд.

в Польше, Хрущев в Советском Союзе или Кадар в Венгрии! Титовцы были гораздо больше заинтересованы в повсеместном распространении и применении этих буржуазно-ревизионистских теоретизирований о государстве диктатуры пролетариата и социализме вообще. Что же касается «творения», то они прекрасно знали, что заслуга в этом не принадлежала не то, что Хрущеву и Гомулке, но даже и самим Тито и Карделю. Самое большее, что можно сказать, это то, что им принадлежала заслуга только в том, что они первыми восприняли и стали применять те теории, которые уже давно были выдуманы буржуазией и реакцией.

Только одна партия решительно противодействовала всему этому. Это была Албанская партия Труда. «Те, кто, прикрываясь флагом борьбы со «сталинизмом» и «бюрократизмом», ревизуют марксистскую теорию о диктатуре пролетариата, — отмечал товарищ Энвер Ходжа, — целиком отвергают марксизм-ленинизм, они фактически изменяют пролетариату и переходят на сторону буржуазии»*. Намек был более чем ясным. Это было обвинением в адрес В. Гомулки и его линии, причем еще более прямым, чем в случае с другими лидерами ревизионизма. Вскоре бесконечным множеством фактов из реальной действительности были доказаны правильность этого вывода, сделанного еще в 1957 году и в свое время названного ревизионистами выражением «догматизма», как и дальнорочность товарища Энвера Ходжа. Впрочем речь об этом пойдет ниже. А пока будем продолжать с той фазой, в которой Гомулка проявлял свою «творческую» жилку во всех областях.

Благодаря его заботе по всей стране стали распахиваться двери перед буржуазной идеологией вообще, перед религиозной — в особенности. В

* Энвер Ходжа. Соч., т. 14, стр. 270, алб. изд.

мае 1957 года в связи с создавшимися большими возможностями и благоприятными условиями для распространения и пропаганды религии, В. Гомулка хвастливо отметил на IX Пленуме ЦК партии: «у нас сложилось такое положение, которого нет не то, что в других социалистических странах, но даже в таких капиталистических странах, как Франция или США»³⁴. Далее он отметил: «Несомненно, долгое время будут жить рядом друг с другом верующие и неверующие, церковь и социализм, народная власть и власть церквей... Мы приходим к таким выводам, исходя из предпосылки о необходимости сосуществования»³⁵.

В рамках этого курса начались гомулковские реформы и в области экономики. Хотя основные законы социалистического строительства в Польше и раньше нарушались или же при их проведении допускались большие недостатки и ошибки, теперь они были окончательно игнорированы. Реставрация капитализма в Польше получила невиданные темпы. Причем в первые моменты, когда другие ревизионисты — чешские, болгарские и другие колебались, остерегались прямых столкновений с социализмом, Гомулка выступил знаменосцем. «Никто не должен беспокоиться о положении в Польше и о пути социалистического строительства, которым пойдет Польша, — отметил он на VIII пленуме и продолжал: — Этот путь может быть советским или югославским, но может быть и польским»³⁶.

Несколько месяцев спустя, на IX пленуме ЦК ПОРП, рекламируя так называемый польский путь к социализму, Гомулка отмечал: «Практика социалистического строительства в различных странах не создала какой-либо универсальной формы социалистического строительства ... Универсальной формы нет и быть не может...»³⁷.

Теоретизируя о существовании или несуще-

ствовании «универсального социализма», Гомулка, естественно, пытался игнорировать универсальные законы социалистического строительства. «Социализмом», игнорирующим всеобщие законы, как югославский «социализм», должен был быть и польский социализм. Более конкретно:

В области сельского хозяйства Гомулке с компанией не надо было тратить много сил на восстановление частной собственности. Этот сектор в 1955 году занимал в Польше почти 85 процентов обрабатываемой площади земли, тогда как около 10 000 сельскохозяйственных кооперативов занимали всего лишь 1-2 процента. Итак, Гомулке приходилось лишь вносить свою «лепту» в дело углубления этих диспропорций в пользу частного сектора. В 1956 году частный сектор в сельском хозяйстве занимал более 86 процентов общей площади земли, тогда как в распоряжении сельскохозяйственных кооперативов «остался» только 1 процент³⁸. По указанию Гомулки было распущено несколько тысяч сельхозкооперативов, но не все они, так как в противном случае контрреволюция окончательно выдала бы себя. Так, если к концу 1955 года в Польше было почти 9800 сельскохозяйственных кооперативов, то в 1970 году, последнем году господства Гомулки, их осталось почти 1100, к тому же полностью преобразованных и управляемых польским кулачеством и помещиками. Не ограничиваясь этим «скромным» вкладом в это дело, Гомулка еще в 1956 и 1957 годах показал себя заклятым врагом социализма и в других, более важных направлениях:

Во-первых, он открыто обрушился на кооперативную систему сельского хозяйства. На VIII пленуме ЦК партии он, сопоставляя кулацкие хозяйства с сельскохозяйственными кооперативами, пришел к заключению, что последние представляют собой не что иное, как «плачевную картину с

жалкими производственными результатами, с большими издержками производства. Что же касается политической стороны этой проблемы, то ее касаться не буду»³⁹.

Кооперативная система в сельском хозяйстве Польши была разрушена еще тогда, как было сделано несколько лет до этого и в Югославии, и о ней вообще перестали говорить. Если и сохранились кое-какие сельскохозяйственные кооперативы, то такое отклонение от «польского общего» было продиктовано соображениями маскировки и демагогии: «В Польше все позволено, даже ... сельскохозяйственные кооперативы!» Позднее эти «оазисы социализма», как и вся польская экономика, должны были быть преобразованы в капиталистические коллективные общества, в которых закон вершили выродившиеся руководители, новые капиталисты. Так продолжалось вплоть до 1981 года, когда целые стаи кулаков и частных фермеров набросились на гомулковские коллективные хозяйства и, подобно былым панам, захватили огромные участки, присоединив их к своим владениям.

Что же касается государственного сектора сельского хозяйства, то 25-летние усилия Гомулки и Герека в интересах «социализма» породили мышь: общая площадь земли в распоряжении государственных сельскохозяйственных предприятий, которая в 1958 году составляла около 12 процентов всей площади страны, увеличилась почти на 1-2 процента.

Во-вторых, сразу же после своего прихода к власти Гомулка принял все меры к тому, чтобы не только увековечить унаследованную систему частной собственности на землю, но и создать неограниченные возможности обогащения кулачеству и крупным землевладельцам. «С целью усиления у крестьян чувства собственности, — отме-

тил он на VIII пленуме ЦК партии, — необходимо снять ограничения на куплю-продажу земли и на право наследовать ее, в том числе и землю, переданную крестьянам аграрной реформой»⁴⁰.

Эти установки были сразу проведены в жизнь. Продажа и купля земли стали обычным явлением в польской деревне, число фермеров, в чьем владении было в пять и даже в десять раз больше «среднего» количества земли, допускавшегося в частном владении, росло непрерывно. Машинно-тракторные парки были распущены, их имущество было поставлено в распоряжение частных владельцев или же вообще было продано им.

Стало быть, какое-то хозяйство, у которого одна нога частная, а другая «социалистическая» — вот картина польского общества 1956-1957 годов. И Гомулка называл это «польским путем к социализму»!

Между тем, правду говоря, другая нога, так называемая социалистическая, в польской экономике также была подвергнута глубоким гомулковским преобразованиям.

Вынужденный придерживаться хрущевского образца, Гомулка также не требовал перехода вновь в руки частных владельцев государственных экономических предприятий, которые в 1957 году составляли более 99,7 процента предприятий страны. Несмотря на то, что он, как старый оппортунист, был в основном сторонником западного образца капиталистического развития, все же не мог не идти в ногу со стадом. Поэтому, по советскому образцу и под диктатом Кремля, и в Польше была сохранена прежняя государственная форма владения и управления в экономической области. Но, как и в ревизионистском Советском Союзе и других бывших социалистических странах там была изменена социалистическая суть собственности: она превратилась в государственно-капиталистичес-

кую собственность, в экономическую базу новой, ревизионистской буржуазии.

Однако Гомулка был не только хрущевцем; еще до того, как попасть в когти Хрущева, он был убежденным титовцем и как таковой был заклеямен. Захватив власть, он не мог позабыть о старой любви. Вот почему гомулковские реформы в экономике, наряду с хрущевской базой, носят также оттенки и даже яркие окраски титизма.

Эту свою склонность Гомулка проявил еще на VIII пленуме ЦК партии, когда заявил, что Польшу продвинет вперед «югославский образец рабочего самоуправления»⁴¹. Там же были даны указания о направлении в Югославию польских делегаций «для изучения на месте опыта самоуправления, причем не только в экономической области, но и в других областях»⁴². В соответствии с этими указаниями и с полученным в Югославии опытом, сразу началась децентрализация в области планирования, производства, бюджета, капиталовложений, распределения, ценообразования и т.д. Как и в Югославии, в Польше начали создаваться так называемые «рабочие советы». До сентября 1957 года, то есть за какие-то три-четыре месяца после IX пленума ЦК ПОРП, на котором было принято решение о создании этих организаций, в Польше были созданы «рабочие советы» на 4316 предприятиях из 10 800 государственных предприятий, насчитывавшихся в то время в Польше.⁴³

Прибыль стала главным лейтмотивом. О ней говорили везде и всюду, она заменила все другие стимулы и средства, способствующие росту производства. «Применять многочисленные материальные стимулы», — подчеркнул Гомулка на VIII пленуме ЦК и, желая внести полную ясность в эту идею, привел пример горнорудных предприятий. «Стимул, — разъяснил он, — будет заключаться в том, что прибыль от каждой сверхплано-

вой тонны угля будет поделена между рабочими данного предприятия и государством, как управляющим ... Быть может, например, определенное число рабочих пожелает, чтобы добытая ими сверхплановая руда была продана за границей с целью получения иностранной валюты для приобретения отдельных товаров. Другие могут пожелать использовать прибыль для строительства жилого дома или для каких-либо других целей и даже для создания небольшого хозяйства частного производства...»⁴⁴.

Немного времени спустя, на X пленуме ЦК ПОРП Гомулка не преминул отметить еще такой факт: «Полученная предприятием прибыль (после выделения доли, принадлежащей государству) полностью переходит в руки коллектива... При распределении прибыли руководство должно пользоваться привилегированным положением»⁴⁵.

Что из себя представляет «самоуправление», это уже известно, так что нет надобности останавливаться на этом вопросе. Какое «изобилие» принесло польскому рабочему классу это «самоуправление», это мы увидим ниже. Здесь мы хотим отметить то, что после гомулковских реформ в области экономики «польский социализм» получил все черты, характерные для капитализма. Отныне экономика обеими ногами — сельским хозяйством и промышленностью — будет идти по пути капитализма.

Но в рамках больших «творческих возможностей», созданных «польским социализмом», Гомулка пошел еще дальше. Еще на VIII пленуме он указал на целесообразность увеличения числа частных производственных, коммунальных и торговых предприятий. «Освобождая каждого от административных трудностей и создавая благоприятные условия каждому, — отметил Гомулка, — можно развивать мелкое частное производство

..., что должно поддерживаться политической линией партии и государства»⁴⁶. Вследствие этого курса в период с ноября 1956 года по июнь 1957 года заметно увеличилось число частных производственных предприятий, тогда как число рабочих в них возросло в два раза. За этот же период появилось около 32 000 новых ремесленных цехов, а в июне 1957 года число частных ремесленников в Польше превысило цифру 180 000⁴⁷.

Однако Гомулка не был доволен таким ростом частного сектора, поэтому на X пленуме ЦК отметил: «У нас претензии к государственным властям, так как они не проводят политику ... концессий в отношении частной промышленности»⁴⁸. И далее: «В рамках экономической политики, выработанной партией и правительством, мы стараемся создать наилучшие условия для развития частного ремесленничества, частного производства и частной торговли. Мы не устанавливаем лимитов для доходов частных предпринимателей ... От частных предпринимателей мы требуем только соблюдения закона, уплаты пошлин»⁴⁹.

Таков в общих чертах «польский социализм», спроектированный VIII, IX и X пленумами ЦК ПОРП в 1956-1957 годы. Его громко рекламировали как «тип социализма», способный продвигать Польшу вперед по пути «спокойствия и изобилия»! Но, как и его зодчий, ПОРП, этот «социализм» являлся не чем иным, как амальгамой капитализма по содержанию и социализма по фразерству и надстроечным формам. «Социалистические и коммунистические маски, которыми они (современные ревизионисты — С. Д.) прикрывают свое государство и свою партию, — говорил товарищ Энвер Ходжа, — служат только для обмана людей, ибо характер государства и партии определяется не их названиями и не только их социальным составом, а прежде всего и главным образом

проводимой ими политикой, тем, кому она служит и в чьих она интересах»*.

В Польше социализм перестал существовать, как социально-экономический строй. Во всех областях жизни власть перешла в руки разложившихся партийных и государственных чиновников.

Мирная ревизионистская контрреволюция в Польше восторжествовала. Это явилось первым результатом так называемого «польского октября». Подробно проанализировать дальнейшую линию ПОРП не стоит, она не представляет какого-либо особого интереса. Официальная линия партии за весь последующий период представляет собой продолжение и повторение VIII пленума ЦК ПОРП с незначительной ретушью ее содержания, с разнообразием форм и, конечно, с более тяжелыми последствиями. И когда Гомулка в результате проводимой им линии был лишен трона и заменен Герекком, и когда этого последнего постигла участь своего предшественника и он был заменен Канией, а немного времени спустя — Ярузельским, в партийной линии не произошло никаких существенных изменений. Меняются только фамилии польских Луи Бонапартов, но каждый из них сохраняет прообраз первого — Гомулки. Каждый из них лишь воспринимал готовую платформу и боролся за то, чтобы пожать плоды «польского октября» 1956-1957 годов.

Считая этот тип «социализма», этот плод мирной контрреволюции, контрреволюции без крови и насилия, подходящим средством для удовлетворения как тех, кто стремился к капитализму, так и тех, кто стремился к социализму (особенно пролетариат и массы), на первых порах они думали, что он принесет Польше и ее людям и спо-

* Энвер Ходжа. Доклад на VI съезде АПТ, стр. 229, Тирана, 1971, алб. изд.

койствие, и изобилие. В жизни Польши начался новый этап, этап продвижения вперед и консолидации контрреволюции.

От соглашения к конфронтации и наоборот

Надо отметить еще один «вклад» Гомулки и его VIII пленума: контрреволюционное отношение к июньским познанским контрреволюционным выступлениям 1956 года.

Получив ощутимую пощечину, польские контрреволюционные силы притупились, но не успокоились и не сложили руки. Сознавая, что для решительного реванша было еще слишком рано, они пока что были заинтересованы в сохранении в стране доиюньской ситуации. Для них сохранить эту ситуацию означало создать себе новые возможности для новых уловок. Исходя из этих целей, появление на сцене В. Гомулки было бы крупной победой для сил этого крыла. Им были хорошо известны националистские настроения Гомулки, его антисоветизм, его явно прозападные наклонности, его взгляды на интегральную демократию при «социализме» и т.д. и т.п. В то же время они очень рассчитывали на накопившуюся у Гомулки вражду к той линии и тем людям, которые несколько лет до этого обличили его, дискредитировали и даже посадили в тюрьму. Это одна из причин того, почему силы, организовавшие познанские выступления, с готовностью включились в безобразную кампанию, которая развернулась в пользу В. Гомулки особенно после июня 1956 года. Внутри пар-

тии этой кампанией руководили ревизионистские силы, вне партии — силы прозападной реакции. Так, сразу же после первой конфронтации само собой было заключено соглашение между обоими крыльями контрреволюции.

Владислав Гомулка должен был играть роль модератора между обоими крыльями. Верный своей антимарксистской линии, тот, кто на VIII пленуме чего только не сделал также и для примирения «обиженных» и «нетерпеливых», открыто взял их под защиту и даже приветствовал познаньские контрреволюционные выступления, как выступления, давшие «ценные» для партии и «социализма» в Польше «уроки».

«Попытки изобразить большую познаньскую трагедию как дело агентуры империализма и провокаторов были большой политической наивностью ..., — сказал он, в частности. — Причины познаньской трагедии кроются в нас самих, в партийном и государственном руководстве»⁵⁰.

И чтобы внести полную ясность в это заявление, Гомулка отметил, что участники июньских брожений выступили не больше и не меньше как «против недостатков», дав «партийному и государственному руководству горький урок. Демонстрируя, они сказали хватит», «так идти невозможно».⁵¹

Вот, чем главарь польского современного ревизионизма отплатил темным силам общества за то, что они помогли ему захватить власть. Они ждали компенсации и вознаграждения от нового лидера партии, но что он мог дойти до таких заявлений, этого они никак не могли ожидать, так что просто пришли в восторг от них. Сразу ожили вдохновители контрреволюционного бунта, и лютая жажда открытого возвращения в капитализм внушала им, что нельзя ограничиваться одним только политическим оправданием и моральной поддержкой посредством этих заявлений доброжела-

тельства. Они не могли не потребовать, как и потребовали, довести дела до конца, то есть открыто и решительно покончить с любыми «остатками» прошлого — и со старыми фразами и лозунгами, и со старыми формами и структурами. В польскую печать, начиная с журнала «Попросту» и кончая газетой «Трибуна люду», хлынули статьи с открытыми призывами выступить против всего социалистического. Сам Гомулка к числу поджигателей и наиболее усердных сторонников открытой антисоциалистической деятельности должен был немного времени спустя отнести особенно Союз польских писателей и широкие слои интеллигенции⁵².

Все эти пропитанные враждебностью к социализму силы, унаследованные от прошлого или же постепенно выродившиеся, не могли долго мириться и с так называемым польским социализмом, независимо от того, был ли он таким, каким его пропагандировали, или нет.

Однако, вопреки этим силам, рабочий класс и другие трудящиеся массы, заинтересованные в том, чтобы «новая линия», «польский социализм» принес им обещанное, встали на защиту этого «социализма». Гомулка с компанией внезапно оказались меж двух противоположных огней, так что им пришлось сманеврировать. Они усилили лозунги во имя и в защиту «польского социализма», стали потихоньку критиковать и ультраправых, которые, разочаровавшись, снова вышли на улицу, но уже не в Познани, а в Варшаве. Целые банды, которые Гомулка назвал «хулиганами», вышли на демонстрации, неся в руках не что иное, как крупные транспаранты, на которых как бы в иронию было написано: «Октябрь в опасности», «Партия уходит от октября», «Отстоим польский октябрь»⁵³. Размахивая на площадях и бульварах порождением самого Гомулки, «польским октябрём», эти демонстранты с холодной логикой контрреволюции говорили ему

и его сообщникам: Вы вручили нам этот флаг, так давайте до конца идти под этим же флагом!

Именно в это время во всей Польше вспыхнула сильная волна воровства, спекуляции, саботажнических действий и преступлений. Гомулковский «польский социализм» шаг за шагом обнаруживал себя. Своими большими свободами он не мог не пробудить все подонки общества. Эти подонки, все равно были или нет организованными, отныне превращались в пищу и резерв контрреволюции. «Преступность, — признавал Гомулка всего лишь год спустя после прихода к власти, — заметна в большой или малой степени почти во всех областях жизни. Во многих партийных инстанциях, среди многих членов партии, занимающих руководящие посты в администрации или в народном хозяйстве, ... преобладают равнодушие, пассивное отношение к преступности»⁵⁴. Но беда для польского ревизионистского руководства заключалась особенно в том, что на сторону «ультра» переходило все больше и больше членов ПОРП. Многие из этих «коммунистов», как заявил сам Гомулка на X пленуме, относились к числу тех, кто заодно с хулиганами выкрикивал: «Октябрь в опасности!». «Наша партия, — констатировал Гомулка, — утратила многие из качеств передового отряда. Она частично расколота, она слилась с массой беспартийных»⁵⁵.

Чтобы справиться с этой стихией, которая темпами своего роста и своим давлением не только дискредитировала и разоблачала современных ревизионистов, но и ослабляла их власть, эти последние не скупилась ни на упреки, ни на заверения в том, что «польский социализм» пойдет своим путем. В целом ряде «инструкций» и «циркуляров», которые ЦК ПОРП разослал по всей стране в последние месяцы 1957 года, содержался призыв положить конец «деятельности подкупленных и пре-

ступных элементов», как и «кликам в партии и в органах власти, затрудняющим вскрытие преступлений»⁵⁶, «распространяющим теорию интегральной демократии...» и «слепо, рабски преклоняющимся перед всем, что исходит от Запада...» и т.д.⁵⁷.

Казалось, будто Гомулка и иже с ним в этих «твердых» позициях нашли путь к «конфронтации» и «непримиримости» к ультраправым элементам. Между тем именно в эти моменты среди множества факторов особенно два фактора способствовали тому, что *конфронтация снова перешла на путь соглашения.*

В то время как в Польше царил хаос, в Москве проводило свою работу ноябрьское Совещание 1957 года коммунистических и рабочих партий. Причины созыва и метод проведения этого совещания хорошо известны. В выдающемся труде «Хрущевцы» среди многочисленных причин товарищ Энвер Ходжа отмечает: «Линия «свободы» и «демократии», во всеуслышание прокламированная на XX съезде, превращалась теперь в бумеранг для самого советского руководства. Ряды начали расстраиваться, а хрущевцам надо было любой ценой, хотя бы для видимости, сохранить идейно-политическое «единство» лагеря социализма и международного коммунистического движения. В связи с этим и для этой цели было создано и московское Совещание 1957 года»*.

Польские ревизионисты во главе с Гомулкой выступили на этом совещании самым передовым крылом ревизионистов, пытаясь задать тон ему. Однако они проявили такую поспешность и такую несдержанность, что возмутили даже Хрущева с компанией. Предшественники ревизионистской контрреволюции являлись также настоящими тактиками. Гомулке, Тольятти и др. приходилось

* Энвер Ходжа. «Хрущевцы» (Воспоминания), второе издание, стр. 309-310, алб. изд.

приспосабливаться к их тактике, в противном случае черное дело, разыгрывавшееся в лагере социализма, в рядах коммунистического движения, могло провалиться с первых же шагов.

Итак, ревизионисты отступили по многим причинам, но особенно они «отступили вследствие борьбы, которая развернулась на совещании против оппортунистических взглядов на обсуждавшиеся проблемы...

Ревизионизм, правый оппортунизм, был определен совещанием как главная опасность для международного коммунистического и рабочего движения»*. Начинается та короткая фаза в процессе ревизионистской контрреволюции, которую товарищ Энвер Ходжа определил как «временное отступление с целью взять реванш»**. Это отразилось и в Польше.

«Уроки», которые Гомулка с компанией получили в Москве, как и существовавшая в Польше напряженная обстановка вынудили их проявлять к концу 1957 года больше «осторожности» в своих антисоциалистических вылазках и в этом плане усилить дозы «критики» и «предупреждений» в отношении ультраправых элементов. Впрочем для успокоения положения не понадобилось никакое «болезненное» вмешательство. Шевелившиеся внутри ревизионистской контрреволюции ультракапиталистические силы уже накопили «опыт», так что конфронтации, чреватой большими для них последствиями, предпочли отступление.

Они понимали, что в случае предпринятия ими крайних действий либо сам Гомулка нанес бы им сильный удар, либо же другие, Хрущев с

* Энвер Ходжа. «Хрущевцы» (Воспоминания), второе издание, стр. 320, алб. изд. Для подробностей смотри в этом труде стр. 307-324.

** Там же, стр. 307.

компанией, отдали бы приказ Гомулке нанести им такой удар, чтобы спасти ревизионистскую контрреволюцию, ее плод — «польский социализм», ее внутренние и внешние связи.

Помимо этого, был еще один главный фактор, которого не могли игнорировать ни силы, связанные с мирной контрреволюцией, ни ультракапиталистические силы: таким фактором были *пролетариат и трудящиеся массы*.

Понадобилось меньше года для того, чтобы, вопреки воле Гомулки и его группы, «польский путь к социализму» обнаружил себя в другом очень щекотливом направлении: он не в состоянии был выполнить данные массам обещания, особенно в области производства, распределения, цен, жилищных условий и т.д.

Такое положение, естественно, не могло не разочаровывать и возмущать массы. Сам Гомулка вынужден признать это положение, когда он отмечает, что «Рабочий класс, люди физического и умственного труда были вынуждены затянуть ремень до отказа. Ошибки при планировании, пустые обещания ... вместо того чтобы теснее связать рабочий класс и массы с социализмом, породили широко распространившееся чувство разочарования»⁵⁸.

Недовольство масс проявлялось открыто, и контрреволюционные силы чувствовали, что дальнейшее продолжение отрицательных явлений, тем более их увеличение, могли серьезно осложнить проблему.

Склонные к социализму, как социально-экономическому строю, и связанные с ним пролитой кровью и высокими чаяниями, польские пролетарии и массы, вставшие на указанный им путь осуществления этих чаяний и разочарованные в реальных результатах, могли, наконец, понять совершавшееся предательство и подняться на революцию. А она означала бы не только конец реви-

сионистской контрреволюции, но и полный крах сил, борющихся внутри этой контрреволюции за капитализм чистой воды.

Итак, предотвратить поднятие вновь масс на революцию — такова была одна из главных целей ультраправых сил. Такова была также одна из главных целей правящих современных ревизионистов. В этом сходились обе стороны, поэтому они должны были поддержать друг друга, стало быть, должны были вступить в фазу сделок, компромисса.

Для ультраправых элементов в эти моменты «отступление» было более выгодным еще и по другой причине: в условиях спокойствия, в рамках больших возможностей и свобод, создаваемых «демократическим социализмом», силы прозападной контрреволюции внутри ревизионистской контрреволюции могли еще успешнее консолидироваться и развиваться. Они могли изнутри подточить «польский социализм», так что в подходящий момент сумели бы проявить себя и на улицах, в открытом единоборстве с властями.

Итак, от конфронтации к соглашению, от соглашения к конфронтации — таким должен был быть путь двух сопутствовавших друг другу контрреволюций.

Весь этот процесс сделок и столкновений между внутренними контрреволюционными силами, который продолжался несколько десятилетий, был, в частности, и *отражением, и прямым следствием империалистическо-ревизионистских сделок и столкновений в международном плане.* В особенности этот процесс противоположностей являлся в Польше зеркалом и горьким плодом союза и постоянного соперничества между мировым империализмом, возглавляемым американским империализмом, и современным ревизионизмом, возглавляемым советским социал-империализмом.

Обе стороны были одинаково активными и состояли в союзе между собой в борьбе за одурманивание пролетариата и трудящихся масс Польши, но внутри их контрреволюционного союза непрерывно росло и углублялось соперничество, усиливалась борьба, в которой каждая из сторон пыталась поставить Польшу под свой контроль. Обе стороны имели там прочные базы, так что в периоды «спокойного» развития событий каждая из них старалась увеличить и дальше консолидировать свои силы внутри страны, чтобы в моменты взрывов натравить их друг на друга. И, поскольку эти внутренние силы контрреволюции уже превратились в агентуру и штурмовые отряды чужеземцев, они не могли не поступать в соответствии с интересами своих зарубежных хозяев, в зависимости от хода сделок и грызни между ними. Весь ход событий в Польше в период с 1956 года огромным множеством фактов подтверждает это положение.

На протяжении почти 10-12-летнего «спокойного» периода оба крыла контрреволюции в сотрудничестве между собой не только восстановили и закрепили в Польше капиталистический строй, но, хуже того, своей лихорадочной деятельностью принесли новый серьезный, неисчислимый ущерб польскому пролетариату. Реставрированный капитализм они во всеулышание пропагандировали и выдавали за «социализм», а этим как ультраправые силы, так и Гомулка, Хрущев и все хрущевцы в других странах посеяли сомнения в умах пролетариата и разочаровали его в социализме, «поставили под сомнение жизненность марксистско-ленинской науки, ее способность разрешать современные проблемы, способность рабочего класса совершить революционное преобразование общества, поставили под сомнение положение о руководящей роли коммунистической партии. Всем

этим хрущевские ревизионисты дали буржуазным идеологам мощное оружие для их антикоммунистической пропаганды. Они стали источником всякого рода антимарксистских концепций о социализме»*.

В период 1968-1970 годов 10-12-летнее плодотворное «сотрудничество», особенно в совместном крестовом походе против социализма, превращается в Польше в одну из самых острых конфронтаций, которые знало до того времени послевоенное польское общество.

Как мы увидим ниже, для острой конфронтации между обоими крыльями контрреволюции в этот период были использованы особенно законные революционные выступления польского пролетариата против гнета и сложившегося в Польше тяжелого экономического и политического положения. Воспользовавшись тем, что в те годы польский пролетариат включился в бурные забастовки и демонстрации, не имея, однако, своей марксистско-ленинской партии, а стало быть, будучи неорганизованным и не имея своей революционной программы, ультраправые силы, хотя они тоже были застигнуты врасплох взрывом рабочего класса, попытались взять верх. Прикидываясь «друзьями рабочих», они всячески стремились прибрать к своим рукам руководство законным движением пролетариата и использовать его в своих интересах. Однако и на этот раз контрреволюция в контрреволюции не смогла осуществить свою главную цель и, после столкновения, за которое поплатился кровью польский пролетариат, снова наступила фаза «согласия» между обеими разновидностями контрреволюции.

Но это факт, что контрреволюция в контрре-

* Энвер Ходжа. Доклад на VI съезде АПТ, стр. 227-228, Тирана, 1971, алб. изд.

волюции после каждой потери в одном направлении много отвоевывала у контрреволюции во власти уступки в других направлениях: много свобод действия и организации, больше позиций во всем базисе и надстройке польского общества, больше экономических «реформ», больше связей с западными капиталистическими странами, новые оковы для Польши через займы, долги и кредиты от Запада, больше льгот для диссидентов, больше контактов и официальных связей с Ватиканом и т.д.

Во всех этих «свободах» и «правах», которые завоевывались в результате конфронтации и часто выдавались за плоды давления «снизу», «с мест», приходилось плыть и самим ревизионистской партии и ревизионистскому государству. Быстро происходило то, что и ожидалось: ревизионистская контрреволюция все больше и больше утрачивала свои позиции и к власти постепенно приходила контрреволюция в контрреволюции. Это был неизбежный, неотвратимый процесс. Сами силы ультракапиталистической реакции по мере завоевания все больших позиций, прав и почвы внутри ревизионистской контрреволюции, убеждались не только в том, что «социалистическая» оболочка антисоциалистического содержания польского государства становилась помехой свободному развитию всех форм западного капитализма, но и в том, что с этой «социалистической» оболочкой были связаны жизненные интересы правящей ревизионистской группы и ее социал-империалистических хозяев. Оба этих препятствия («социалистическая» оболочка и стоявшие за ней силы) надо было окончательно преодолеть.

Почти 15-летний опыт конфронтаций и сделок с ревизионистской контрреволюцией, как и поддержка и всемерная помощь, которые они на-

ходили в лице западной реакции, убедили за этот период ультраправые силы в том, что они ничего не смогут добиться, если под их флаг не встанут массы, особенно польский пролетариат и молодежь. Вот почему при благоприятных условиях и обстоятельствах, сложившихся в капиталистической Польше, прикрывающейся «социалистическими» этикетками, ультрареакционные силы, все более и более прикидываясь «защитниками» и даже «рупорами» недовольного пролетариата, сумели лукаво сманеврировать и использовать в своих контрреволюционных интересах законное возмущение масс, которые все более открыто проявляли свою злобу и свое недовольство существующим строем. В 1970 и в 1976 годах, но особенно в период 1980-1981 годов оба проявления контрреволюции в Польше в своей конфронтации использовали выступления рабочих, выдавая их за рабочее движение.

В то же время контрреволюции в контрреволюции как в периоды сотрудничества, так и в периоды открытой конфронтации удавалось перетянуть на свою сторону почти большинство низов ПОРП, ее структур, органов и организаций. И по мере усиления «базы» контрреволюции в контрреволюции сокращался промежуток между периодами сотрудничества и периодами конфронтации. Так, чтобы дойти до первой конфронтации (после 1956 г.) понадобилось около 13-14 лет «сотрудничества», а чтобы дойти до второй конфронтации (1976 г.) понадобилось только 5-6 лет, и только три года спустя разразилась третья большая конфронтация — летом 1980 года.

Период с конца августа 1980 года, когда был заключен так называемый гданьский компромисс, (особенно период с августа 1980 по декабрь 1981 гг.) был для Польши ничем иным, как самым типичным выражением более чем 20-летней «игры»

между двумя проявлениями контрреволюции. Период от соглашения к конфронтации и наоборот в этой фазе был не вопросом лет или месяцев, а еженедельным и ежедневным явлением. Как только достигалось какое-либо соглашение и казалось, будто страсти как-то уgomонились, сразу вспыхивал конфликт где-то в другом месте и снова — конфронтация. Причем интенсивность таких переходов была настолько высока, что и речи не могло быть о какой-либо очередности. На протяжении двух лет в Польше царил хаос.

Классики марксизма-ленинизма много говорили об иронии в истории. Польша, особенно в период 1980-1981 годов, стала беспрецедентным объектом суровой, доминирующей иронии. Казалось, будто в общем психозе смятения и раздражительности конфликты рождались даже из-за пустяков. Повышались цены на водку — по сигналу ультраправых сил десятки тысяч человек поднимались на забастовки и демонстрации. Боже упаси от повышения цен на водку накануне рождества! Это не то, что покушение на карман, а прямо кощунство! Повышались цены на сигареты — на улицы и платформы фабрик и заводов устремлялись люди, в знак протеста целыми часами и даже целыми днями сидевшие поджав ноги (сидячие забастовки); задерживали на несколько часов двух-трех диссидентов или политических хулиганов — гут же силы, манипулировавшие движением рабочих, объявляли положение готовности к забастовкам в городском и даже в республиканском масштабе.

Между тем бесконечное множество таких «мелких», как и других больших и очень больших причин, непрерывно порождающих конфликты, в совокупности своей не являются ни случайностью, ни выражением какого-либо «особого психоза поляков», которые, видите ли, «любят» анархию и

бунт (!), как это нравится говорить буржуазным и реакционным социологам. Нет, в сущности своей они являются горьким плодом той измены, которую посеяли и десятилетиями растили объединенные силы контрреволюции — современные ревизионисты и другие ультрареакционные силы. В то же время хаос, охвативший Польшу, независимо от неизбежных стихийных взрывов, был и остается инсценировкой платформы, тщательно разработанной внутренними ультрареакционными силами и западной реакцией. Посредством этого хаоса эти силы стремились захватить власть, они усиленно стремились к этой цели. 25 лет подряд они росли и крепили внутри «мирной» ревизионистской контрреволюции, чтобы добиться нынешнего положения. И это факт, что ревизионистская контрреволюция в Польше все больше и больше утрачивала свои позиции и, наконец, вылилась в явно ультрареакционную силу. Впрочем это было неизбежным развитием логики ревизионистской контрреволюции. Как контрреволюционный процесс, совершенный сознательно и последовательно, она не могла долго сохранять маски. В один прекрасный день она сама должна была сбросить их, или же их должны были сорвать с нее, чтобы все видели ее истинное лицо.

За этот период сами лидеры ревизионистской контрреволюции волей-неволей один за другим пали жертвой своей собственной линии.

Они сознательно отошли от марксизма-ленинизма, нарушили и растоптали закономерности социализма, приняли на вооружение антимарксистскую, антидиалектическую линию. Однако настала и очередь диалектики, она должна была сказать свое слово.

МЩЕНИЕ ДИАЛЕКТИКИ

Философия мстит...

ЭНГЕЛЬС

До сих пор мы рассмотрели только одну сторону проблемы — игнорирование польскими ревизионистами всеобщих законов социалистического строительства.

Все лидеры польского ревизионизма, начиная с В. Гомулки, его преемника Э. Герека и кончая нынешними отбросами так называемой ПОРП, на словах прикидывались диалектиками чистой воды, осуществлявшими «новый социализм», тогда как на деле они отказались от диалектики и на каждом своем шагу издевались над ней. Но если они сделали все от них зависящее, чтобы уничтожить законы диалектического развития социализма, то это отнюдь не означало, что они отныне останутся вне закономерностей развития и тем более, что они могут действовать по своей воле и своему желанию. «Марксизм, — говорит Сталин, — понимает законы науки ... как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создавать новые законы науки»*.

Польские ревизионисты (как и все современ-

* И. В. Сталин. «Экономические проблемы социализма в СССР», стр. 4. Тирана, 1974.

ные ревизионисты), чтобы скрыть сущность своей измены демагогически утверждали и утверждают, будто «строят социализм», но не оставаясь «в плену» всеобщих законов, не как «догматики», а «творчески», с учетом «национальных условий», «новых процессов и новой реальной действительности мирового и национального развития» и т.д. и т.п.!! Таким образом, сознательно отказавшись от всеобщих объективных законов социалистического развития, они демагогии и обмана ради заявляли, будто вырабатывали и «искали» «новых», «лучших» законов развития! Это фактически был отход от материалистической философии. А сознательно отказавшись от материализма, идя наперекор его закономерностям развития, они не могли избежать горьких последствий сознательно совершенной ими измены. Путь, на который они встали, неизбежно привел их в водоворот стихийного действия другой закономерности, законов общества с антагонистическими классами. Следовательно, он привел их туда, где не от них зависело прийти или нет — к своей гибели. Они свое уже сделали. Теперь слово было за диалектикой. Она должна была мстить им.

Конец В. Гомулки

Прошло не больше года со времени прихода к власти В. Гомулки, и так называемый польский социализм показал, что нес в себе семена неразрешимых противоречий, антагонизма, кризиса во всех областях. Он, правда, рассчитался со здоровыми коммунистическими силами, но сразу

же после этого он оказался лицом к лицу с двумя другими силами — с прозападными *ультракапиталистическими* силами, с одной стороны, и с *пролетариатом и массами* — с другой. Первые, чуя ложность лозунгов и масок «польского социализма» и подбодрившись возможностями, создаваемыми «линией октября», должны были потребовать, как и потребовали, быстрее и решительнее идти курсом полного восстановления капитализма в Польше и ее ориентации на Запад. Вторые, приняв всерьез «социалистические» лозунги и маски, которые поклонники «польского октября» пропагандировали на всех перекрестках, должны были требовать их проведения в жизнь, следовательно, должны были требовать обещанных «улучшенным социализмом» свободы, изобилия, независимости.

Между тем, если и было что-либо такое, которого «польский социализм» никак не мог осуществить, не приговорив себя к смерти, то это было как раз осуществление в одно и то же время этих двух видов, прямо противоположных требований.

Первые признаки такой невозможности вскоре появились. Выше мы говорили о развороте, спекуляции и воровстве, которыми была охвачена Польша в 1957 году. Они являлись предвестниками природы нового порядка. За ними последовали другие.

Росли экономические трудности, опустошался «социалистический» рынок, стали показывать свое превосходство частный свободный рынок и черный, «подпольный» рынок. Решения о расширении «мелкой» частной торговли оправдывались той идеей, что эта торговля призвана была удовлетворять те потребности, которые не могли быть удовлетворены государственной торговлей, особенно в окрестностях городов, деревнях и т.д. Но как только сверху была дана зеленая улица, частные

магазины стали очень быстро процветать не только в деревнях и «закоулках» городов, но и на главных площадях и улицах Варшавы, Познани, Лодзи, Люблина и других городов. В этих магазинах можно было найти любой товар, но по ценам в два, три и четыре раза более высоким, чем обычные. По договоренности с государственными магазинами частные торговцы покупали в них товары по низким ценам, замораживали их некоторое время, а затем торговали ими в своих магазинах по ценам в четыре-пять раз более высоким⁵⁹. Гомулка с компанией называли их «незаконными действиями», «коррупцией» и т.д., но такие явления с тех пор стали более чем нормальными. Их узаконила сама консолидировавшаяся в стране социально-экономическая система, так называемый польский социализм.

Еще в 1957 году рабочий класс и трудящиеся массы Польши в награду за доверие, оказанное ими гомулковскому «социализму», получили от него первый подарок: рост цен!

С величайшим цинизмом Гомулка попытался на X пленуме ЦК партии оправдать все это, заявив, что повышение цен «в самой большей степени затрагивает группы, получающие *очень высокие и высокие оклады* (подчеркнуто в документе — С.Д.). Оно меньше затрагивает бюджеты средне- и низкооплачиваемых работников, так как эти семьи покупают незначительное количество товаров ассортимента, затрагиваемого повышением цен»⁶⁰.

О каких предметах «роскоши», которые не «включены» в «ассортименты» низких сословий, идет речь?! Это разъясняет далее сам Гомулка:

«Повысились цены на услуги, бумагу, газеты, книги, мебель. Повысились цены на ряд сельскохозяйственных продуктов ... Повысились также цены на масло и сыр», но это, по словам Гомулки, не имеет значения, так как «низкооплачиваемые

группы и до повышения цен не могли покупать масла и др...»⁶¹.

Таков был в этом аспекте облик «польского социализма» в первых шагах его законной жизни: «социализм» с «высшими» и «низшими» социально-классовыми СОСЛОВИЯМИ; общество, В КОТОРОМ для «низших» классов считались «роскошью» услуги, бумага, книги, газеты и ряд продовольственных товаров (!?), где масло и сыр для этих «низших сословий» были недоступными, а теперь стали совершенно невидимыми.

Чтобы умерить недовольство масс, Гомулка пустился в демагогию и обман. Вину за новые отрицательные явления он снова взвалил на «влияние предыдущего периода» и «неизбежные недостатки первых шагов новой линии». Между тем он принял целый ряд конкретных мер: заполучил у американского империализма заем в 500 миллионов долларов на приобретение сельскохозяйственной продукции, как и значительную «помощь» от своего «лучшего друга», Советского Союза; повысились зарплаты категорий, затронутых ростом цен; возросла до некоторой степени покупательная способность рынка, и т.д.

Эти меры, но особенно рост зарплаты и покупательной способности рынка являлись делом приятным и на один момент создали видимость общества, идущего по пути оздоровления. Но ведь все они были фиктивными мерами. Дальнейшему росту зарплат, было отмечено на X пленуме ЦК ПОРП, «способствовали: *во-первых*, отмена больших долгов Польши Советскому Союзу, получение новых кредитов, как и уменьшение расходов на строительство и оборону, что высвободило значительные финансовые средства, и, *во-вторых*, мощное давление, оказанное с целью повышения зарплат»⁶².

Что же касается покупательной способности

внутреннего рынка, то там же без обиняков было сказано, что «покупательная способность рынка повысилась не в результате нашей работы, не в результате увеличения производства, а в результате получения долгов от других стран»⁶³.

Говорят, что история повторяется. В 1980-1981 годах те же явления, но в размерах и с силой в сто раз значительнее прежних, снова наполнили жизнь польского общества. Однако это не было простым повторением чего-то прошедшего. Было то же самое прошлое, те же явления 1957 года, но уже развитые и вполне назревшие. Если в 1957 году они составляли фрагмент старта к катастрофе, то в 1980-1981 годах они составляли уже фрагмент самой катастрофы.

Еще один момент: рост заработной платы в 1957 году коснулся той категории трудящихся, которые, по мнению Гомулки и его присных, больше затрагивались ростом цен, то есть высокооплачиваемых категорий. Другие, последовавшие за ними решения привели к дальнейшему росту окладов этих категорий работников. Добавь к этому источнику разврата и обогащения еще решение X пленума о том, что «в области распределения прибыли руководство должно находиться в привилегированном положении»⁶⁴, добавь еще всякого рода премиальные, добавь невероятные выгоды, вытекавшие из привилегий и льгот, которые ревизионистское государство создавало чиновникам и руководителям в ущерб массам; добавь воровство, хищения, коррупцию, гонорары, взятки, которые они брали налево и направо (в 1981 году даже сам Герек и Ярошевич, бывший премьер-министр, были обвинены в воровстве и крупной спекуляции) — вот тогда и создастся кое-какая картина пути экономического становления новой буржуазии в польском государстве. В 1980-1981 годах сам Герек и его преемник Кания вынуждены

были признать, что в Польше «создан новый класс богачей». Даже в Сейме открыто говорили о тех, кто «живет в сказочных условиях», кто обладает виллами, машинными парками и флотилиями яхт и кораблей и даже личными самолетами в такое время, когда жизненный уровень трудящихся масс снижался с каждым днем.

Именно туда должен был привести антимарксистский путь, на который встал Гомулка в 1956-1957 годах. Но тогда было еще слишком рано предсказать конец его; тогда только появлялись в первоначальных формах неизлечимые язвы восстановленного в Польше капитализма.

Как мы уже сказали, обман и демагогия, с одной стороны, инъекции посредством иностранных долгов и кредитов и пышные обещания — с другой, сделали свое в рядах пролетариата, трудящихся масс. Последние временно успокоились в ожидании лучших дней.

Начинается тот недолгий период «затишья», когда силы ревизионистской контрреволюции и ультраправые силы сотрудничают в дезориентации пролетариата и масс, в опорочении теории и практики социализма, в предотвращении возможности подготовки и совершения революции.

В этой фазе «польский социализм», если свою капиталистическую сущность в области производственных отношений прикрывал «социалистической» оболочкой, то в других областях он уже не мог скрывать эту сущность и даже и не пытался это делать. В области воспитания, образа жизни, в литературе, искусстве, культуре и т.д. капиталистическое перерождение было очевидным. Моральный разврат, погоня за прибылью, роскошь и развлечения, коррупция, идейное и нравственное разложение, распространение буржуазных декадентских фильмов, литературы и музыки, подражание распущенной западной жизни, как и дру-

гие язвы общества с эксплуататорскими классами — вот что составляет в этой фазе *самую характерную черту буржуазной эволюции в польском обществе.*

Широкое рекламирование такого «социализма» как будто давало свои плоды. Казалось, будто массы были довольны бесконечными и неограниченными «свободами», которые им предоставляло подобное общество, открытое для всех и вся. Но настал такой момент, когда ложь и обман уже не действовали. Внутри идеологического тумана наряду с церковью, музыкой, книгой, фильмом, клятвами, обещаниями, сексом, насилием, наркоманией происходил другой процесс, который, будучи связанным с горькими проблемами, ставил под угрозу так называемый польский социализм в целом. Это был материальный фактор — экономический фактор. В «секретном» письме, направленном всем первичным партийным организациям в декабре 1969 года, ЦК ПОРП бил тревогу. Вопреки воле и желанию Гомулки и его присных, но «в соответствии» с проводимой ими линией, польская экономика шла к катастрофе. Если в 1957 году Гомулка изрыгал желчь на «горькую картину социалистической коллективизации в сельском хозяйстве», то в 1969 году для него настал момент вкушать «сладкую картину» капиталистической собственности, которую он поддерживал и пропагандировал: на рынке все больше и больше ощущался недостаток сельскохозяйственной и животноводческой продукции.

Некогда экспортировщица сельскохозяйственной продукции, Польша была вынуждена в 1963 году импортировать зерно и фураж, а в 1970 году объем импорта этой продукции достиг двух миллионов тонн. Столь же «сладким» было положение с «польским социализмом» и в индустрии, во внешней торговле и других областях.

Отказ от политики централизованного социалистического планирования, неполадки и хаос в области капиталовложений, децентрализация управления государственной собственностью и т.д. и т.п. — все это создало весьма благоприятную почву для конкуренции, анархии производства, безработицы, свободной игры цен, снижения темпов роста производства («черепашьими шагами» называли их в декабрьском письме 1969 года ПОРП), для роста себестоимости, снижения производительности труда и т.д.

Перспективы были еще более мрачными, причем обстановку нельзя было улучшить никакими ложными «свободами». Даже если бы вся Польша превратилась в церковь, даже если бы на нее обрушились одурманивающие идеологии всего мира, то все равно нельзя было ни повысить эти темпы, ни заполнить рынок. Гомулка с компанией поняли, что операцию надо было сделать там, где язва — в экономической области.

Группа Гомулки избрала два пути в качестве главных путей выхода из положения:

1) *Увеличение внешних долгов.* Задолженность, которая в 1957 году составляла примерно 500 миллионов долларов, в 1965 году достигла 950 миллионов долларов, а в период 1966-1969 годов — 1 миллиарда 100 миллионов долларов*. За 1970 год Польша должна была выплатить иностранным кредиторам рассрочку в 300 миллионов долларов, но не могла. Более того, ей нужны были еще сотни миллионов долларов, чтобы удержать на ногах существующую экономику, продолжать строительство недоконченных объектов, устранить большие нехватки на рынке.

Перед лицом такого положения польское руководство считало, что такая задолженность «не

* «Зери и популлыт», 12 марта 1970 г.

очень-то большая» и стало просить новых долгов. С этого времени Польша не только стала строиться с помощью долгов, но и долги стала погашать ... долгами! Гомулка знал, куда ведет этот путь, но ему нечего было делать. Это спонтанные законы капитализма вынуждали его принимать сиюминутные, временные решения, не задумываясь над тем, что принесет завтрашний день.

2) *Увеличение экспорта* было другим путем обеспечения столь необходимых и спасительных фондов. Однако польская экономика не могла выставлять свои товары на мировом рынке. Некоторые из них, правда, могли бы проникнуть в восточные страны, но это ничего не решало. Сельскохозяйственные и животноводческие продукты — вот что легче можно было поставлять Западу, но именно этот сектор польской экономики и был самым слабым, наиболее плохо организованным, наиболее дефицитным. Но иного пути не было. После многих усилий и сиюминутных «решений» в декабре 1970 года Гомулке, находившемуся перед все растущими трудностями, показалось, что нашел выход из положения: было решено особенно повысить цены на сельскохозяйственные и животноводческие продукты, с тем чтобы сократить внутреннее потребление, а «излишки» экспортировать в западные страны.

13 декабря 1970 года польское правительство огласило свое решение о повышении цен. Цены на мясо повысились на 19 процентов, на жиры — на 33,4 процента, на муку — на 16 процентов, на хлеб — на 24 процента, на молоко — на 8 процентов, на сыр — на 25 процентов, на рыбу — на 19 процентов, на стройматериалы — от 28 до 67,8 процента, на уголь — на 10 процентов, на ткани — на 14,5 процента; на обувь — на 23,8 процента, на мебель — на 15,6 процента и т.д.

Вследствие этого повышения цен семейные рас-

ходы увеличились на 20 процентов. Начиная с 1 января 1971 года, кварплата удвоилась.

Переполнилась чаша терпения. 14 декабря, в понедельник, большие группы молодежи и рабочих вышли на улицы Гданьска, заблокировав его центр. Полиция в попытках разогнать демонстрантов пустила в ход водометы. Во вторник к демонстрантам присоединились докеры и домохозяйки. Волнение охватило также Гдыню и Сопот. В Гданьске объявили осадное положение, прервали его связь с другими частями страны. Однако демонстрации становились все мощнее, с каждым днем росли ряды демонстрантов и ужесточались репрессивные меры против них. Тогдашний премьер-министр Циранкевич в своей речи предупредил, что полиции отдан приказ открыть огонь в любой «критический» момент. Войска, танковые части и т.д. заблокировали город на территории радиусом в 60 км.

Драматические размеры, которых достигла конфронтация, решимость рабочих любой ценой противопоставиться существующему режиму, непокоримый дух протеста, высокая пролетарская солидарность и т.д., — все это говорило о полном провале и разоблачении «польского социализма». В то же время эти события показывали, что польский пролетариат, первый в бывших социалистических странах, поднялся на ноги, открыто заявив, что существующий строй не был строем рабочих, что он был главным источником всех зол, следовательно, его нужно было свергнуть. В связи с этим законным движением польского рабочего класса, с тем значением, которое оно имело как для самой Польши, так и для других ревизионистских стран, товарищ Энвер Ходжа писал: «Борьба польского рабочего класса знаменует собой новое для ревизионистских стран явление ... В декабре в Польше произошло размежевание между

рабочим классом и правящей ревизионистской властью ... Впервые рабочие и ревизионисты оказались лицом к лицу как два уже сформировавшихся антагонистических класса»*.

Однако и в характере этого движения, особенно в его последней фазе, обнаружились горькие противоречия: наряду с «Интернационалом», пели религиозный гимн «Боже упаси Польшу»; контрреволюционный режим осуждали, но без четкой альтернативы, без революционной программы. Более того, отдельные элементы и определенные социальные слои смешивали контрреволюционный режим с социализмом и все зло, исходящее из восстановленного капитализма, приписывали социализму.

Причины этого противоречия кроются в горьком факте: польский рабочий класс первым сумел произвести дифференциацию ревизионистской клики и встать против нее (и в этом его большая заслуга), но у него не было своей партии-авангарда, не было организованности и марксистско-ленинского руководства. Он поднялся на ноги оттого, что не мог терпеть горькой действительности, но тут же пустое место авангарда поспешили занять чуждые и враждебные пролетариату силы — силы ультраправой реакции, которые успели окрепнуть и были более организованными.

Поддерживаемые и хорошо ориентируемые империализмом и западной реакцией, Ватиканом и романской католической церковью, эти силы еще в 1968 году сделали попытку открыто противопоставиться клике Гомулки. Они требовали дальнейшей либерализации внутripольской жизни, всестороннего укрепления и расширения связей с Западом, открытой поддержки израильской агрессии

* Энвер Ходжа. «Против современного ревизионизма», 1971-1975, стр. 12, алб. изд.

июня 1967 года против арабских стран и т.д. «Польская реакционная интеллигенция, управляемая мировым капитализмом, духовенством и еврейщиной, — писал в те моменты товарищ Энвер Ходжа, — недовольна ревизионистской кликой Гомулки и старается свести с ней счеты»*. В марте 1968 года на сцене появились главным образом студенты, которые устроили мощные волнения в Варшавском университете, «а организаторы заговора, — как подчеркивал товарищ Энвер Ходжа, — «публично» держались в тени»**.

После этих событий, но особенно после сильного удара, который Гомулка нанес мартовским брожениям 1968 года, главари ультраправого контрреволюционного заговора хорошо поняли, что их дело, дело их западных хозяев не могло быть серьезно поставлено на путь осуществления, рассчитывая только на влияние, которым они пользовались у польской реакционной интеллигенции и у определенных контингентов студенчества и хулиганов. Они ничего не добьются, если им не удастся обмануть и использовать в своих интересах рабочий класс и другие массы. Именно поэтому ультрареакционные силы особенно после 1968 года стали выдавать себя за «сторонников рабочих». Сама польская действительность вызывала законное недовольство масс, и на этой благоприятной почве, когда рабочий класс не мог выдвинуть из своей среды своего законного защитника и авангарда, ультраправые силы ловко стали выдавать себя за «защитников прав и интересов рабочих». И в самом деле эти силы, прикидываясь «несвязанными» непосредственно с чиновниками-эксплуататорами и даже выдавая себя за эксплуа-

* Энвер Ходжа, «Против современного ревизионизма», 1968-1970, стр. 61, алб. изд.

** Там же, стр. 154.

тируемых и преследуемых «социализмом» у власти, смогли распространить свое влияние на значительный контингент рабочего класса и определенные слои других трудящихся масс, как и на польскую интеллигенцию и молодежь. Во всей этой игре они, как и раньше, продолжали держаться и публично в тени и в своих интересах, в сотрудничестве с ревизионистскими лидерами, сознательно углубляли процесс обмана трудящихся масс.

Вспышка законного недовольства рабочих северных районов к концу 1970 года застигла врасплох и силы ультраправой реакции, причем именно этим и объясняется тот факт, что демонстрации и забастовки декабря 1970 года и января 1971 года «не прошли под реакционными лозунгами. Это значит, — как писал тогда товарищ Энвер Ходжа, — что польская реакция была застигнута врасплох, ей не удалось вмешаться и помутить воду»*. Но, хотя и оказались «вне игры», эти силы немедленно включились в дело, прекратили сотрудничество с гомулковскими ревизионистами, открыто выступили против них, стали выдавать себя за «сторонников рабочих» и маневрировать законными требованиями рабочих, с тем чтобы прибрать к своим рукам руководство движением. Союзник ревизионистских контрреволюционеров наточил зубы: он рвался к власти. Определение, данное товарищем Энвером Ходжа организаторам волнений 1968 года, а именно, что «польские контрреволюционеры ... выступили против гомулковских ревизионистских контрреволюционеров»** применимо и к ультраправым силам,

* Энвер Ходжа. «Политический дневник о международных вопросах», 1970 г., ЦПА.

** Энвер Ходжа. «Против современного ревизионизма», 1968-1970, стр. 61, алб. изд.

попытавшимся прибрать к своим рукам руководство движением 1970 года.

Польские пролетарии, особенно северных районов, составляли основу этого движения. Факторы, побудившие их выступить против существующего положения, были в основном объективными. Однако польский пролетариат включился в движение неорганизованным, а главное, без своего руководящего штаба, марксистско-ленинской партии. «... Пролетариат, — говорит Энгельс, — становится силой с того момента, когда он образует самостоятельную рабочую партию»*.

Хуже того, это факт, что из-за неорганизованности пролетариата в национальном масштабе, как и вследствие лихорадочных усилий и фашистских действий клики Гомулки, пытавшейся изолировать и как можно быстрее подавить бунт, рабочее движение не распространилось на другие края страны. Именно по этим причинам высокий акт польских пролетариев, открыто вставших против ревизионистов у власти, был обречен на провал.

Как мы уже сказали, законное движение рабочих попытались использовать также польская ультракапиталистическая прозападная реакция, польская католическая церковь и Ватикан. Две были главные цели этих сил:

Во-первых, мощное движение балтийских рабочих представляло большую опасность не только для польских ревизионистов с кликой Гомулки-Циранкевича во главе, но и для самой ультраправой реакции, для католической церкви и западной реакции. В случае дальнейшего развития, расширения и углубления это движение могло ликвидировать не только прохрущевских контрреволюционеров, но и все другие группы и группировки поль-

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, второе русское издание, т. 16, стр. 69.

ских контрреволюционеров. Вот почему силы ультраправой реакции, выступив в качестве оппозиции и противников гомулковского режима, выдавали себя за «прорабочие силы», пытаясь объединиться с демонстрантами с тем, чтобы взять их под свой контроль, прибрать их к своим рукам, значит, преградить путь не только революции, но и любому движению, которое могло происходить вне контроля реакции.

Во-вторых, ультраправые силы попытались прибрать к своим рукам руководство рабочим движением с тем, чтобы, используя его авторитет, лучше сманеврировать старой борьбой за то, чтобы вырвать власть у просоветской ревизионистской реакции и связать Польшу с американским империализмом. «Все, что в эти дни произошло в балтийских городах, — писал тогда товарищ Энвер Ходжа, — свидетельствует о загнивании ревизионистского режима Гомулки и об оживлении польской реакции, которая, воспользовавшись всеобщим разложением Польши, пойдет еще дальше»*.

В этом аспекте конфронтация ультраправых сил с ревизионистскими силами явилась открытым проявлением контрреволюции в контрреволюции. Однако и эта контрреволюционная вспышка была обречена на провал, и в самом деле провалилась.

Наряду с внутренними факторами (ультракапиталистические силы еще не достигли фазы достаточного развития, зрелости и организованности; они были застигнуты врасплох рабочим движением; они пользовались влиянием только у небольших контингентов пролетариата и масс; насчет «социализма» в Польше все еще питали иллю-

* Энвер Ходжа. «Политический дневник о международных вопросах», 1970 г., ЦПА.

зии и т.д.) в подавлении движения 1970-1971 годов большую роль сыграл внешний фактор и в первую очередь русский диктат.

Если в первой фазе, при переходе ПОРП на сторону советского ревизионизма (1953-1956 гг.) этот внешний фактор служил только побудителем, играл только вдохновляющую, но не определяющую роль, то теперь дела продвинулись далеко вперед. С 1956 года Польша, как и другие страны «социалистического содружества», как через непосредственные связи, так и через СЭВ и Варшавский договор полностью оказалась под советским гнетом в политическом, экономическом и военном отношении. Антисоветчик Гомулка в этот период стал послушным орудием, готовым одобрить и осуществить диктат Москвы.

Следовательно, больше не Гомулка и компания распоряжались в Польше. Приказы поступали из Москвы. Это стало очевидным в ходе этих событий.

Польские события глубоко потрясли советский патронат: ведь дальнейшее развертывание, распространение и организация движений польских рабочих означало бы вспышку и совершение революции, которой больше всего на свете боялись кремлевские лидеры, все современные ревизионисты, как и международная реакция. Поэтому они, приведя в состояние боеготовности свои войска в Польше и вокруг нее, отдали приказ Гомулке обрушить черносотенцев на рабочих. Но московские лидеры, которые не могли мириться с победой польского пролетариата, не могли также мириться и с победой ультракапиталистических сил, чьи усилия манипулировать и руководить рабочим движением были очевидными. Победа этих последних означала бы выход Польши из русской орбиты, включение ее во владения Запада. А это было бы для советских социал-империалистов сопряжено с катастрофическими последствиями, поэтому они больше

чем когда-либо раньше стали прибегать к давлению и диктату. В ситуации, когда никакие умиротворяющие меры и никакая демагогия не давали результатов, Гомулка получил приказ отдать распоряжение армии и полиции быть в готовности, ибо настал «критический момент». Волнения были подавлены лишь после приведения в действие стрелкового оружия и танков, вследствие чего остались убитыми по крайней мере 45 человек (поговаривают, что было убито свыше 150 человек), преимущественно рабочих, и сотни других были ранены.

Гомулковская трагедия, впервые поставленная на сцену в октябре 1956 года «мирным» демонстрационным танков и войск, в 1970 году завершилась 45 убитыми. Причем это не была обычная театральная пьеса: павшим больше невозможно было встать.

Но, так как нужно было чтобы «социализм» в Польше и впредь называли «социализмом», все-му случившемуся нужно было найти приемлемый конец. Трагедия получает теперь оттенки трагикомедии.

В. Гомулка, лидер польского современного ревизионизма, враг и разрушитель социализма в Польше, был назван не больше и не меньше как последователем линии «жесточкого социализма», «догматиком» и даже «сталинцем»! Подобный социализм, якобы осуществляемый Гомулкой, видите ли, повлек за собой такие последствия!

20 декабря 1970 года он и горстка его сообщников, в том числе хваленые Спыхальский и Клишко, были сняты с занимаемых постов. Придя к власти в 1956 году, они цинически заявили, что социализм в Польше «безвозвратно канул в прошлое». А теперь за ними была очередь быть брошенными на свалку. Туда бросила их проводимая ими линия, ибо, как говорил Ленин, «... история

— мамаша суровая и в деле возмездия ничем не стесняется»*.

Сразу после этого было сказано, что существующую линию нужно было заменить новой линией, «новым», «творческим», «демократическим социализмом», который принесет «спокойствие, единство и изобилие».

Итак, в 1970 году повторялся почти точь-в-точь VIII октябрьский (1956 года) пленум! Одни и те же обвинения «в связи с прошлым»; одна и та же платформа на будущее, одни и те же слова и маски, рассчитанные на дальнейший обман людей. Это значит, что в силе оставался «гоммуковский социализм», но без Гоммулки. К власти пришел Эдвард Герек. Под его руководством «гоммуковский социализм» должен был пустить в ход последнюю карту осквернения и разложения всей жизни страны, базиса и надстройки польского общества.

Конец Э. Герек

Герек и его группа должны были немедленно создать видимость такого общества, которое сумело бы, *во-первых*, сохранить структуры гоммуковского периода, связи с Советским Союзом, а также позиции и привилегии ревизионистских сил у власти; *во-вторых*, удовлетворить требования прозападных реакционных сил, и, *в-третьих*, удовле-

* Цитировано по М. Горькому, «В. И. Ленин». Взято из книги «Воспоминания о Ленине», Тирана, 1977, стр. 194.

творить требования пролетариата и разгневанных масс. Короче говоря, примирить непримиримых и установить их единство — вот по каким тропам вынужден был лавировать Э. Герек.

Но поступать иначе, он был не в силах, это не от него зависело. Он и сам был включен в хоровод, и, став во главе, ему следовало плясать в такт музыке.

Чтобы умирить и успокоить ультракапиталистические силы, новая правящая группа начала щедро уступать.

«Свобода вероисповедания» — это один из лозунгов, которым реакция помutilа умы рабочих, поднявшихся в 1970-1971 годах, как будто эта «свобода», которой якобы не было в прошлом, положит конец страданиям и социальным несправедливостям! ПОРП и польское капиталистическое государство, которые всю жизнь больше чем кто-либо другой были прокатоликами, не могли не довести дело до конца и в этой области: с приходом Герека к власти католическая церковь завоевала право короновать или нет вступление на трон той или другой ревизионистской группы. Позиции церкви стали доминирующими.

Согласие церкви означало «согласие нации». В направлении укрепления церкви работали Ватикан, буржуазия и реакция, но больше всех работали сами современные ревизионисты. Так, если в 1937 году в Польше было 20 епархий с 47 епископами, то в 1970 году там было 25 епархий с 68 епископами; если в 1937 году было 9530 ксендзов, то в 1970 году их число достигло 13 765, а число ксендзов при монастырях возросло примерно в 5 раз; если в 1937 году было 5 120 церквей, то в 1970 году их число достигло 11 709, а число монастырей увеличилось с 99 до 361. За этот же период имущество церкви увеличилось более чем в два раза, и при содействии самого «социалисти-

ческого» государства были реконструированы 516 церквей и построены еще 402 другие. Особую заботу проявляло польское государство о подготовке новых служителей культа. В 1970 году в Польше действовало 47 духовных семинарий с 3805 семинаристами и два высших католических учебных заведения (Люблинский католический университет с четырьмя отделениями, насчитывавший 1500 студентов, и Варшавская католическая теологическая Академия с тремя отделениями, насчитывавшая около 500 студентов). Кроме того, в 1970 году в Польше функционировали 18 000 центров католицизма (очаги специального духовного воспитания населения) и 5 287 приходов с 27 897 монахинями.

С помощью 52 разных религиозных газет и журналов, выходивших тиражом в 550 000 экземпляров, с помощью книг, специальных религиозных исследований и т.д., польская католическая церковь оказывала свое влияние на всю Польшу.

Но, как будто этого было мало, группа Герека устранила недостатки: к 1976 году число церквей достигло 16 000, а число ксендзов, монахов и монахинь возросло больше, чем в какой-либо другой стране. Только в 1976 году, например, в Польше число священников увеличилось на несколько сот, в то время как в таких католических странах, как Испания, Италия и другие оно сократилось. Кроме того, при Гереке стало возможным ежегодно выпускать в среднем 300 религиозных книг и брошюр тиражом 2,6 миллиона экземпляров, увеличился тираж центрального органа польской церкви («Слово Посвящение») с 60 000 экземпляров до 100 000 экземпляров ежедневно (160 000 экземпляров по воскресеньям); целое издательство было поставлено в распоряжение церкви; отдельные передачи по официальному радио и телевидению велись в пользу церкви и религиозного воспитания. Затем для

духовенства открылся путь в высшие органы страны: 12 католиков-священнослужителей были избраны депутатами в польский Сейм созыва, завершившегося в феврале 1980 года, тогда как ныне церковь представляется в Сейме 15 депутатами. И, наконец, чтобы польский «христианский коммунизм» приобрел свой настоящий вид, пост одного из заместителей премьер-министра был предоставлен католическому священнику⁶⁵. И тем не менее они называют Польшу «социалистической» страной, причем страной, «находящейся на стадии развитого социализма»!!

Вышеприведенные факты (таких фактов можно было привести очень много) достаточны, чтобы показать, какое важное место и роль отводят современные ревизионисты церкви в социально-экономической жизни Польши.

«Свобода критики», «Свобода слова», «Интеллектуальные свободы», — это другое требование, под которым повсеместно прошли движения 1970-1971 годов. Ультракапиталистические силы, которые всегда, но особенно с 1966 года, пользовались полной «свободой» высказываться от имени любой школы и идейного и политического течения, теперь получили от ПОРП и ревизионистского государства новые льготы. В киосках свободно продавались все самые грязные печатные органы западной реакции — идеалистические и религиозные, порнографические, политические газеты, книги и журналы, пропагандирующие секс и насилие, которые государство покупало на валюту, а продавало за злотые. Позднее, чтобы стать «демократичнее» «демократа» Гомулки, группа Герека в хельсинкском духе разрешила также создание обществ и организаций польских диссидентов. Значительная часть интеллигенции, давно подкупленная и разложившаяся, отъявленные антисоциалисты и антикоммунисты, представители самых реакционных школ и

течений в философии, науке, искусстве, литературе, культуре, воры, торговцы наркотиками и др. стали создавать одну за другой так называемые Конфедерацию за независимую Польшу, Движение за создание свободных профсоюзов, Движение в защиту прав человека и гражданина, Движение звезд (организация, выступающая за безоговорочное освобождение политзаключенных) и т.д. и т.п.

Эти общества и группы диссидентов, чьи ряды постоянно пополнялись (иначе и не могло быть с диссидентской и антикоммунистической партией и государством!), имели и имеют «подпольные» типографии, выпускали и выпускают газеты, листовки, брошюры, обращения и т.д. Через сеть специализированной службы эти материалы с самым скверным содержанием свободно распространялись по всей Польше. Диссидентские силы создали даже Университет, якобы «нелегальный», так называемый Крылатый университет (его лекции переходили от одного края Польши в другой), чтобы давать массам те «знания», которых официальным университетам и школам в Польше «нельзя было» давать. Все это делалось в рамках всеобщей кампании одурманивания людей и то открыто, то скрытно одобрялось властями. В случаях, когда «перебарщивали» (особенно когда задевали «верных союзников» — советских), авторов и издателей этого вздора вызывали в милицию, продерживали их там несколько часов или налагали на них смехотворный штраф, как будто они нечаянно нарушили правила уличного движения. И если их продерживали там более суток, то начинало протестовать «Движение звезд», после чего «звезды», свободно мерцали в темном небе Польши! И, несмотря на такое политическое кощунство, они осмеливались называть Польшу «социалистической» страной!

В движении 1980-1981 годов именно эти подонки составляли главную силу, направлявшую

и вдохновлявшую действия обманутых масс, именно эти общества и организации составляли фундамент той *политической партии*, которая, хотя и не была провозглашена как таковая, выполняла роль и функции истинно реакционной партии. «Конфедерация за независимую Польшу», например, еще в феврале 1980 года приняла все меры к тому, чтобы выступать как самостоятельная организация в период выборов в Сейм и советы воевод. В этой кампании она выдвинула свою программу, своих кандидатов.

«Более тесные связи с Западом» — кричали в движении 1970-1971 годов ультракапиталистические силы, а ПОРП, которая 10-12 лет подряд больше всех была склонна к Западу, теперь пошла на всесторонние уступки. Впрочем как группа Герека, так и советские хозяева Польши видели в этих выкриках «поддержку со стороны общественного мнения» своего решения упрашивать помощь у западных фирм, банков и концернов. Польшу наводнили миллионы и миллиарды долларов, а вместе с ними, вернее, в качестве предварительного условия, еще более стремительно проникли западный образ жизни, западная декадентская идеология, культура и искусство.

Так, переходя от уступки к уступке, Э. Герек десять лет подряд старался найти пути к «прекрасному», «приемлемому» для всех обществу. Но такие «свободы» и «права», как, например, религиозные, идеологические, политические и т.д. и т.п. удовлетворяли главным образом прозападные силы и всех других непрерывно вырождавшихся работников ревизионистской партии и ревизионистского государства. В то же время эти «свободы» в сущности являлись ничем иным, как оружием в руках ревизионистов и реакции, стремившихся дальше одурманить массы, еще больше отвлечь их от политической арены, обезвредить их.

В этом аспекте, правда, этот крестовый поход дал эффект. Идеино-политический разброд и смятение охватили всю Польшу. Однако была область, где это наводнение «свобод» и «прав» для всех и вся не могло дать никакого позитивного результата. Это была экономическая область.

Сразу же после прихода к власти группа Герека, осознав царивший в Польше экономический хаос, провозгласила так называемую экономическую стратегию 1970-х годов. По ее заявлениям, в основе этой стратегии должна была лежать современная и быстротемпная индустриализация страны. Этого предусмотрено было достигнуть путем внедрения западной технологии, введения западного образа организации и управления и т.д. В Польше не хватало фондов на такое предприятие, но тогда Э. Герек был в «расцвете», а планы буржуазных политиканов в такие фазы не знают границ. Финансовые средства для «крупной промышленной модернизации» Герек решил обеспечить с помощью займов, долгов и кредитов с Запада и Востока. По мнению его и иже с ним, это, конечно, в какой-то мере обременит экономику, они затянут ремень, но через несколько лет ... удержу не будет на Польшу! Крупная современная индустрия погасит долги, обеспечит большое потребление и накопление, изобилие и т.д. и т.п.

«Стратегию» Герека с энтузиазмом встретили на Востоке и на Западе. Считая ненужным остановиться на всем известных причинах этого «энтузиазма» империалистическо-ревизионистской буржуазии, отметим один только голос, диаметрально противоположный другим голосам — голос АПТ.

«Как экономическая, так и политическая область маневрирования новых польских лидеров, — подчеркивала АПТ 19 февраля 1971 года, — весьма узкая. Положение экономики таково, что как и при Гомулке никакое чудо не может произойти ни за

несколько месяцев, ни за несколько лет. Помощь, которую они могут получить от Востока и Запада, не может улучшить ситуацию. Она может служить лишь в качестве временного средства для преодоления нынешнего кризиса. Но внешние долги и займы дальше усилят угнетение эксплуатацию трудящихся»*.

Последующие месяцы и годы подтвердили и это предсказание нашей партии.

Начиная с 1971 года, импорт Польши из западных стран увеличивался среднегодовыми темпами около 40 процентов (в 1972 г. — 45 процентов), а импорт из Востока увеличивался среднегодовыми темпами около 11 процентов⁶⁶. Весь импорт первых годов этого периода составляли преимущественно западная технология и оборудование, и финансировался долгами, тоже полученными у империалистического Запада⁶⁷. В этот период особенно быстрое развитие получили связи с крупными концернами и фирмами Западной Германии, Франции, Англии и т.д. Не отставали в этом отношении и США. В период 1972-1973 годов объем польско-американской торговли утроился, причем, чтобы дать новый импульс этим связям в Варшаве, помимо отделений и филиалов западных банков, открылся специальный центр по развитию торговли с США⁶⁸.

Между тем в стране началось создание компаний совместно с западными фирмами и концернами. Их число постоянно росло. Расчистились все пути для проникновения в польскую экономику транснациональных корпораций. В 1979 году в Польше действовало свыше 30 таких корпораций, в том числе 10 американских⁶⁹.

К середине 70-х годов процесс всесторонних связей польской экономики с Западом протекал

* «Зери и популлыт», 19 февраля 1971 г.

бурно, благодаря чему, как говорили тогда, Польша числилась среди 15 наиболее индустриализованных стран.

Однако в 1976 году «неудержимый» галоп вдруг привел ездоков на край первой пропасти. Если первая часть «стратегии» Герека — *необходимость в получении как можно больших долгов*, перешла границы предусмотренного, то вторая часть его «стратегии» — *платежеспособность и окупаемость*, не давала никаких признаков жизни. «Крупная промышленность», проглотившая миллиардные долги, не приносила прибылей. Разумеется, промышленный Запад при «создании этой промышленности» заботился о том, чтобы он сам совершенно не нуждался в ее продукции. Пусть польская продукция идет на Восток, там нельзя обеспечить доллары, столь необходимые для первоклассного должника. Герек испытал первую сильную атаку своей линии. Оказавшись на краю пропасти, он решил умерить свои шаги. В частности, он, чтобы преодолеть быстро растущую инфляцию, стал проводить вновь политику повышения цен. В рамках этой политики в июне 1976 года группа Герека вынуждена была повысить цены на все сельскохозяйственные и животноводческие продукты. Разочарованные массы, не получив давно обещанного изобилия, разгневались. Тут же вспыхнули забастовки рабочих Варшавы, Урсуса и Радома. И они были кровопролитными, хотя не совсем как забастовки 1970 года. Чтобы утихомирить положение, польское ревизионистское руководство в тот же день «исправило» себя. Решение о повышении цен было отменено, однако остались нетронутыми причины, приведшие к такому решению. Гереку нужно было изменить «метод», найти новые пути маневрирования.

После 1976 года темпы индустриализации пошли на убыль. Но, вопреки воле Герека, хотя

темпы индустриализации и пошли на убыль, темпы увеличения долгов не только не сокращались, но, напротив, росли. Если в 1976 году общее количество долгов составляло 10 миллиардов долларов (с 1971 года их среднегодовой прирост составлял 1,5 миллиарда), то в 1978 году оно достигло уже 15 миллиардов долларов (среднегодовой прирост — 2,5 миллиарда долларов).

И это было неизбежно потому, что: а) «крупная промышленность» была создана с помощью долгов, и теперь приходилось гасить не только проценты, но и сами долги; б) эта промышленность опиралась главным образом на иностранное сырье, а сырье это каждый год нужно было покупать на доллары, причем в условиях галопирующего роста цен; в) нужно было завершить недоконченные проекты, а это также требовало других миллионов долларов.

Но если в 1971 или 1972 годах авантюристический шаг развития Польши с помощью долгов в большой мере зависел от воли Герека с компанией, то в 1977 и 1978 годах польские руководители были уже не в силах положить конец своему антимарксистскому предприятию и тем более избежать обязательств перед иностранными кредиторами. Это была очередь диалектики издеваться над теми, кто отказался от нее. Наступил всеобщий спад экономики. Из официальных данных СЭВ явствует, что темпы роста производства в Польше пали с 9,3 процента в 1976 году до 2,8 процента в 1979 году.

Особенно сельскохозяйственный сектор, самый слабый, самый дефицитный и бесперспективный в польской экономике, в этот период с большой силой начал «мстить» тем, кто своей антимарксистской политикой ждал процветания от «развертывания частной инициативы». Герек, как и Гомулка, сделал все возможное, чтобы консолиди-

ровать и упрочить частный сектор польского сельского хозяйства. К числу главных мер в этом направлении относится и продажа земли из государственного земельного фонда единоличным хозяйствам. Из официальных данных явствует, что в 70-ых годах этот процесс был на подъеме. Так, если в 1973 году единоличным хозяйствам было продано 90 тысяч га земли из государственного земельного фонда, в 1974 году — 82 тысячи га, а в 1978 году — 91 тысяча га, то в 1979 году им было продано уже 150 тысяч га земли⁷⁰. Ни резкое увеличение кредитов частным хозяйствам, ни неоднократные эксперименты по внедрению всякого рода западных методов в польское сельское хозяйство не принесли Гереку желанных результатов. Как никогда раньше распространилось явление миграции рабочей силы из деревни в город (в один только период 1971-1975 гг. деревню покинули свыше 938 тысяч человек, которые продолжали сохранять и свою мелкую собственность там); постоянно росли площади залежных земель; мелкие собственники в деревне, не обращая внимания на то, чего от них требовало правительство, выращивали преимущественно те культуры, которые приносили им больше прибылей (главным образом, овощи, цветы и фруктовые деревья). Считая ненужным указать на все пагубные для польского сельского хозяйства последствия антимарксистской политики ПОРП, отметим лишь то, что оно все более и более шло по наклонной плоскости.

Сектор, состоявший из 3 500 000 частных крестьянских хозяйств, 4 500 государственных хозяйств и около 1600 сельскохозяйственных кооперативов⁷¹, не мог удовлетворить нужды страны, наоборот, с каждым годом увеличивал свои дефициты. Хотя Польша с 1956 года была вынуждена ежегодно импортировать сотни тысяч тонн зерна, в 70-ые годы количество закупок получило невиданные раз-

меры. В период 1975-1977 годов Польша импортировала около 15 миллионов тонн зерна, а в 1976-1979 годах она купила свыше 31 миллиона тонн⁷², израсходовав на это почти все валютные доходы от экспорта угля (Польша относится к крупнейшим экспортерам угля в мире).

Это происходило в то время, когда группа Герека, провалившись со своей «промышленной стратегией», повернулась лицом к «сельскохозяйственной стратегии». Э. Герек, так же как и В. Гомулка 8-9 лет назад, решил увеличить экспорт сельскохозяйственной и животноводческой продукции на Запад, считая это единственным путем для обеспечения спасительных долларов. В последующий двух-трехлетний период Польша включилась в смехотворную игру: она экспортировала свои сельскохозяйственные и животноводческие продукты на Запад и с Запада же импортировала сельскохозяйственные и животноводческие продукты! Это был водоворот, куда Герека и компанию вовлек антимарксистский путь, который они выбрали и по которому они охотно шли.

1979 год был для экономической жизни Польши годом настоящего застоя. Впервые с 1945 года валовой национальный продукт в 1979 году сократился на 3 процента по сравнению с предыдущим годом, инфляция достигла свыше 10 процентов, капиталовложения уменьшились на 7 процентов и было собрано на 16,9 процента меньше зерновых. Задолженность Западу достигла 18-19 миллиардов долларов, и только в виде процентов с них в 1979 году поляки заплатили 3,1 миллиарда долларов⁷³. В 1979 году импорт зерна достиг 8 миллионов тонн, а в 1980 году Польша должна была импортировать до 10-12 миллионов тонн.

На рынке царила религия, там было много диссидентов и всякого рода идей, политических и идеологических течений, много школ декадентско-

го искусства и литературы и т.д., которые 7-8 лет подряд дурманили и заблуждали массы, с тем чтобы дать ревизионистам у власти «спокойно» осуществлять свою «стратегию». Но теперь, когда на рынке ощущалась столь большая нехватка сельскохозяйственных и животноводческих продуктов, что мясо и яйца можно было найти только на черном рынке, когда цены росли галопирующими темпами, а безработица увеличивалась быстрее долгов, когда классовая дифференциация и социальные несправедливости углублялись как никогда раньше, — теперь «свободы» и «права» больше ничем не помогали правящей группе улучшать позиции.

Герекская «стратегия» построения «социализма изобилия» не только не улучшила положение масс, но, напротив, еще дальше ухудшила его. Всеобщее недовольство и разочарование опять приближались к волнению. Настал момент реванша для ультрареакционных сил. Многолетний крестовый поход по идейному и моральному разложению масс теперь должен был обернуться в их пользу. И, как и во всех прежних случаях, ультракапиталистические силы, игнорируя соглашение с ревизионистскими силами, стали «на стороне» недовольных масс, причем стали самыми пламенными рупорами кипящего недовольства. Это они больше, чем кто-либо другой, используя горькие последствия восстановленного капитализма, подняли свой голос «в защиту» прав рабочих и масс, конечно, заявляя, что зло было порождением «социализма», якобы существовавшего в Польше! Руководство законным и неизбежным движением масс против ревизионистского контрреволюционного режима быстро брала в свои руки другая контрреволюционная сила.

В 1980 году группа Герекы вкушала новые шатания, ставившие под угрозу его трон. Против

нее стояли не только антисоциалистические силы, но и пролетариат и другие народные массы.

Последним попыткам Герек спасти не помогли ни его трогательная «самокритика» на VIII съезде ПОРП, проходившем в феврале 1980 года, ни так называемая маленькая дворцовая революция¹, ни обещания коренного «поворота» и коренных изменений.

Наступало знойное лето 1980 года. Именно в такие моменты, оказавшись в беде, Герек и компания вздумали направить поздравительную телеграмму «выдающемуся революционеру» В. Гомулке по случаю 75-й годовщины со дня его рождения. В то же время в знак уважения к нему они решили позаимствовать у своего предшественника его последний акт: решение повысить цены на сельскохозяйственные и животноводческие продукты, на топливо и т.д.

Цель была та же, что и у Гомулки 10 лет назад: хоть как-нибудь справиться с высокой инфляцией и, сократив внутреннее потребление, увеличить таким образом объем экспорта! Недовольство, хронические забастовки следовали одна за другой, страна была тревогу. Тем не менее и в условиях тяжелой ситуации все растущего недовольства, и оказавшись в беде, ревизионистские политики были вынуждены не отказываться от своих действий. В то время, когда вся Польша протестовала по поводу острой нехватки продук-

¹ Э. Герек, в целях оправдания антимарксистской политики, проводимой в 70-ые годы, на VIII съезде ПОРП вывел из состава Политбюро бывшего премьер-министра Петра Ярошевича и еще трех других членов Политбюро. Они были сняты также с высоких государственных и партийных постов и заменены другими, считавшимися «замечательными технократами». Эти перестановки были названы иностранной прессой «небольшой дворцовой революцией».

тов, особенно сельскохозяйственных и животноводческих, докеры северных портов обнаружили, что содержимое металлических бочек под этикетками «Химикаты», предназначенное для Советского Союза, составляли вовсе не химикаты, а мясо и другие продукты питания! Этими действиями ревизионистские правители переполнили чашу. Вспыхнуло бурное движение 1980 года.

Э. Гереку и его группе оставалось лишь сдать три конверта¹.

Конец ПОРП

Отстранение Герека и его группы на этот раз не могло служить утешительной уловкой. Прозападные ультрареакционные силы теперь уже чувствовали свою силу и организованность. Более того, они привлекли на свою сторону подавляющее большинство масс, стали у руководства забастовочным движением, а раз массы в ситуации, постоянно порождающей недовольство и волнения, были на стороне ультракапиталистических сил, значит контрреволюция в контрреволюции могла увереннее идти вперед.

¹ В Варшаве ходил такой анекдот: каждому новому руководителю ПОРП в начале его карьеры вручали три конверта. Первый содержал наказ: «взваливай на предшественника всю ответственность за искривления»; второй: «обещай реформы», а третий конверт, который следовало открыть в самый трудный момент, содержал наказ, «вручай эти три конверта твоему преемнику».

Приближался конец самой ПОРП.

Еще летом 1980 года она почувствовала, что провалилась в пропасть. Против нее встали и продолжали вставать миллионы людей, которые открыто выражали свое презрение и ненависть к «правящей партии». Факт, что партия лишилась доверия масс, вынуждены были один за другим признавать Герек и его преемники. ПОРП хотя бы по этой причине ничего другого не оставалось, кроме как предпринять единственно «честный» акт за последних 25-30 лет своей жизни: признать себя провалившейся и распуститься.

Но и этого она не могла сделать. Совершенная ею измена была столь вопиющей, что она не могла искупить ее горьким, но быстрым концом. ПОРП за свои действия вынуждена была отдавать душу капля за каплей, вынуждена была «удерживаться на ногах» и тогда, когда у нее не было сил и ей не к лицу было больше действовать и руководить.

Часть ее членов (свыше 400 000 человек, то есть свыше 10 процентов всего ее состава) продемонстрировала свое недоверие и ненависть к ПОРП и ее руководству, добровольно сдав партбилеты, порвав, таким образом, с этой предательской и угнетательской силой⁷⁴.

Остальная часть пошла «за партией».

Рожденная и воспитанная в обстановке оппортунистических уступок всякого рода и размера, разложившаяся до мельчайших пор, покинутая массами, окончательно дискредитированная и разоблаченная, добрая часть ПОРП не могла бросить путь предательства — она открыто перешла в объятия ультракапиталистической реакции.

Это ежедневно и ежечасно подтверждалось событиями 1980-1982 годов. Плечом к плечу с контрреволюционными силами, руководившими и вдохновлявшими движение 1980-1981 годов, как и с

организмами, созданными к этому времени, «действовали» свыше одного миллиона польских «коммунистов»! Они возглавляли движение контрреволюционного духа и стремлений, идя рука об руку со своими идеологическими и политическими единомышленниками, с яркими врагами коммунизма и социализма, какими были мишники, куроны, булки и валенсы, рука об руку с католическим духовенством, с хулиганами и озорниками, с агентами мирового империализма.

Итак, они распались и открыто перешли на сторону контрреволюции в контрреволюции, тогда как *остальная часть партии осталась* или, вернее, *вынуждена была остаться в рамках прежних структур партии*, удерживая на ногах то, что продолжает называться ПОРП. Положение этой партии, которая как политическая сила, по крайней мере де-юре, должна была управлять страной, похоже было на настоящую драматичную агонию. Она стояла у власти, но каждый день видела, что власть ускользнула у нее из рук и она не в состоянии была своими силами, прежними средствами застопорить этот процесс.

Оказавшись под очень сильным давлением, — с одной стороны, *под давлением снизу*, особенно под давлением «Солидарности», требовавшей от ПОРП не просто идти кое на какие уступки, а спасовать, а с другой стороны, под давлением *извне* — со стороны советского социал-империализма и Варшавского Договора, которые требовали обратного — не идти ни на какие уступки, — ПОРП очутилась в опасном и безвыходном водовороте. Это грозное и жестокое давление, исходившее из обеих сторон, как никогда обострило вечно противоречивое положение польской партии, для которой характерны внутренняя борьба и фракционная деятельность. Она подтачивалась и быстро распадалась. В 1980-1981 годах внутри пар-

тии создавалось много групп и фракций разных красок и течений, как, например, «Форум познаньских коммунистов», «Движение щецинских коммунистов», «Форум Катовицы», «Клуб Варшава-80», «Партийный клуб «Урсус-81»», «Инициативная группа любельских коммунистов» и т.д. и т.п. Только члены ПОРП города Варшавы, например, сгруппировались в 4-5 таких «клубов» и «форумов». Каждый из этих «клубов», «форумов», «движений» выдвигал свою платформу и требования, противоположные платформам и требованиям других фракций и даже в борьбе с ними. Некоторые из них, так называемые либералы, выступали за продолжение пути уступок и компромисса с оппозиционной организацией «Солидарность», другие, так называемые жесткие, выступали за то, чтобы прекратить уступки, расправиться с «Солидарностью» и дальше упрочить узы зависимости от советского социал-империализма; третье течение, куда входили так называемые умеренные, переходили с одной стороны на другую, они выступали то за уступки, то за «жесткие меры», то есть, они угождали обеим силам контрреволюции. Словом, ПОРП, давно разложившаяся с точки зрения идейно-политической линии, теперь распалась и с точки зрения организационной. Единственное, что их объединяло, это только общий «кров» — все частицы объединяло то, что называлось ПОРП, и все они, то есть каждый «клуб» или «форум» требовал реорганизации партии в соответствии с его платформой.

Но эту, почти парадоксальную ситуацию рассматривали не как раскол. «Не хорошо, — заявил преемник Герека, С. Кания, придя к власти¹, —

¹ Станислав Кания был снят с поста первого секретаря ЦК ПОРП, уступив место В. Ярузельскому, II пленумом ЦК ПОРП в сентябре 1981 г.

по-разному относиться к членам партии, которые присоединились к забастовщикам, и к тем, которые стояли в стороне. Какие из этих членов лучше и какие хуже?»⁷⁵. Ответ содержался в самом вопросе. Все они были одинаковы. Крыло партии, присоединившееся к последнему контрреволюционному движению, например, продолжало пользоваться теми же привилегиями и правами, что и раньше, если не большими, чем крыло, официально стоявшее «внутри» партии. Представители этого крыла, хотя и выступали против существующего в Польше положения, занимали посты в высших партийных и государственных органах, а многие из них были избраны IX съездом ПОРП в ЦК и даже были включены в состав Политбюро ЦК ПОРП!

Таков был неизбежный конец предательского пути ПОРП. Уведя Польшу на путь капитализма, она и сама не могла не погрузиться в это же болото.

В этих условиях «последовательные» члены так называемой ПОРП были вынуждены стоять на ужасном распутье: ведь открыто перейти на сторону прозападных сил означало для них первыми подвергнуться беспощадному насилию русского вторжения; слепо подчиниться интересам и диктату захватчика означало для них оказаться под беспощадной угрозой взявших реванш ультракапиталистических сил. Ни туда ни сюда — таков был тупик, в котором ПОРП оказалась не по воле рока, а вследствие своего предательства. И теперь она была вынуждена поступать по указке своего патрона, в соответствии с требованиями момента, ей пришлось дорого поплатиться за измену марксизму-ленинизму. А марксистская диалектика жестока к тем, кто отклоняется от нее и пренебрегает ею.

Хорошо сознавая безвыходное положение «ру-

ководящей партии», ее раскол и распад, ультракапиталистические силы усилили свой натиск и требования. Особенно в октябре и ноябре 1981 года в Польше все сильнее раздавались голоса за снятие со сцены Польши ПОРП и связанных с ней структур. Люди открыто говорили, что партия больше не пользуется никаким доверием у масс и что более чем однолетний период со времени появления «Солидарности» доказал, что она уже не была в состоянии вновь завоевать хотя бы минимальное доверие и авторитет. Эту истину признавали и сами польские партийные и государственные руководители. И тем не менее ПОРП была «вынуждена» не сдаваться.

Подобная ситуация, настолько нелепая, насколько и смехотворная, была вызвана: *во-первых, внутренним фактором.* С тем, что продолжало называться «польским социалистическим государством», с партией, властью, со всем базисом и надстройкой Польши того периода были тесно связаны жизненные интересы и положение порядочного числа ревизионистских официальных лиц и руководителей. Часть новой буржуазии, рожденная восстановленным капитализмом, в силу своего положения и обстоятельств, при которых она действовала, продолжала быть наиболее непосредственно связанной с линией, проводимой ПОРП, с теми условиями и структурами, которые она создала, с теми внешними союзами и договорами, в которых она участвовала, с теми лозунгами и словесами, к которым она прибегала. Во всех этих аспектах, которые стали уже объектом больших упреков, эта часть партии была самой скомпрометированной, что вынуждало ее с целью сохранить существующее положение быть более «консервативной», нежели другая часть официальных лиц, руководителей и другой категории польской буржуазии.

Для «консервативных» официальных лиц из-

менение структур, созданных ревизионистской контрреволюцией, означало бы потерять все. Вот почему эти официальные лица, эти руководители польской партии и польского государства были заинтересованы и делали все возможное для сохранения прежних форм и статуса Польши, следовательно, и для «существования» самой ПОРП. Но в условиях, когда внутренняя ситуация назрела для продвижения вперед ультраправых контрреволюционных сил, когда сама ПОРП была сильно расшатана как в центре, так и на местах, когда она в большей своей части была склонна немедленно перейти на сторону ультракапиталистических сил, роль внутренних сил, заинтересованных в сохранении структур ревизионистской контрреволюции, весьма ослабла, чтобы они могли добиться этого прежними средствами.

Снятие с политической сцены почти всей группы Герека в период с июля 1980 года по июль 1981 года, избрание в состав нового пленума ЦК ПОРП свыше 90 процентов прежних членов и кандидатов в члены ЦК, замена почти всех первых секретарей, председателей народных советов и райисполкомов, неоднократные перестановки в правительстве и т.д. и т.п., — все это не было просто демагогической уловкой. В основе постоянных перестановок лежала внутренняя борьба в партии и в ревизионистском государстве, но прежде всего они были результатом давления со стороны «Солидарности». Это окончательно подтвердилось на IX пленуме ЦК ПОРП, состоявшемся весной 1981 года. «Переход «Солидарности» в наступление, — было отмечено на пленуме, — показал, что партия растопилась словно масло». Тем не менее, даже «растопленная словно масло», ПОРП делала все возможное, чтобы по крайней мере не пропасть совсем, как масло на рынке!

Видно было, что силы, заинтересованные в ее

сохранении, де-юре имели власть в своих руках (армию, полицию, суды, тюрьмы и т.д.), но, насколько эта власть де-факто могла прийти им на помощь — вот это было неясно. Сами государственные органы и учреждения в погруженной в хаос и кризис Польше не могли составлять исключение из польского целого. Из числа многочисленных фактов, свидетельствующих об этом, упомянем лишь один: в сентябре 1981 года, когда работа съезда «Солидарности» в Гданьске ясно показала, что это был съезд политической, а не профсоюзной организации, во всей стране резко усилились напряженность и давление и до предела накалилась атмосфера. Чтобы сохранить свои позиции, но особенно находясь под давлением советского социал-империализма и «Варшавского Договора», правительство генерала Ярузельского (который еще не был первым секретарем ЦК) сделало «резкие» заявления в адрес «Солидарности». Открыто поговаривали, что страна находилась в преддверии чрезвычайного положения.

Именно в это время и вспыхнуло движение Варшавской милиции за создание «независимых милицейских профсоюзов»! Десятки тысяч милиционеров выступили со своими требованиями и обратились к съезду «Солидарности» за взаимной поддержкой и солидарностью! Представители движения милиционеров открыто заявили, что, завоевав статус «независимости», они будут иметь возможность не вмешиваться в ущерб «рабочим» в случае развязывания какого-либо конфликта между правительством и «Солидарностью».

Навряд ли другие средства и учреждения официальной власти были далеки от такой внутренней атмосферы.

Подобная ситуация, с одной стороны, приводила в ужас силы, преданные ревизионистской контрреволюции, а с другой — подбодряла про-

западные силы. Но именно при оценке этого положения ультраправые силы просчитались. Убежденные в том, что ПОРП была покинута массами, они рассчитывали, что она легко откажется от своих интересов и целей. Они забыли, что силы, связанные с ПОРП, в защиту своих интересов в последний момент не остановятся ни перед чем; они забыли, что в течение целых десятилетий, кроме положения и привилегий, эти силы создали также и средства, нужные для защиты этого положения и этих привилегий. Но главное, они забыли или не смогли понять, что силы ПОРП, правда, были вынуждены вести марафон уступок и компромиссов, но в конце концов они делали это в своих интересах. Насколько реакционные силы «Солидарности» были готовыми сделать все возможное для взятия власти, настолько силы ПОРП были готовыми не допустить, чтобы у них полностью и окончательно вырвали власть из рук.

Кроме этого внутреннего фактора надо отметить, во-вторых, *внешний фактор — русский диктат*. Как известно и как мы подчеркивали выше, за прошедшие 25-30 лет ПОРП крепко привязала себя и Польшу к советскому социал-империализму. Несмотря на то, что по ряду экономических, политических и т.д. причин сами советские социал-империалисты согласились на открытие Польши в отношении западного капитала, в то же время они действовали так, чтобы экономические связи или, вернее, экономическая зависимость Польши от Советского Союза сохранялась и даже дальше усиливалась. Кроме всего прочего, во внешнеторговом объеме Польши всегда соблюдался статус, согласно которому значительную часть его составляла торговля с Советским Союзом (около 1/3 валового объема). Более того, советский социал-империализм давно завладел ключевыми и жизненно важными отраслями и секторами польской

экономики. Так, например, нефть, природный газ, чугун и асбест Польша всегда импортировала из Советского Союза. Забастовки с участием многих миллионов людей, несомненно, потрясли экономическую жизнь Польши и причиняли ей серьезный ущерб, но если бы Москва завернула крапы нефтепроводов, то эта вассальная страна, даже в том случае, если бы там не бастовал ни один рабочий, оказалась бы в очень критическом положении. Однако Польша была давно завязана не только экономическими оковами, которые нужно было сохранить. Польша должна была оставаться под русской зависимостью вопреки тому, чего требовали «Солидарность», Запад и Ватикан, ибо в противном случае не только сорвалось бы звено в цепи советской вотчины, но создались бы условия и плохой пример, могущие поставить под угрозу все другие звенья этой цепи. Польша, чья армия по своей численности занимает второе место в Варшавском Договоре (после Советского Союза), была и оставалась жизненно важной для военной стратегии Москвы. Газопроводы, все пути сообщения — железные дороги, автомобильные дороги, воздушные коридоры, телефонная и телексная связь между Советским Союзом, с одной стороны, и Чехословакией и Восточной Германией — с другой, проходили через Польшу. Около 100 военных аэродромов, или половина воздушных баз, используемых «Варшавским Договором», находились в Польше. По этим и по другим аналогичным причинам социал-империализм как в 1970, так и в 1980 и 1981 годах считал цепи, сковывающие Польшу, как и всякую другую страну, входящую в его зону влияния, неприкосновенными. Эти цепи защищались, помимо всего прочего, оккупационными дивизиями внутри самой Польши, как и вдоль ее границ. Следовательно, было в интересах русских, чтобы Польша *не выходила из орбиты*, и, поскольку

внутренние и внешние конъюнктуры не были за нарушение статус-кво силой, то Польша, хотела она этого или нет, должна была оставаться «социалистической страной».

А между тем «социалистическая» страна, к тому же член «социалистического содружества», согласно установившимся правилам, обязательно должна иметь «коммунистическую» партию у власти, у руководства, независимо от того, имеет она массы на своей стороне или нет, независимо от того, в состоянии ли она руководить или нет. Поэтому ПОРП, хотя и не обладала никакой силой и не пользовалась никаким доверием у масс, хотя она и полностью разложилась, хотя и находилась на смертном одре, была вынуждена «удержаться» на ногах и далее называться «руководящей партией» «социалистической» страны. Впрочем раз существовало оккупационное положение, даже и если бы ПОРП полностью распустилась, ее место вскоре заняла бы другая «партия», которая стала бы у руководства. Этого требовал «порядок», то есть, требовали интересы хозяина.

Последующие события, особенно события, разыгравшиеся к концу осени 1981 года, полностью доказали не только, что рабочий класс и массы больше не считались с ПОРП, но и что сами связанные с ней контрреволюционные силы больше не верили в ее способности. Решение о военном перевороте 13 декабря 1981 года, например, было принято вне партии, без того, чтобы собрать Центральный Комитет или Политбюро ЦК партии или спросить их мнения. Силу взяла в свои руки армия, и в составе так называемого Военного совета национального спасения, за исключением председателя «Совета», генерала Ярузельского, не участвует ни один член высшего руководства ПОРП. О том, как дело дошло до этого, мы рас-

скажем потом. А здесь только отметим позорный конец ПОРП, который был неизбежным.

Хотя она давно потеряла всякую действительную силу, после 13 декабря 1981 года стало совершенно ясно, что с этого времени в польской жизни ПОРП будет «королевой» «современности», словно королевы Англии и других капиталистических стран. Так же как Елизаветы и Беатрисы в развитых капиталистических странах, и «ее величество» ПОРП будет и впредь называться «рабочей партией», хотя она полностью изменила позициям и интересам рабочего класса и как таковая будет оставаться на престоле как символ «древней традиции», будет пользоваться всеми дворцовыми почестями и церемониалом, а вот что касается «защиты» рабочего класса, то она, естественно, вместо жезла будет держать в руках дубинку. Иначе нельзя. Раз нужно, чтобы Польша оставалась под влиянием «социалистической», то есть социал-империалистической, империи, то по «традиции» нужно сохранить «нетронутым» трон руководящей «коммунистической партии»!

Да беда отнюдь не в том, что ПОРП имела такой позорный конец. История воздала ей должное. Беда в общей катастрофе, вызванной в Польше в последние 20-25 лет предательской линией ПОРП, как и деятельностью реакционных сил, внутренних и внешних, союзных ей или оппозиционных.

Особенно смятение и разброд в рядах польского рабочего класса и трудящихся масс, использование их революционных сил и энергии в контрреволюционных целях были и остаются одними из самых горьких и опасных последствий великой измены современных ревизионистов.

ПОД ЧУЖИМИ ФЛАГАМИ

В случае с «Солидарностью» рабочим классом манипулируют и направляют католическая церковь и польская и мировая реакция, которые, следуя по полному опасностей и трагических неожиданностей пути, добиваются установления другого ревизионистско-капиталистического режима.

ЭНВЕР ХОДЖА

В социальных движениях и особенно в таких массовых движениях, которыми охвачены миллионы людей, марксизм-ленинизм всегда четко отличает то, что *объективно побуждает и поднимает массы на ноги* против существующего строя, *от идеологии, лозунгов и политической программы*, которыми по той или другой причине вдохновляются и руководствуются эти массы. То же самое можно сказать и о нынешнем забастовочном движении в Польше.

Узурпация власти современными ревизионистами и превращение ими Польши в капиталистическую страну привело к неизбежному и постоянному обострению и углублению противоречий между трудом и капиталом, между буржуазией и пролетариатом. Под действием капиталистических законов положение польских пролетариев становилось все хуже и хуже. Настал день, когда рабочие больше не могли терпеть постигшую страну экономическую катастрофу, бедность и все растущую нехватку товаров на рынке, глубокую классовую дифференциацию, большие социально-экономиче-

ские несправедливости, открыто совершавшиеся по отношению к ним, галопирующее повышение цен, хроническую безработицу, высокую инфляцию, катастрофические долги, постоянное уменьшение валовой национальной продукции и снижение жизненного уровня. Перспективы были темные. Помимо всех этих негативных явлений, положение еще более усугубляла длительная русская зависимость.

Как раз это и другие подобные им явления, типические для страны, где существуют отношения угнетения и эксплуатации, в целом составляют *основной объективный фактор, поднявший на ноги польские массы.*

Так что разглагольствования идеологов и лидеров современного ревизионизма, которые в качестве причин, побудивших рабочих подняться на ноги, называют такие факторы, как «идеологическая диверсия империализма», «религиозное вдохновение» и т.д. и т.п., являются ничем иным, как идеалистическим подходом к проблеме с теоретической точки зрения и демагогией, вопиющим надувательством — с практической точки зрения.

Несомненно, как идеологическая диверсия империализма и реакции, так и религиозная пропаганда и вообще религиозная идеология и т.д., найдя себе подходящую почву в Польше, играли и играют огромную вредную роль как в разложении и отравлении сознания людей, так и в объединении целых контингентов под флаги контрреволюционной оппозиции. Однако эти факторы в основном связаны с идеологическим и политическим аспектами движения и играют решающую роль особенно в развитии движения, в осуществлении его под флагами контрреволюции. А вот, когда речь идет о том, почему массы поднимаются на ноги, что побуждает их к волнениям и протестам против существующего строя, то тогда на первый план выступают материальные, социально-политические

факторы, которые уже становятся решающими. «Не религиозное вдохновение вызывает волнения и революционное пробуждение народов, — говорил товарищ Энвер Ходжа, — а общественно-политические условия, империалистический гнет и ограбление, обременяющие их жизнь нищета и страдания»*.

Поэтому выступление польского пролетариата и польского народа против контрреволюционного режима у власти было и является законным выступлением.

Но в этом движении беда в том, что ею манипулировали правые силы, католическая церковь, Ватикан и империализм. Следовательно, польский пролетариат встал под чужие флаги.

Как это случилось, что польский пролетариат, польские трудящиеся массы целые десятилетия так основательно манипулировались, что их законное движение прошло под знаком идеологии, под флагами и лозунгами контрреволюции и реакции?

И после 1945 года польский пролетариат не имел возможности и условий овладеть своей идеологией, марксизмом-ленинизмом, воспитываться в ее духе и последовательно защищать ее.

Если в первые годы после освобождения (1945-1953 гг.) кое-что и начали делать в целях марксистско-ленинского воспитания масс, то эта работа не только велась упрощенчески, поверхностно и с большими недостатками и ошибками, но, а это главное, и период этот был весьма коротким для марксистского воспитания масс. После 1953 года произошла ревизионистская измена, а одной из главных целей этой измены было фронтальное наступление на марксизм-ленинизм. Понятно, что в таких условиях и то положительное, что было

* Энвер Ходжа. Доклад на VIII съезде АПТ, стр. 273, Тирана, 1981, изд. на рус. яз.

достигнуто, теперь стало объектом всестороннего нападения. Партия пролетариата, главный фактор, призванный сделать массы сознательными и воспитывать их в духе марксизма-ленинизма, после хрущевской измены, вдохновляемая Москвой и под ее диктатом, сама стала в авангарде наступления на марксизм-ленинизм. В последующий период на массы нахлынули буржуазно-ревизионистские теории о плюрализме, прагматизме, самоуправлении, анархизме, анархо-синдикализме, аполитизме, экономизме и т.д. и т.п., а вот марксизм-ленинизм не нашел там подходящей почвы для проникновения в массы и особенно для того, чтобы быть воспринятым ими.

Это всеобщее наступление на марксизм-ленинизм в Польше нашло себе наиболее конкретное выражение *в суровом крестовом походе, который был развернут и продолжается там против идеи социализма, против его сущности, как социально-экономической системы.*

Польша вступила на путь социализма, и, правду говоря, в 1945-1953 годах, несмотря на ошибки, был сделан ряд шагов вперед в соответствии со всеобщими законами социалистического строительства. Рабочий класс пришел к власти, осуществилась экспроприация крупной польской буржуазии, особенно промышленной, банковской и торговой, был создан социалистический государственный сектор, как самый главный сектор экономики; страна вступила на путь социалистической индустриализации; были сделаны первые шаги в деле коллективизации сельского хозяйства; развернулась кое-какая борьба (хоть и ненадолго) против правого уклона; отделилась церковь от государства (после 1948); упрочились связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами, и т.д. и т.п.

Это было время, когда пролетариат и массы только что начали сознавать, что такое их строй и

как его нужно строить. Впереди у них — самая большая и самая трудная работа.

Именно в те моменты, когда ростки социализма только пробивались в мировоззрении польских рабочих и трудящихся масс, им стали внушать, что весь прежний период изобиловал, мол, ошибками, что прежний социализм был, мол, «жестоким», «деспотическим» и т.д. Были поставлены под сомнение сама жизнеспособность социализма, его пролетарская сущность. Когда эту антисоциалистическую пропаганду разводили буржуазия и реакция, она не легко укоренялась в сознании масс, но теперь социализм ставили под сомнение сами «коммунисты», сама руководящая партия и как раз поэтому эта антисоциалистическая пропаганда была более опасной и более вредной. Игра мастерски маскировалась. Шельмовали «прежний» социализм, преподнося вместо него новый тип «социализма», более «гуманный», призванный принести изобилие, гармонию, счастье!

Для несформировавшихся людей этот косвенный удар был, да и не мог не быть, сопряжен с тяжкими и горькими последствиями. Не империалисты, не буржуа, а сами руководители партии заявляли, что существует-де несколько типов «социализма» — и «бесплодный», «деспотический социализм», и «гуманный», «демократический социализм», якобы приносящий подлинное «счастье», «изобилие», «свободу»! «Конечно, раз имеется, несколько типов социализма, то именно того социализма, который приносит больше благ, мы желаем и поддерживаем!» — таков был бы в данном случае вывод несформированного рабочего, который всегда подходит к вещам с практической стороны.

Правда, этой игрой в первую пору процесса восстановления капитализма предатели втерли очки массам и сумели бесхлопотно захватить власть.

Демагогия была слишком изощренной, польский рабочий класс оказался неподготовленным.

Это был период, когда хрущевский современный ревизионизм брал бразды правления и консолидировался и в других бывших странах народной демократии. Перед лицом катастрофы, серьезно грозившей коммунистическим и рабочим партиям и судьбам социализма в этих странах, открыто, смело и дальновидно выступала Албанская партия Труда, прямо высказавшая свое мнение. Речь товарища Энвера Ходжа на московском Совещании 81 коммунистической и рабочей партии в ноябре 1960 года является обвинительным актом против ревизионистской измены, совершившейся в ущерб социализму и революции. Сильное, принципиальное содержание этого исторического документа, осуждение и разоблачение в нем Хрущева и хрущевцев, содержащиеся в нем весьма важные выводы и глубокие, дальновидные предсказания — уже не только хорошо известны всем и всюду, но и полностью оправданы и подтверждены жизнью. Известно также реагирование Хрущева с компанией на этот исторический обвинительный акт. Среди тех, кто с большим рвением, ругательствами и чудовищной клеветой обрушился на АПТ, выделился лидер польского ревизионизма, Владислав Гомулка, «который так далеко зашел в своих недостойных попытках извратить правду об Албанской партии Труда, что употреблял по отношению к ней совершенно недопустимые в отношениях между марксистскими партиями эпитеты, ярлыки и инсинуации, которые каждый день повторяют в наш адрес только империалисты и югославские ревизионисты»*. Впрочем от Владислава Гомулки нельзя было ожидать другого реагирования. Своими пошлыми инсинуациями в адрес АПТ он не только изрыгал свою старую ненависть к марксизму-ленинизму, не

* Энвер Ходжа. Соч., т. 19, стр. 558, алб. изд.

только в глазах у Хрущева и хрущевцев доказывал, что он стал одним из самых послушных орудий Москвы, но самое главное в том, что своей грубостью он старался быстро ориентировать других так, чтобы они во что бы то ни стало заглушили мощный обвинительный голос АПТ. В противном случае их контрреволюционное деяние понесло бы неисчислимый ущерб как в глазах международного коммунистического и рабочего движения, так и в глазах рабочего класса соответствующих стран.

Наложив карантин на истину, они развернули целую кампанию опошления и клеветнических измышлений относительно революционной теории рабочего класса, относительно сути научного социализма. Эффект, несомненно, был отравляющим. По мере продвижения вперед ревизионистской контрреволюции, очевиднее становилась апатия в низах, убавлялся и ослаблялся революционный порыв масс. Гегемония пролетариата была подменена гегемонией гомулковской, а позднее герековской клики. В условиях спокойного, «мирного» развития словесами о «лучшей» жизни, о более крупных «победах», и «большем открытии» по отношению к Западу, о «демократии» т.д., польский пролетариат был обманут и стал еще более аполитичным. Мелкобуржуазная идеология и психология не только в польской деревне, где подавляющее большинство населения составляли мелкие землевладельцы, но и среди рабочих оказали глубокое влияние и стали мощной опорой во всем контрреволюционном процессе, совершавшемся современными ревизионистами. Теперь в качестве мечты и стремления простого поляка пропагандировалась «лучшая жизнь» в соответствии с миропониманием буржуазии. И все это преподносилось как «социализм» причем как «жизнеспособный», «подлинный», «демократический социализм», которому чужда «жестокость» прошлого, и т.д. и т.п.

Однако этот так называемый социализм, всюду разрекламированный как таковой, в действительности представлял собой полную капитализацию базиса и надстройки Польши. Именно поэтому, именно потому, что был капитализмом, он не мог избежать всех последствий, всех зол, которыми чреват и которые постоянно порождает капитализм: инфляции, безработицы, гнета, ухудшения условий жизни и т.д. и т.п. Эти неизбежные последствия непосредственно ложились на плечи масс и могли их пробудить.

Чтобы предотвратить это зло, в крестовом походе против социализма общим фронтом выступали ревизионистские и ультракапиталистические силы, церковь и диссиденты, вся внешняя и внутренняя буржуазно-ревизионистская реакция.

«Польша является социалистической страной, социализм в Польше существует» — такова была общая основа, на которой строилась вся пропаганда ревизионистов, внутренней и внешней реакции.

Для современных ревизионистов это была огромная помощь, ибо таким образом рассеивались сомнения насчет того, что в самом деле случилось с социализмом, отвлекалось внимание масс от совершившегося и все углублявшегося предательства, всюду внушали мысль о том, что, «хорош ли, плох ли — это и есть социализм».

К несчастью, объединенными усилиями современные ревизионисты и все другие контрреволюционные и реакционные силы добились своего. Хотя действительность была совершенно противоположна той, что рекламировали в Польше, не нашлось того искреннего голоса, лишённого всяких предрассудков, который бы раздавался как в знаменитой сказке Андерсена: «Господа, король у нас нагой!» Польские пролетарии не смогли осознать, что в их стране изменили социализму и разрушили его. Они с каждым днем все больше испы-

тывали на себе несправедливости и ухудшение условий жизни, но вину за это взваливали на социализм, который в действительности больше не существовал в Польше.

Однако, если до достижения этой цели средства и пути ревизионистских и ультракапиталистических сил совпадали, то дальше им нельзя было не разойтись.

Современные ревизионисты не шли дальше этого в своей одурманивающей пропаганде и говорили массам, что «другого социализма нет, так что самое большее, что можно сделать, это осуществить новые реформы и произвести другие изменения, а в сущности своей социализм остается тем же».

Ультрареакционные силы заходили еще дальше в соответствии со своими интересами: «Правда, строим, существующим в Польше, является социализм, и в этом нет сомнения, но не стоит подчиниться ему, ибо он не приносит ничего из обещанного». Ухватываясь за нескончаемые трудности, постоянно порождаемые польской капиталистической действительностью, поощряя и преувеличивая их, прикидываясь жертвами этих зол и непримиримыми с ними и в то же время выдавая их за прямое следствие социализма, прозападная реакция усиливала свою отравляющую пропаганду, которая стала воздействовать на сознание разочарованных масс. Знаменитое изречение Ленина о том, что «Империалистическая идеология ... проникает и в рабочий класс. Китайская стена не отделяет его от других классов»*, находило в 60-х годах нашего века в случае с польским рабочим классом новое подтверждение с самыми горькими последствиями для будущего. Отдельные контингенты рабочих и трудящихся из-за отсутствия другой внут-

* В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 347, алб. изд.

ренной силы, способной противопоставить себя существующей ревизионистской власти, становились жертвами единственной силы, находившейся в оппозиции с этой властью — ультракапиталистической, ультрареакционной, прозападной силы.

Настало время глубоких и решающих раздумий. Пролетариат заходил в тупик в такое время, когда ребром ставился вопрос о необходимости выйти на поле боя.

Здесь следует подчеркнуть еще один важный момент: особенно во второй половине 60-х годов полностью были подтверждены выводы и предсказания АПТ о судьбах социализма и диктатуры пролетариата в странах, где власть взяли в свои руки современные ревизионисты. Им больше нельзя было скрывать свою демагогию. Восстановленный ими капиталистический строй быстро вызывал недовольство и волнения в низах. Единственный путь спасения для этих стран заключался в том, чтобы отбросить всякие иллюзии и колебания, порвать с ревизионистскими кликами, то есть вновь поднять рабочий класс на революцию. Именно к этой фазе относится, в частности, и сильная и принципиальная статья товарища Энвера Ходжа «Рабочий класс в ревизионистских странах должен выйти на поле боя и восстановить диктатуру пролетариата», опубликованная в газете «Зери и популлыт» 24 марта 1968 года. «... *Возродить и зажечь пламя пролетарской революции в этих странах, — отмечал в те моменты товарищ Энвер Ходжа, — вот путь sine qua non к спасению. ... Только рабочий класс во главе масс, только рабочий класс во главе со своей настоящей марксистско-ленинской партией, только рабочий класс путем вооруженной, насильственной революции может и должен вырыть могилу ревизионистским предателям*»*.

* Энвер Ходжа. Соч., т. 37, стр. 395-396, алб. изд.

Не прошло и двух лет, как подтвердилось предвидение АПТ о том, что рабочий класс ревизионистских стран, несмотря на демагогию и гнет, не сможет дальше выносить существующее положение. Польский пролетариат к концу 1970 года восстал против ревизионистской власти.

Но, поскольку не было марксистско-ленинской идеологии, поскольку не было настоящей пролетарской партии, недовольством пролетариев воспользовалась ультракапиталистическая реакция. Пролетарии стали подниматься на борьбу, но их оружие классовой борьбы уже прибрала к своим рукам реакция. Кровью пролетариев, павших в 1970 году в Гданьске и Гдыне, дальше упрочились позиции контрреволюции в контрреволюции. Злоба против того, что называлось «социализмом в Польше» и что пропагандировалось как «подлинный социализм» (!), дальше росла. Этот так называемый социализм причинил все потрясения и страдания в стране, пули во имя его пробивали тела пролетариев, во имя его «неприкосновенных границ», его внешних альянсов, его «ортодоксии» польских пролетариев уговаривали не шевелиться! Поэтому такой «социализм» заслуживал самой глубокой ненависти и самой суровой кары.

Бразды правления прибирали к своим рукам ультракапиталистическая реакция, польская церковь, Ватикан, которые больше чем когда-либо раньше надрывали себе горло, заверяя, что «в Польше существует социализм», следовательно, что все происходившее там исходило, мол, от «социализма»! Контрреволюционные силы усилили борьбу за осуществление своих дальнейших целей: сплотить вокруг себя обманутые массы с тем, чтобы в подходящий момент использовать их как пушечное мясо в борьбе за власть.

Может показаться странным, что правящие, ревизионистские лидеры разрешали своим соперни-

кам и даже своим политическим врагам, прозападным силам, духовенству и другим духовно руководить массами. Но путь, на который они встали, не мог не привести их к таким тропам. Заинтересованные в том, чтобы массы не узнали об измене, совершавшейся ревизионистской контрреволюцией, они были готовы вверить духовное руководство массами даже и дьяволу, лишь бы последний, словно «ангелы», заблуждал людей и делал их как можно более аполитичными.

Более того, существование открытой антисоциалистической оппозиции могло помочь, как и помогло, замаскированным антисоциалистам приукрасить в кризисные моменты свою якобы социалистическую видимость. Время от времени «атакуя» в своих речах и заявлениях оппозицию открытых антисоциалистов, ревизионисты стремились выдавать себя за пламенных сторонников «социализма», защищающих «социализм» от натиска контрреволюционных сил! Фактически, все это было борьбой, вернее, гонкой двух соперников за контрреволюционную власть. От всего этого пролетариат только проигрывал и дальше заблуждался. Вот почему целые годы оба крыла контрреволюции, как в состоянии «затишья», так и в «кризисные» моменты объединяют свои силы и средства в яростном крестовом походе для того, чтобы одурманить людей. Весь этот лихорадочный крестовый поход сделал свое в сознании пролетариата.

Это была другая большая потеря для Польши, больше первого поражения, когда Гомулка с компанией разрушили социалистическую систему и восстановили капитализм. Тогда социализм вырвали у пролетариата и масс из рук, но не из его умов и сердец. Но, выдавая польский капитализм за «социализм», они заводили дело все дальше и дальше. Теперь в определенных контингентах рабочих росли уже не сомнения, а недовольство и

неверие в социализм, как социально-экономический строй, стало насаждаться мнение о том, будто социализм не обладает жизнеспособностью, будто он страдает от больших и неизбежных зол!

Во всем этом контрреволюционном процессе огромную роль играла *польская католическая церковь, руководимая Ватиканом и мировой реакцией*. Мы уже говорили о том, какую политику уступок в отношении польской церкви проводили польские ревизионистские лидеры, начиная с Гомулки и кончая генералом Ярузельским, какие свободы и неограниченные возможности предоставили они ей.

Когда им нужно было выдавать себя за «коммунистов», они оправдывали и оправдывают свое попустительство в отношении церкви и религии в Польше тем, что польский народ отличается и имеет «глубокие религиозные корни» и «наклонности»! Капиталистический Запад всегда «снял шляпу» перед этим «религиозным духом» поляков, что, по его мнению, было «ярчайшим выражением жизнеспособности польской нации», «решающим фактором существования Польши», «самым большим достоинством поляков» и т.д. и т.п. Множество иностранных и польских социологов рассматривают религию и ее распространение в Польше как волшебный этнико-психологический ключ к объяснению «характера» поляков и даже характера социальных движений, которые время от времени вспыхивали и вспыхивают в этой стране.

В действительности же все эти «теории» и слова являются ничем иным, как попыткой под иллюзорными флагами религии скрывать определенные политические цели и стремления. Здесь не место и не наша задача объяснить, почему католицизм имеет столь глубокие корни, пользуется большим влиянием и столь большой поддержкой в Польше, поэтому отметим, что в своей многовековой истории польский народ, наряду с «рели-

гиозным духом», со всем величием проявлял и сущность своего атеистического духа. Коперник и Кюри являются сынами именно этого народа. Во всей своей истории, полной борьбы, польский народ проявлял жизнеспособность народа, который, вопреки христианскому лейтмотиву, долго не терпел ярма, гнета, попрания своего достоинства. Более чем духом покорного и послушного христианина, поляки в истории отличались и отличаются непокорным повстанческим духом.

Неоднократные волнения двух последних десятилетий, в которых участвовали польский пролетариат и другие трудящиеся массы, особенно волнения 1980-1981 годов, несмотря на очень большие недостатки и извращения в их содержании, как будто говорят о глубоком противоречии между вековым лейтмотивом религии «терпи терпеливый, и надейся огорченный», с одной стороны, и полной готовностью духовенства и религиозной идеологии поощрять и поддерживать реакционных манипуляторов этих волнений — с другой. В действительности же это совсем не противоречие. Это отражение сути, особой роли церкви и религии, как орудия в руках господствующих классов и маски, за которой скрываются определенные политические цели и действия.

Историей ярко показано, что в крупных массовых движениях, проходивших под эгидой религии (например, в средневековых крестовых походах на Иерусалим и Византию) религия, в конечном счете, служила политике, служила средством обмана масс и поднятия их на выступления, шедшие на руку эксплуататорским классам и кликам.

Именно это происходило и происходит и в Польше. В течение прошлых веков там достигнут своего рода симбиоз католицизма и национализма. Польская католическая церковь играла в веках огромную и активную роль, как в подготовке масс,

так и в мобилизации их на борьбу в защиту католицизма от опасности русского православия или немецкого протестантства. Однако за конфликтом между «католицизмом и православием» или между «католицизмом и протестантством» всегда стояла большая проблема избавления от рабства русских царей или немецких владык, то есть разрешение польского национального вопроса. Именно этим и объясняется тот факт, что польский народ в веках следовал за флагами церкви, верил им, считая церковь защитником национального дела. Следовательно, польский народ, правда, становился под знамена религии, призывавшие к избавлению от русского рабства, но, в конце концов, он делал это не во имя католицизма или православия, а во имя Польши, ее независимости. И в то время, как народ боролся за независимость, те же католические «святые», призывавшие его избавиться от рабства русского православия или же немецкого протестантства, курили фимиам «древним связям» с типически «католическими» странами Запада, то есть, подготавливали почву для нового порабощения Польши. Такова была их истинная роль: под эгидой религии мобилизовать массы в интересах тех политических сил, которые управляли самой церковью.

Это особенно четко было видно после 1917 года. И когда с торжеством Октябрьской социалистической революции под руководством великого Ленина наступил конец порабощительской политике бывшего царского режима и Польше была предоставлена независимость, польская католическая церковь, так же, как и раньше и даже с большей интенсивностью, продолжала свою пропаганду и борьбу против Советской России. Теперь за польским католицизмом скрывались жажда польских панов и капиталистов расширить свои сферы эксплуатации и особенно старые амбиции в отноше-

нии Украины. За католицизмом теперь скрывалась в основном лютая ненависть польской и западной буржуазии к новому, установленному в России социальному строю, к социализму. Теперь на польскую католическую церковь была возложена миссия больше, чем когда-либо раньше, отравлять сознание масс с тем, чтобы в Польше не произошло то, что произошло в России. Когда после второй мировой войны и это произошло, польская католическая церковь сделала все возможное, чтобы не только сохранить свое существование, но и сохранить и дальше усилить свою подрывную роль в массах. За церковью стояли силы свергнутого режима. Католицизм стал синонимом антисоциализма. В отношении церкви были приняты известные ограничительные меры, но тем не менее по отношению к ней и религиозной идеологии в первые годы после установления нового строя проводили либеральную политику, благодаря чему церкви и религии удалось сохранить многие из прежних позиций и собраться с силами. Позднее, вследствие ревизионистской измены, произошло «настоящее воскресение» роли и влияния церкви на массы. Произошло это особенно в силу двух факторов.

Во-первых, вследствие перехода Гомулки и иже с ним на сторону советских ревизионистов, совершенно изменился характер прежних братских и интернационалистических связей между двумя странами. Польша стала вассалом русской метрополии. Церковь нашла теперь подходящий случай высоко поднять старое знамя национализма. Польские массы, видевшие и испытывавшие на себе социалимпериалистическую оккупацию, поскольку у них не было комиссаров, стали прельщаться «воскресением» старых «святых».

И, несмотря на то, какие цели и новые поработительские планы имели эти «святые», они, по крайней мере, касались острого и большого вопроса,

поэтому все больше разочарованных людей переходили на их сторону.

Во-вторых, как мы уже сказали, само польское ревизионистское руководство было заинтересовано в том, чтобы не только духовенство и церковь были на его стороне, но и чтобы в стране оживилась и усилилась религиозная деятельность. Приведенная в умиление церковь должна была благословить ревизионистскую измену, как и в самом деле благословила ее. С другой стороны, ревизионистское руководство было заинтересовано в оживлении религии с тем, чтобы дальше отравлять сознание людей, чтобы поляки как можно больше интересовались религией и как можно меньше политикой. Церковь не могла не согласиться выполнить обе эти «обязанности», возложенные на нее правящей кликой. Но, будучи католической церковью, она работала и сотрудничала с ревизионистскими лидерами с таким расчетом, чтобы своим вкладом она играла на руку ультрареакционным силам, связанным с капиталистическим Западом.

Итак, поддерживаемая и поощряемая линией ПОРП и ревизионистского государства, *польская церковь мало-помалу превратилась в один из основных факторов, уведших Польшу на путь контрреволюции и катастрофы.*

В периоды «затишья», сотрудничества между обоими крыльями контрреволюции, церковь курила фимиам разнузданной демагогии, направленной на обман масс, поэтому она выдавала себя за союзника и партнера обеих сторон. Но, когда на смену сотрудничеству приходило обострение отношений между ними, церковь выступала и выступает на стороне ультракапиталистических сил, как духовный руководитель, вдохновляющий эти силы и указывающий им путь к достижению конечной цели. Ее крест всегда обращен на Запад. Это не просто выражение старого конфликта между западной католи-

ческой церковью и русской православной церковью. За масками религии всегда скрывалась политика. Не связи с типически католическими странами, а связи с типически капиталистическими странами — таковой была всегда и остается главная миссия польской церкви.

В деле заблуждения масс и вообще во всем контрреволюционном процессе, происходившем в Польше в течение последних трех-четырёх десятилетий, наряду с польской церковью, немалую роль играла польская интеллигенция, главным образом та часть ее, которая не только сохраняла свои глубокие связи с прежними антинародными режимами, но и нашла себе в линии ПОРП периода после 1956 г. поддержку в своей отвратительной, антисоциалистической кампании.

Реакционная интеллигенция прошлого стала на сторону контрреволюции в ревизионистской контрреволюции, как ее правая рука и излюбленное орудие. С помощью интеллигенции, благодаря ее «беспристрастному» языку, реакция вела в массах ту пропаганду и непрерывно разжигала те тенденции, которых не могли вести и открыто разжигать старые капиталисты или новая буржуазия, новые силы контрреволюции, подкармливаемые восстановленным капитализмом.

«... Влияние *интеллигенции*, непосредственно не участвующей в эксплуатации, обученной оперировать с общими словами и понятиями, носящейся со всякими «хорошими» заветами, иногда ... возводящей свое междуклассовое положение в *принцип* внеклассовых партий и внеклассовой политики, — влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно, — говорил Ленин. — Тут, и только тут есть налицо заражение широких масс, способное принести действительный вред»*.

* В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 46, алб. изд.

Как раз это и было доказано в Польше. Буржуазно-ревизионистская интеллигенция стала опорой и авангардом как мирной контрреволюции, так и контрреволюции в контрреволюции. Конечно, говоря об этой разрушительной роли интеллигенции, о ее «работе» по надувательству масс, по заражению их идеями контрреволюции, имеем в виду не десять или сто писателей, артистов, журналистов, юристов и др. — представителей известных польских диссидентов, и не десять или сто их коллег, убежавших на Запад и открыто возводящих горы клеветы и обвинений против социализма. Здесь речь идет о целых контингентах польской интеллигенции, питающих ненависть к социализму, о типически ревизионистской интеллигенции, которая давно боролась и борется за «дальнейшее открытие», за процветание всякого рода школ и школок, о той «обученной» интеллигенции, которая хорошо знает как Восток, так и Запад, которая «знает, что говорить», которая «прикидывается прогрессивной» и т.д. и т.п.

Внутри ПОРП или вне ее, особенно внутри Польской демократической партии (легальная партия — партнер ПОРП), или организованная в диссидентские организации (КОС-КОР, Конфедерация независимой Польши, Движение звезд, и т.д. и т.п.), эта реакционная интеллигенция постепенно стала управляющим центром ультракапиталистических сил.

Вывод товарища Энвера Ходжа о том, что «Капиталистическая буржуазия имеет своим авангардом свою старую интеллигенцию и новую ревизионистскую интеллигенцию, выступающие в полном единстве мнения и действия»*, в случае с Польшей находит новое полное подтверждение. В последних

* Энвер Ходжа. «Против современного ревизионизма», 1968-1970, стр. 60, алб. изд.

выступлениях в Польше, особенно в организациях, которые начали создаваться с осени 1980 года, представители этой интеллигенции заняли самые важные посты. Они составляли руководящий штаб ультракапиталистических сил, делали и делают все возможное, чтобы стать подлинными хозяевами капиталистической Польши.

В процессе заблуждения и манипуляции польскими массами все растущую важную роль играли и играют *империализм и мировая реакция, в первую очередь, американский империализм.*

Миллиарды долларов, которые капиталистический Запад «щедро» предоставлял и предоставляет Польше, всегда сопровождалось концессиями и требованиями во всех других областях.

Польша стала страной, открытой для всех и вся: для долларов, товаров, наркотиков, глав государств (только в период 1972-1979 годов Польшу посетили три президента США: Р. Никсон в 1972 году, Дж. Форд в 1975 году, Дж. Картер в 1979 году), для пап, бизнесменов, дельцов, предпринимателей, торговцев, владельцев публичных домов, множества иностранных туристов (ежегодно в Польшу приезжают примерно 120 000 американцев польского происхождения, кроме сотен тысяч американских туристов и миллионов туристов из западных стран). Столь же широкие размеры приняла и беспрепятственная поездка поляков в западные страны. Кроме экономических эмигрантов, тысячи других поляков ездят в западные страны, чтобы видеть «чудо» «потребительского общества», а еще десятки тысяч других постоянно ездят в Ватикан в качестве паломников, чтобы получать наставления прямо из уст папы. Несомненно, такой свободный «обмен» людьми сопровождался свободным «обменом» мнениями, идеями, образом жизни. И все это не могло не привести к дальнейшему заблуждению и без того заблудившихся людей.

Между тем капиталистический Запад с помощью целой индустрии пропаганды и информации всегда спешил исполнить «свой долг». Буржуазная печать и такие агентства, как «Свободная Европа», «Голос Америки», Би-би-си и другие стали внешними вдохновителями и организаторами правых сил в Польше.

Разумеется, все усилия, подрывные и агентурные действия капиталистического Запада, прежде всего американского империализма, всегда преследовали определенные цели, служили определенной стратегии. Это была и есть *стратегия контрреволюции вообще, стратегия установления мировой гегемонии американского империализма — в частности.*

Постоянное соперничество американского империализма с советским социал-империализмом за раздел мира и расширение зон влияния в ущерб друг другу, в случае с Польшей находит себе наглядный пример. Когда вследствие совместной империалистической и ревизионистской борьбы за разрушение социализма Польша была охвачена смятением и хаосом, мировой империализм с американским империализмом во главе подумал, что там было самое слабое звено советской зоны влияния и именно туда направил свои более сильные удары. Чтобы оправдать борьбу за превращение Польши в страну, полностью зависящую от Запада, но особенно, чтобы завоевать «симпатию» польского народа, кроме десятков махинаций, была использована новая империалистическая махинация: место римского папы, «скоропостижно» скончавшегося в постели, во главе Ватикана занял ... польский кардинал, Кароль Войтыла! Между тем, лидеры польских диссидентов и ультраправой польской реакции стали получать от ЦРУ и других западных разведок разного рода средства и указания немедленно перейти к действию. Не слу-

чайно, «польский вопрос» стоит в центре внимания мировой буржуазии и реакции, особенно со времени летних волнений 1980 года.

Свыше 40 часов специальных передач на Польшу ведут в сутки центры империалистической пропаганды, расположенные в западных странах, не говоря уж о лихорадочной деятельности польской политической эмиграции, представляемой такими партиями, как «Свободная Польша», или «польское эмиграционное правительство».

Все они, постоянно раздувая ложную идею о том, что в «Польше существует социализм», ведут самую жестокую диверсию не против основ существующего в Польше строя, а против идеи социализма, против его сущности, как общественно-экономической системы будущего. Причем такие представители реакции, как Рейган, Тэтчер, Шмидт, Штраус и др., насильственно подавляя забастовки, вспыхивавшие в их странах, арестовывая, бросая в тюрьмы и увольняя с работы тысячи рабочих, не упускали случая направлять «приветственные послания», «помощь» и «подарки» польским рабочим (!) и их «независимой» организации — «Солидарности». Миллионы долларов, грузовики с продовольствием и даже современнейшие типографии и специальные телевизионные станции «нелегально» поступали из капиталистического Запада в качестве «подарка» для «Солидарности»!

В западной прессе, на экранах телевизоров, на публичных собраниях и встречах лидеров империализма польские события и особенно деятельность «Солидарности», ее постепенное поднятие к власти, стали важнейшей темой дня и ночи. Казалось, будто все в Польше шло в соответствии с интересами американского империализма и западной реакции, на один момент создалось впечатление, будто благодаря «Солидарности» Польша будет первой из стран советской сферы влияния, которая перейдет к аме-

риканской сфере влияния. Чтобы как можно успешнее нейтрализовать поддержку, давление и диктат Москвы над ревизионистской группой у власти в Польше, мировой империализм внимательно следил за каждым действием кремлевских лидеров, «осуждал» и «разоблачал» их как силы, «мешающие нормальному ходу событий в Польше», как «нарушителей демократии», как «угнетателей», «захватчиков» и т.д. Империализм ежедневно и ежечасно находил факты, свидетельствовавшие о всестороннем вмешательстве и давлении Москвы, пытавшейся стабилизировать в своих интересах положение в Польше, так же как и Москва, в свою очередь, находила уйму фактов, доказывавших прямое и косвенное вмешательство империализма и всех западных разведок, пытавшихся дальше углубить процесс дестабилизации и хаоса в Польше. Обе соперничающие стороны, с противоположных позиций прикидываясь «друзьями» польского народа, фактически еще дальше усугубляли и без того очень тяжелую ситуацию в стране, делая ее положение еще более безвыходным, так как этого требовали их гегемонистские интересы.

И после 13 декабря 1981 года, когда стало ясно, что Ярузельский внезапным и сильным ударом опрокинул ситуацию в Польше в пользу Москвы, империализм с американским империализмом во главе не терял надежды и не ослабил свою поддержку ультраправых сил. Наоборот, и в условиях нового положения, созданного после декабря 1981 года, империализм всячески старается сохранить положение хаоса и всеобщего кризиса в Польше.

Западная буржуазия и реакция, хотя им не удалось перетянуть Польшу в свою зону влияния, тем не менее извлекли из этого положения большие политические и идеологические выгоды.

Во-первых, капиталистический Запад заинтере-

сован в том, чтобы польский кризис, а вместе с ним и «польский пример» распространялись и возможно глубже проникали в другие страны так называемого социалистического содружества. Посредством «побед», которые якобы завоевал польский пролетариат (далее будем говорить о том, что это за «победы»), западные империалисты стремятся еще больше обострить кризисное положение в других бывших социалистических странах, еще больше отравить сознание пролетариата в этих странах, дальше расколоть его во всех отношениях, противопоставить его существующей власти, но так, чтобы он всегда шел под флагом контрреволюции и антисоциализма. Итак, «ориентируя» пролетариат бывших социалистических стран на «польский пример», империалисты и реакция не только *еще больше осложняют положение в этих странах*, но и пытаются включить пролетариат в чуждые его жизненным интересам движения, *увести его как можно дальше в сторону от революции*, увести его на рельсы контрреволюции.

Во-вторых, горькие плоды, пожатые польским пролетариатом, империалистическая буржуазия в своей пропаганде преподносит в качестве «урока» пролетариату западных стран: «Вот, мол, что такое социализм, вот, куда приводит революция, за которую ваши польские братья когда-то пролили кровь, пошли на лишения!»

В условиях, когда вопрос о революции стоит на повестке дня, «горькие плоды социализма, пожатые польским пролетариатом», являются для мировой реакции действенным орудием в борьбе за введение в заблуждение и обезоруживание пролетариата и масс этих стран. Поэтому для врагов революции пусть Польша все глубже погружается в хаос, пусть еще сильнее трубят о ней, как о «социалистической» стране! Таким образом еще боль-

ше дискредитируется идея социализма, таким образом демагогический дым становится еще более густым, более действенным.

И когда к этому жестокому удару «справа» добавляется еще другой столь же жестокий удар «слева», со стороны советского социал-империализма и современных ревизионистов других стран, смятение еще больше усиливается. Социал-империалисты угрожающе призывают к «сохранению завоеванных побед», к «сохранению существующего положения», то есть, к сохранению такого положения, которого дальше терпеть нельзя! Симпатии сбитого с толку поляка в этом случае на стороне Запада, ибо он не только «сочувствует» ему, но и советует не терпеть больше существующего положения, выступить против ревизионистских правительств, но, как мы уже говорили, под флагом контрреволюции.

Во всем этом продолжавшемся целые декады процессе объединенные силы реакции с невиданным упорством и цинизмом обманывали обманутого, заблуждали заблудшего в целях, совершенно противоположных конечной цели пролетариата. Вследствие этого случилось большое несчастье: пролетарии поднялись против реакционного режима, но не имея, однако, ни своей естественной идеологии, ни своего авангарда — партии, ни своего пролетарского знамени, ни своей пролетарской программы.

Диалектика была беспощадна с ними. Заблудившиеся контингенты пролетариата, оказавшиеся в лапах прозападной реакции и Ватикана, включившись в движение, которое должно было обеспечить им все, на каждом шагу терпели провал и разочаровались. Выполнение своей исторической миссии они вверили представителям антагонистического класса, которые теперь могли использовать в своих корыстных целях не только физическую

силу заблудившегося пролетариата, но и его духовную силу.

В таких случаях, говорит Маркс, «часть пролетариата пускается на *доктринерские эксперименты, создание ... рабочих ассоциаций — другими словами, в такое движение, в котором он отказывается от мысли произвести переворот в старом мире...*»*.

Это было наилучшим образом подтверждено последними выступлениями польского пролетариата.

Даже и в эти моменты внутренняя реакция использовала (и еще использует) орудие мошенничества и демагогии: она не выступила открыто как организация и как партия и не призвала открыто рабочих подняться под ее руководством на борьбу за установление «капиталистического строя». Нет, такие открытые выступления с ее стороны могли привести к горьким для контрреволюции в контрреволюции последствиям. Рабочих призывали «самостоятельно» включиться в «независимое» профсоюзное движение, то есть в движение «ни туда ни сюда», стало быть, в такое движение, в котором обо всем могли решать сами рабочие, без всякой предварительной «идеологии и политики», а просто, «смотря по обстоятельствам и по воле рабочих!»).

И в результате почти трех десятилетий бесконечных уловок и мошенничества со стороны реакции, летом 1980 года польские пролетарии включились в движение под флагом нового обмана, под флагом «независимого синдикализма».

* К. Маркс, «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта», стр. 22, Тирана, 1974.

III

«НЕЗАВИСИМОСТЬ ПРОФСОЮЗОВ» — ОПРАВДАНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ

Мы не защищаем нейтрализма, мы противники его.

ЛЕНИН

События, происшедшие летом 1980 года в Польше, несмотря на глубокие социально-политические причины, заключавшиеся в их сущности, и на настоящие цели, которых стремились добиться принимавшие участие в них различные силы, изображались западной реакцией и самими польскими реакционными главарями как «независимое профсоюзное движение». Главной целью этого движения также было объявлено создание «независимых профсоюзных организаций». Было сказано, что эти профсоюзы, которые «не управлялись» никем и «не манипулировались» никем, никакой идеологией или политической пар-

тией, следовательно, ни левыми, ни правыми, должны были разрешить все проблемы, занимавшие польский пролетариат и польский народ!

Перед лицом силы этого движения не действовали ни демагогия, ни угрозы, так что 31 августа 1980 года был заключен так называемый Гданьский и Щецинский компромисс или «Гданьско-Щецинское соглашение». Ревизионистская партия и ревизионистское правительство приняли все требования забастовщиков, в том числе и самое главное из них: создание «независимых», «свободных», «нейтральных», «самоуправленческих» профсоюзов. 17 сентября 1980 года в Гданьске состоялось первое всеобщее совещание лидеров «независимого» движения. На этом совещании, в котором приняли участие около 250 делегатов, было принято решение о создании «независимой» профсоюзной организации, которая с тех пор называется «Солидарностью».

После постепенной конфронтации с властями для обсуждения вопроса об узаконении этой организации, нарушавшей всю прежнюю структуру организации польского пролетариата, в начале ноября 1980 года лидеры «Солидарности» предупредили о своем намерении организовать 12 ноября всеобщую национальную забастовку. Все отделения «Солидарности» во всех краях Польши объявили положение готовности к забастовке. Правительство сдалось. 10 ноября 1980 года эта организация, провозглашенная «независимой» организацией, была официально признана Верховным Судом Польши.

Вся западная, как и внутренняя польская реакция с большой помпой стали рекламировать этот акт как «большое историческое право», завоеванное польским пролетариатом!

«Первая трещина в коммунистической системе» — крупным шрифтом писала буржуазная

пресса, ссылаясь на эту «победу», и статьи, интервью, заявления, комментарии о ней шли беспрерывным потоком.

В то время как продолжалась шумиха мировой реакции, которая нашла теперь возможность еще раз обрушиться с атаками и нападками на теорию и практику научного социализма, в Польше продолжалась вербовка рабочих, служащих, интеллигенции в так называемые «независимые профсоюзы». По данным печати и заявлениям самих главных лидеров так называемой «Федерации независимых польских профсоюзов», в эти организации вошли свыше 10 миллионов человек. Прием в «независимые организации» стал не то что модой, а просто какой-то синдикалистской эпидемией. Почти все «официальные» и «зависимые» организации (те, которые манипулировались стоящими у власти ревизионистами) были распущены и заменены также официальными подобными им организациями, признанными законом, но теперь уже «независимыми». Не отставали и военные. Как писала польская печать, и они требовали своей профсоюзной, конечно, «независимой» (!) и признанной правительством, организации. В соревнование включились и студенты, которые после первой же нерешительности правительства пригрозили ему забастовкой и захватом университетов. Между тем ... «большой конфликт»: «Мы согласны, чтобы вы были независимыми», — возражали высшие правительственные органы, — но как же можно вас считать членами профсоюзов? Ведь вы не рабочие, не трудящиеся!» После некоторых дебатов вопрос был разрешен: «Независимая организация студентов»! И везде: «Независимая организация артистов», «Независимая организация юристов» ... «Независимая организация монахов и монахинь»!

И когда все низы в Польше становились «не-

зависимыми», не могли не завоевать эту «независимость» и польские землевладельцы. Вспыхнуло движение за «крестьянские независимые профсоюзы» (!): После колебаний и трений, после вмешательства польской церкви с кардиналом Вышинским во главе, землевладельцы также получили право организоваться в самостоятельный «профсоюз», в «Сельскую Солидарность».

Одним словом, со всех крышек трубили о том, что польский пролетариат, а вместе с ним подавляющая часть трудящихся Польши одержали «великую победу»: завоевали право действовать «самостоятельно» в своих «независимых» профсоюзных организациях!

После года с лишним эйфории по поводу «торжества» этой «независимости», зимой 1981 года «независимые» организации одним единым актом были объявлены вне закона, а «неограниченные свободы» оказались запертыми в лагерях для ссыльных. Западная реакция, как и польская, оплакивала утраченную «независимость», она и по сей день продолжает рассматривать «независимые профсоюзы» как одну из «самых важных исторических побед», одержанных польским пролетариатом, актом, открывшим «новую эру» в «истории социализма»!

Именно поэтому стоит возвратиться к так называемым независимым профсоюзам и посмотреть, что они представляли по форме и содержанию.

БЫЛИ ЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕЗАВИСИМЫМИ ПОЛЬСКИЕ «НЕЗАВИСИМЫЕ ПРОФСОЮЗЫ»?

В обществе до тех пор пока продолжается классовая борьба, ни один человек, не то, что организация, не может стоять над классами, над партиями, вне политики и вне зависимости от политики.

ЭНВЕР ХОДЖА

Слушая большую шумиху вокруг профсоюзной «независимости», человек невольно задает следующие вопросы:

Во-первых, *независимыми от кого были польские «независимые» профсоюзы?!*

Где совершенно открыто, а где подтекстами и туманными фразами говорили и продолжают говорить, что новые профсоюзы в Польше выступили против руководящей и манипулирующей роли ревизионистской партии и ревизионистского правительства, избавились от нее, следовательно, завоевали независимость.

С негодованием и решительно порвать с руководством такой ревизионистской партии, как ПОРП, было бы для польского пролетариата не только успехом, но и давно назревшей задачей,

Классики марксизма-ленинизма всегда с силой подчеркивали необходимость того, чтобы пролетариат капиталистических стран сбросил ярмо «официальных» профсоюзов, создаваемых и манипулируемых буржуазией и реакцией и их партиями. АПТ, верная учению марксизма-ленинизма, неоднократно подчеркивала и подчеркивает, что не-

обходимость, о которой говорили классики марксизма-ленинизма, актуальна и в наши дни. «... Для того, чтобы освободиться от капитализма, — отмечает товарищ Энвер Ходжа, — пролетариату каждой страны необходимо сбросить с себя ярмо профсоюзов, управляемых буржуазией и оппортунистами, как и ярмо любой социал-демократической или ревизионистской организации или партии»*.

Сквозь эту призму борьба польского пролетариата за то, чтобы избавиться от руководящей роли ПОРП и ревизионистских профсоюзов, была вполне законной борьбой. Такую борьбу, если бы она велась последовательно, нужно было приветствовать.

Однако, вместо того чтобы выразить энтузиазм и приветствовать польский пролетариат, приходится выразить сожаление, когда, получив ответ на второй вопрос, т.е. на вопрос о том, под руководством какой силы он выступил против зависимости от ПОРП, полностью обнаруживается правда о так называемых «польских независимых профсоюзах».

Этот вопрос для вожаков польского «независимого движения» звучал бы, если не святотатством, то тяжким оскорблением:

Какое там руководство! — протестовали бы они. — Мы выступили именно против него, против одной силы, против одной руководящей партии! Мы независимые, свободные профсоюзы, никем не дирижируемые, не руководимые никакой силой, кроме самих рабочих!

Следовательно, вполне «независимые» профсоюзы; следовательно, рабочий класс, организованный под руководством «никого»! Следовательно,

* Энвер Ходжа. «Империализм и революция», стр. 266, Тирана, 1978, изд. на рус. яз.

организации «вне» всякой определенной идеологии и политики! Следовательно, «ни туда ни сюда», то есть самостоятельные, абсолютно свободные, всякие!

Вот, что говорили о происшедшем в Польше! Но разве такое может быть и вообще могли ли быть действительно независимыми так называемые польские «независимые профсоюзы»?!

В. И. Ленин в своих трудах, особо подчеркивая необходимость непрерывного расширения и укрепления профсоюзных организаций, часто употреблял термин «самостоятельная организация». Он ребром ставил вопрос о необходимости создания «самостоятельной классовой организации ... пролетариата» и это он считал «первым шагом» на пути к организации городского и сельского пролетариата, ибо иначе «он сам себе не поможет»*. То же самое имеет в виду Ленин, когда подчеркивает: «Основное правило, первая заповедь всякого профессионального движения: не полагайся на «государство», полагайся только на силу своего класса. Государство есть организация господствующего его класса»**.

Сопоставляя ленинское понятие о самостоятельных профессиональных классовых организациях пролетариата с так называемыми «польскими независимыми профсоюзами», сразу же замечаешь непреодолимую пропасть, коренное различие. Почему?

Во-первых, говоря о самостоятельном движении пролетариата и о его независимых организациях, Ленин всегда имеет в виду движение самого пролетариата, как класса в себе и для себя и те профессиональные организации, которые явля-

* В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 134, алб. изд.

** Там же, стр. 133.

ются «чисто-классовыми организациями»*, не манипулируемыми и не дирижируемыми «извне» (силами, партиями, группами, чуждыми пролетариату как с классовой точки зрения, так и с точки зрения идеологии, которой они руководствуются, или политических целей, которых они стремятся достичь).

Чтобы не было никакой двусмысленности в этом вопросе, Ленин ни разу не говорит о «самостоятельных организациях» в целом, вообще, а всегда уточняет: «самостоятельные классовые организации» пролетариата, «чисто-классовые организации» и призывает пролетариат «опираться только на силу своего класса».

Именно этого четкого и определенного классового критерия и не хватало у так называемых польских независимых профсоюзов. Их выдавали за «рабочие организации», и это факт, что в них вошли миллионы рабочих, однако в них рабочие и по своему классовому составу играли, как сказать, роль «публики», «галереи». Руководство организацией, бразды ее правления находились в руках совершенно чуждых пролетариату элементов, ультракапиталистических правых сил, реакционной интеллигенции, диссидентов, агентов Ватикана и империализма. Вначале эти силы казались «невидимыми», но постепенно стали все более и более открыто выступать в роли руководителей профсоюзных отделов, членов Координационного комитета «Солидарности», в роли советников, публицистов, рупоров и т.д. и т.п. Таким образом, пролетарской базой профсоюзов манипулировали и руководили непролетарские силы и даже классовые и идеологические враги пролетариата.

До какой степени так называемые польские

* В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 184, алб. изд.

независимые профсоюзы были «независимыми» и «пролетарскими», это показал, помимо всего другого, и первый съезд «Солидарности», проходивший в сентябре 1981 года. Из почти 900 делегатов съезда примерно только 20 процентов составляли рабочие, причем эти «20 процентов рабочих» составляли не столько рабочие, занимавшиеся непосредственно производством, сколько техническая интеллигенция, технократы и администраторы, связанные с производством, как и «рабочие», подобно Валенсе и др., давно порвавшие с производством и превратившиеся в профессиональных «руководителей» забастовок, демонстраций и беспорядков.

Во-вторых, а это самое главное, ленинская концепция о независимых классовых организациях пролетариата неразрывно связана с необходимостью определенной идеологии, а именно идеологии пролетариата, с марксизмом-ленинизмом. Вне этой идеологии любая организация может быть чем угодно и носить какие угодно «пролетарские» эпитеты, но классовой пролетарской организацией она быть не может. Именно это имел в виду Ленин, когда отмечал: «Будем усиленно работать в профессиональных союзах, будем работать на всех поприщах над распространением революционной теории марксизма в пролетариате и над созданием «твердыни» *классовой* организации»*.

Итак, какая идеология пронизывала и вдохновляла так называемые независимые профсоюзы в Польше?

Марксистско-ленинская идеология — нет. Это подтверждается не только тем, что после вступления Польши на путь капитализма там развернулась и идет общая жестокая кампания против марксизма-ленинизма, но и тем, что среди имеющих хождение в Польше ревизионистских, клерикальных,

* В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 186, алб. изд.

идеалистических, анархо-синдикалистских, плюралистических и т.д. теорий и идейных течений не слышно голоса марксистско-ленинских сил. Но что в этих организациях не было ничего марксистско-ленинского, это не нуждается в доказательстве. Сами лидеры профсоюзов открыто говорили об этом.

Однако, поскольку эти «пролетарские» профсоюзы не были построены на основе марксизма-ленинизма и не руководствовались им, то идеологию рабочего класса они, без сомнения, заменили какой-нибудь другой идеологией. Идеологического вакуума в обществе нет и быть не может. Поэтому, как и во всяком другом случае, и для польских профсоюзных организаций в идеологическом аспекте ставится не вопрос о том, «зависимыми» или «независимыми» были эти профсоюзы, а вопрос о том, какая идеология руководила ими. И поскольку, в конечном итоге, в обществе имеются только две идеологии: пролетарская и буржуазная идеология, и поскольку пролетарской идеологии там не было, то так называемые независимые профсоюзы были построены на основе буржуазной идеологии и руководствовались ею.

«... Вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет, ... — говорил Ленин. — Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое* *отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»*.

Это утверждение принципа в области теории находит свое конкретное выражение во всей практике последнего польского движения, а в его рамках — и в деятельности так называемых независимых профсоюзов. Правда, пролетариат выступил против

* В. И. Ленин. Избранные произведения, т. I, стр. 165, Тирана, 1973, алб. изд.

экономических трудностей, но буржуазная идеология, то прикрываясь маской анархо-синдикализма, то совершенно открыто, была и осталась единственным флагом, вдохновлявшим как движение, так и его главный «плод» — «независимые профсоюзы». Эти организации на каждом своем шагу особенно размахивали флагом католической церкви, религиозной идеологии.

Заявления о безграничной, абсолютной «независимости» — это большое надувательство пролетариата. Ими ультрареакционные силы скрывают тот горький факт, что в капиталистической Польше рабочий класс духовно зависит от чуждой ему идеологии, от враждебного ему класса.

В-третьих, понятие самостоятельных классовых организаций пролетариата Ленин всегда связывал с *руководящей ролью партии-авангарда*, с той силой, которая выходит из гущи самого пролетариата в качестве самого решительного представителя и защитника его интересов, его идеологии, всей его деятельности. Таковой является марксистско-ленинская партия. Только под ее руководством, только под ее знаменем движение пролетариата становится, по выражению Ленина, «чисто-классовым», а профсоюзные организации пролетариата — действительно «самостоятельными классовыми организациями пролетариата». Так понимал Ленин «независимость» и «нейтральность» профессиональных союзов в условиях эксплуататорского общества. Именно поэтому, и когда он говорил о «самостоятельности», всегда связывал ее с партией-авангардом, всегда ставил «самостоятельность» под «зависимость» партии-авангарда пролетариата. Вне этой «зависимости» или руководства нет и не может быть настоящей самостоятельности. «... Нейтральность профессиональных союзов, — отмечал Ленин, — *принципиально* отстаивать нельзя. Теснейшее сближение союзов с партией — таков

единственно верный принцип. Стремление сблизить и связать союзы с партией — такова должна быть наша политика...»*.

Связи между партией-авангардом пролетариата и профессиональными союзами Ленин рассматривал не просто как идейные связи, которые обязательно должны были привести к принятию профсоюзными организациями руководящей роли партии, а как постоянные, реальные, всесторонние связи — идейные, политические и т.д.

В долгой и жестокой борьбе со всякого рода оппортунистами и другими апологетами капитализма Ленин всегда решительно выступал против лозунгов о «беспартийных профессиональных союзах», об абсолютной «независимости» и «нейтральности» этих организаций. Не может быть и речи о нейтральности или беспартийности, — говорил он. Напротив, необходимость установления тесных связей профсоюзов с партией, необходимость упрочения этих связей признана вполне определенно.

Отсюда ясно, что, если исходить из позиций марксизма-ленинизма, то вопрос нельзя ставить так: «с партией» или «без партии», «партийность» или «беспартийность»; вопрос надо ставить так: под руководством какой партии, под флагом какой партийности организуется и действует та или другая общественная организация! Только в том случае, если такой партией и такой партийностью, которыми руководствуются и проникнуты профессиональные союзы, являются партия пролетариата и пролетарская партийность, речь идет о самостоятельных классовых профсоюзных организациях.

И наоборот, любая другая «самостоятельность», под какой бы маской и под каким бы соусом она ни преподносилась, была и остается для рабоче-

* В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 113, алб. изд.

го класса надувательством, попыткой увести это движение в сторону от верного пути и поставить на службу капиталу и реакции, то есть, подчинить его буржуазии.

Итак, был ли у польского пролетариата, организованного в так называемую Солидарность или в другие «самостоятельные» профсоюзы, субъективный фактор номер один, необходимый для того, чтобы быть действительно независимым, то есть своя марксистско-ленинская руководящая партия?

Нет! Тогда какая партия, какая организация руководила так называемыми свободными польскими профсоюзами?!

— Никакая партия! — заявляли вожаки «самостоятельных» и это они выдавали за доказательство своей подлинной «самостоятельности». Между тем это совершенно невозможно и несостоятельно во всех отношениях. «В обществе, — говорит товарищ Энвер Ходжа, — до тех пор пока продолжается классовая борьба, ни один человек, не то что организация, не может стоять над классами, над партиями, вне политики и вне зависимости от политики»*.

Это положение, эта истина относится и к так называемым самостоятельным польским профсоюзам, независимо от заявлений их вожаков и от того, *хотели или нет* этого польские пролетарии. Это подтверждается ходом событий в этой стране.

Пролетариат, учат классики марксизма-ленинизма, в силу своих экономических условий отличается от всех классов капиталистического общества наибольшей способностью к организации. Это относится к пролетариату любой капиталистической страны, следовательно, и к польскому пролетариату. Однако «объективная способность к организации»

* Энвер Ходжа. «Доклады и выступления» 1967-1968, стр. 171, алб. изд.

— это еще не все, она составляет лишь возможность, предпосылку, которая превращается в действительность не стихийно, не сама собой. Максимальная способность пролетариата к объединению, — говорит Ленин, — «реализуется живыми людьми, реализуется не иначе, как в определенных формах организации»*.

Так случилось и с миллионами польских пролетариев, способность которых к организации использовали и воплотили в жизнь «живые люди», то есть, *определенная сила, определенная организация.*

В отсутствие марксистско-ленинской партии эту роль, замаскированно или открыто, сыграла другая, не пролетарская партия. Так что польские «независимые профсоюзы» напрасно выдавали за «независимые», «беспартийные». Они во всей своей деятельности вдохновлялись, так сказать, руководствовались буржуазной партийностью, партийностью самой черной реакции.

Это подтвержденный историей факт, что ни одно профсоюзное движение не стояло вне политики, не было независимым от политических партий и групп. До сих пор все профсоюзные движения организовывались политическими партиями, вдохновлялись их идеологией, эти партии выступали их руководящей силой. Разоблачая взгляды о независимости профсоюзного движения, в своем труде «О задачах профсоюзов» В. И. Ленин отмечал: «Ни о какой «нейтральности» профсоюзов не может быть и речи. Всякая пропаганда нейтральности является либо лицемерным прикрытием контрреволюционности, либо проявлением полной бессознательности».**.

Но и здесь не следует опираться лишь на тео-

* В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 107, алб. изд.

** В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 442, алб. изд.

ретический аргумент. Сама польская действительность с каждым днем все больше и больше доказывала, что за «беспартийностью» «Солидарности» стояли и стоят буржуазная партийность, политические организации прозападной реакции. Они, в целях сохранения масок «беспартийности», вначале не проявляли себя, или, в лучшем случае, их представляли политические группы типа КОС-КОР-а, «Конфедерации независимой Польши» и т.д. Но со временем не только руководящие структуры «Солидарности», но вся эта организация показала, что она является не столько профсоюзной организацией, сколько организацией со всеми чертами политической организации. Как таковая она являлась конгломератом различных политических группировок польской буржуазии и реакции, самых различных течений и направлений буржуазной идеологии. Ее так называемый синдикализм был и остается средством привлечения на свою сторону пролетариата, мешающим ему видеть, что он бессознательно вошел в совершенно чуждую его целям и интересам организацию. Проект программы «Солидарности», опубликованный для «обсуждения» летом 1981 года, и Гданьский съезд этой организации, проходивший в сентябре того же года, многочисленными фактами наилучшим образом подтверждают это. Он был скорее съездом консолидировавшейся буржуазной политической организации, нежели съездом профсоюзной организации. Поэтому, как призывы к «нейтральности» в идеологии, так и призывы к «независимости» от любой политической партии являлись не чем иным, как призывами реакции как можно больше сбить с толку пролетариат, чтобы он был, как и до сих пор, в зависимости от буржуазных партий и, с другой стороны, не дать ему выдвинуть из своей среды свой авангард, свою марксистско-ленинскую партию.

Таким образом, так называемые независимые профсоюзы в Польше не были и ни в коем случае не могли быть независимыми организациями. Они являлись «независимыми» настолько, насколько являлся и является «социалистическим» в этой стране существующий строй. Единственная разница между этими двумя видами обмана состоит в том, что, если с обманом о так называемом социализме связаны интересы правящей ревизионистской клики и ее социал-империалистических союзников, то с обманом о «независимости» связаны интересы польской ультракапиталистической реакции, западного империализма и Ватикана.

Из этого выходит, что так называемая массовость как движения контрреволюционного духа, так и «независимых» профсоюзов в Польше была проявлением мещанского возбуждения разнородных масс, выражением временного торжества общественно-политической лжи. В истории известны подобные примеры, причем примеры не только вырождения определенных контингентов пролетариата, но, в отдельных случаях, и перехода их на службу трагическим махинациям и планам буржуазии и реакции той или другой страны. Но никогда и нигде миллионы завербованных под чужими флагами не служили аргументом для скрывания реакционного характера движения или организации, в которых они участвовали. То же самое надо сказать и об участии части польского пролетариата в так называемой Солидарности и ее действиях. «Массовость» «Солидарности» в сущности говорит о преувеличении размеров, о временной победе интересов и целей меньшинства (эксплуататорского класса), идущих вразрез с интересами масс, вошедших в эту организацию в результате обмана и демагогии. Обман, ложь и демагогия на один момент создали впечатление, будто все, что говорили и требовали реакционные главы организации, полностью отвечали

интересам рабочего класса и трудящихся масс. Призрак Прудона и его сентенция, золотое изречение оппортунизма, доктринерского, мелкобуржуазного социализма «строить социализм, не затрагивая частной собственности», преобладали в деятельности «Солидарности» и в жизни всей Польши. Но именно потому, что массовость «Солидарности» означала временную победу интересов меньшинства, участие масс в ней было и остается преходящим явлением. Как мы увидим ниже, горькая действительность на каждом шагу доказывала польским пролетариям, что они зашли в тупик, что так называемая профсоюзная независимость им была предоставлена с тем, чтобы они помогли прозападной контрреволюции осуществить ее сценарий. Такой была и так называемая великая культурная революция в Китае. Разве не попытались различные кланы внутри китайского руководства прагматически использовать миллионы хунвэйбинов («красногвардейцев») с таким расчетом, чтобы они играли на руку китайскому имперскому дворцу?!

ЗАЧЕМ НУЖНА РЕАКЦИИ «ПРОФСОЮЗНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ» В ПОЛЬШЕ?

Теория о нейтральности — это идеологическая оболочка... буржуазных тенденций.

ЛЕНИН

Ультракапиталистическая польская реакция, всячески поддерживаемая и вдохновляемая запад-

ной реакцией, прочно ухватившись за «синдикализм» и выступая «защитником прав рабочих», добивалась и добивается одновременного осуществления нескольких целей.

Самой главной неотложной целью ее была и остается политическая цель — взятие власти. Несмотря на то, что за эти два-три десятилетия реакция эта окрепла и организовалась, все равно она не могла лишь «своими собственными силами» добиться цели.

Теперь, когда ей удалось ввести в заблуждение и привлечь на свою сторону большие контингенты пролетариата и масс, ей было легче достичь своей цели. «Слившись» с профсоюзными организациями, прикрываясь ими и в то же время руководя ими, прозападная реакция с объединенными силами миллионных людей противопоставилась ревизионистской власти в качестве серьезной оппозиции.

Еще в то время, когда «независимые профсоюзы» не были легализованы, АПТ, точно предусмотрев эту их главную цель, в статье от 7 сентября 1980 года писала: «Разумеется, что «свободные профсоюзы» вначале будут стараться осуществлять «самоуправленческие» функции на предприятиях, на фабриках и заводах, словом, попытаются захватить экономическую власть. Они будут распространять свою деятельность и на деревню, где попытаются сплотить вокруг себя все существующие там мелкие предприятия или цехи в целях «самоуправления». Они будут использовать также позволяемые законом забастовки для оказания давления на централизованную бюрократическую власть и для захвата политической власти».

11 ноября 1980 года сами лидеры «Солидарности», приветствуя узаконение своей организации заявили: «Чувствуем свою ответственность перед гражданами за будущее Польши»⁷⁶.

Слишком уж большая претензия для «чисто

профсоюзной» организации. Однако заявление это было вызвано не какой-либо эйфорической наивностью. Напротив, оно раскрывало сущность стремлений тех, кто создал «Солидарность», главным образом как политическую организацию — с ее помощью захватить власть в Польше. Те же лидеры польского ревизионизма, которые вначале «приветствовали» эту организацию, назвав ее «реальной силой, призванной вывести Польшу из кризиса», позднее были вынуждены признать, что «Борьба «Солидарности» — это не оказание нажима на власть. Это уже борьба за власть»⁷⁷.

В 1981 году эта сущность стала еще более очевидной. Если в первый период после создания «независимых профсоюзов», чтобы «заманить» рабочих, они чаще всего выступали с сиюминутными экономическими требованиями (повышение зарплаты, снижение цен, сокращение рабочего дня), то позднее требования «Солидарности» приняли явно политический характер (права на установление контроля над рынком, на «самоуправление» предприятий во всех отношениях, на назначение и снятие руководящих кадров на предприятиях, на издание новых законов только с «одобрения» «независимых» профсоюзов, призывы к бойкоту Сейма в случае неодобрения их требований, призывы к избавлению от русской зависимости и переход Польши в зависимость от капиталистического Запада и т.д. и т.п.

Выступи реакция с этими требованиями «сама», как «самостоятельная сила», вряд ли она имела бы успех, впрочем она не осмеливалась бы на это. Но теперь, когда она выступала с «позиций» рабочего класса и говорила «от его имени», ее голос внушал правящей клике ужас и «уважение». В таком строе, который объективно все время разжигал недовольство и возмущение, степень обмана и идейно-политической манипуляции массами, особенно

в 1981 году, была настолько высокой, что «независимые массы» по первому сигналу и призыву лидеров готовы были не только запереть заводы и другие предприятия, но и сделать все, что им наказывали.

Одним словом, они служили в руках этой группировки польской буржуазии пушечным мясом, средством захвата власти у ревизионистской клики. И в самом деле, благодаря поддержке таких контингентов обманутых людей, смелость и стремление ультрареакционных сил к престолу нарастали по мере усиления разброда и беспорядков в стране. Яркое свидетельство тому — период с сентября до первых чисел декабря 1981 года. Теперь речь не шла об установлении «контроля над рынком»; «Солидарность» стремилась взять под контроль экономику вообще через «комитет», наделенный компетенциями отменить даже и постановления ревизионистского правительства; если раньше говорили о бойкоте Сейма, то позднее совершенно без обиняков стали говорить о новых выборах в Сейм, в котором «Солидарность» стремилась занять, если не все места, так большинство их; если раньше говорили о «новых законах», то позднее стали говорить о «новом законодательстве» и т.д. и т.п. Стремление «Солидарности» захватить власть открыто обнаружилось на сессии так называемой Национальной комиссии Солидарности, состоявшейся 11 декабря 1981 года в Гданьске. Попыткам ревизионистского правительства выйти из кризиса с помощью предложений о «соглашении» и «сотрудничестве» было противопоставлено требование «сформировать временное правительство экспертов, а затем провести чрезвычайные выборы в Сейм и другие органы»⁷⁸. Последний шаг был сделан. Партия и правительство, которые полтора года, проявляя слабость, сделали так много уступок, что больше не в чем было уступить, казалось бы, вы-

нуждены были принять референдум и провести внеочередные выборы, которых требовали лидеры «Солидарности». В таком случае победа была бы за прозападными силами. Ведь на их стороне были массы, то есть голоса.

Казалось, будто прозападные реакционные силы точно рассчитали все и выбрали самый подходящий момент для этого решающего шага. Приближалось 14 декабря, годовщина кровавых событий, разыгранных в декабре 1969 года в Гдыне и Гданьске. Создалось такое впечатление, что, если тогда все кончилось поражением, то 14-ое декабря 1981 года передаст трон ультрареакционному клану. Политическая «Солидарность» рвалась к власти. Однако она, как козел из сказки, забыла, что кроме «предложения» стать священником в деревне, она должна была заполучить также «благословение» волка. Забыла она, что волк, даже если у него остается лишь один зуб, остается волком, так что он яростно завоет:

— Ты станешь священником только в том случае, если я разрешу!

13 декабря 1981 года ночью был нанесен сокрушительный удар. Впрочем это другой вопрос. В основном он относится к борьбе за власть между главарями двух проявлений контрреволюции. Речь тут шла о той части польского пролетариата, которая, справедливо возмущившись существующим строем, будучи обманутой, включилась в так называемые независимые профсоюзы, то есть сама того не понимая, включилась в борьбу за власть, однако не за свою власть, а за власть своих классовых врагов.

В то же время зная «независимого синдикализма» нужно было и еще нужно ультракапиталистическим силам в качестве политического знамени для будущего, для того времени, когда они думают, что смогут взять власть. А поскольку их власть,

(конечно, если волк даст козлу стать священником) в сущности будет такой же, что и нынешняя, но с другими людьми и с рядом типически капиталистических реформ, то опасность снизу, со стороны пролетариата, со стороны масс будет всегда существовать. В этом аспекте сохранение и в то время знамени «независимых профсоюзов» послужит реакционным силам, помимо всего прочего, маской, подходящей находкой, «позволяющей» массам «бороться» в рамках буржуазного синдикализма, то есть, утомиться в небольших схватках до изнеможения, до такой степени, что им трудно будет организовать и включиться в великие, сокрушительные битвы.

Итак, наряду с неотложной политической целью, посредством ложного флага «независимости» ультракапиталистическая польская реакция вела и продолжает вести ту игру, которую вела буржуазия всех времен: *сдерживать революционный дух пролетариата, сбить его с пути и дезориентировать его в своих интересах.* Польской реакции хорошо известна чрезвычайно опасная роль пролетариата и масс и в тех случаях, когда они, манипулируемые реакцией, поднимаются на сокрушительные действия против существующего строя.

Пролетариат и народные массы, поднимающиеся на борьбу потому, что не могут дальше терпеть существующего положения, в моменты решающих побед могут заметить, что и те, которые управляют движением, являются такими же реакционерами, что и противная сторона, поэтому в таких случаях достигнутая победа может побудить возмущенные массы свергнуть и новое ярмо, стремящееся сменить первое, то есть, в данном случае, и ярмо ультракапиталистических сил.

«Поэтому, — говорит Ленин, — буржуазия всеми силами стремится к тому, чтобы пролетариат удовлетворился «скромной» ролью..., чтобы он был

трезвеннее, практичнее, реалистичнее, чтобы его деятельность определялась принципом: «как бы не отшатнулась буржуазия»»*.

Зная «независимого» профсоюзного движения как нельзя лучше подходит этому буржуазному принципу и этому стремлению польской реакции.

Ограничивая борьбу пролетариата рамками профсоюзного движения и «укрепляя» это движение идеей «независимости», польская буржуазия прозападного крыла делает не что иное, как пресекает путь всеобщей народной революции, заменяя его путем манипулированного ею синдикализма.

Особенно при нынешних условиях, когда перед пролетариатом капиталистических и ревизионистских стран стоит задача совершения пролетарской революции, буржуазия и реакция придают большое значение этой игре. Западная реакция замечает и чувствует, что как в ее странах, так и в странах, где к власти пришли ревизионисты, возможности бороться снизу против правящих клик — большие.

Поэтому тысячами способов, тысячами видимых и невидимых нитей реакция приводит в действие своих агентов — «профсоюзных деятелей» таких, как Валенса, Буяк, Курон, Мишник. Используя бесконечное множество гадостей, совершенных ревизионистскими кликами, они выступают перед обманутыми и возмущенными рабочими и берут на себя задачу указать им «путь пресечения несправедливостей»! Что это за путь — известно: движение «независимых профсоюзов», требование «прав на забастовки», требование «экономических реформ» и т.д. и т.п. Следовательно, что касается его интересов, то пролетариат должен

* В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 126, алб. изд.

действовать только в рамках синдикализма, не делая ни одного шага вне его.

Это значит полностью поставить профсоюзные организации на службу буржуазии, ибо, как подчеркивает Маркс, «... они терпят неудачу, поскольку ограничиваются партизанской борьбой против следствий существующей системы, вместо того чтобы одновременно стремиться изменить ее, вместо того чтобы использовать свои организованные силы в качестве рычага для окончательного освобождения рабочего класса, то есть окончательного уничтожения системы наемного труда»*.

Другой целью, которой польская реакция хотела достичь (и которой она достигла) посредством флага «независимых профсоюзов», является *дальнейший раскол и одурманивание рабочего класса и трудящихся масс в Польше.*

Давая оценку брошюре А. В. Луначарского, в которой защищались марксистские взгляды на «нейтральность» профсоюзов, Ленин упрекает сторонников «нейтральности» или «независимости» профсоюзов в четырех больших извращениях, опасных для рабочего класса и его партии-авангарда:

1) «Анархическая рассыпчатость организации»; 2) нервное взвинчивание рабочих вместо создания прочной «твердыни классовой организации»; 3) мелкобуржуазно-индивидуалистические черты идеала и прудоновской теории; 4) нелепое «отвращение к политике»**.

Рассматривая в свете этого положение польских профсоюзов как в 1980-1981 годы, так и в нынешнее время, кажется, будто эти слова относятся именно к ним. Конкретно:

— «Анархическая рассыпчатость организации».

* К. Маркс. «Заработная плата, цена и прибыль», стр. 98, Тирана, 1972, алб. изд.

** В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 185, алб. изд.

Выдвинутый реакцией лозунг о «независимых профсоюзах» окончательно подорвал прежнее, совсем формальное, «единство», ревизионистских официальных профсоюзов.

Сознательный, революционный пролетариат бросает ярмо профсоюзов, манипулируемых партией реакции, отнюдь не для того, чтобы заменить его ярмом одного или нескольких профсоюзов, манипулируемых другими партиями или группами реакции. Смена ярма никогда и нигде не приносила ничего доброго, а лишь еще больше ухудшала положение. Это было подтверждено и в Польше.

За короткий период пролетариат там порвал с манипулируемыми ревизионистами официальными профсоюзами, и вместо них (или параллельно с ними) были созданы так называемые независимые профсоюзы. Ревизионисты у власти, глубоко встревоженные этой эпидемией, приложили все свои силы, чтобы сохранить то, что можно было сохранить. В своих выступлениях они «осуждали» наблюдавшиеся в линии официальных профсоюзов «ошибки», сняли с занимаемых постов некоторых из главарей новой ревизионистской аристократии, провозгласили реорганизацию «социалистических» профсоюзов, пытаясь в то же время держать в узде определенные контингенты рабочих. Согласно официальной польской печати, в 1981 году эти «официальные» профсоюзы насчитывали два-три миллиона членов против девяти-десяти миллионов в так называемых независимых профсоюзах. Однако этот процесс не мог прекратиться. Несмотря на то, что силы ультракапиталистического крыла, манипулировавшие так называемыми независимыми профсоюзами, относительно своих главных политических целей обладали единством, внутри них, как это обычно происходит с буржуазией и реакцией любой капиталистической страны, существовали различные группировки и течения с

противоположными интересами и тенденциями. Свидетельство тому — также борьба за дальнейший раскол и манипуляцию польским пролетариатом.

Не все так называемые отделения «независимых профсоюзов», созданные после сентября 1980 года, объединились в главную организацию, получившую название «Солидарность». Добрая часть «независимых» была поставлена под зависимость так называемой «Конфедерации автономных профсоюзов», которая, как говорили тогда, насчитывала в своих рядах около 700-800 тысяч членов; другие контингенты пролетариев и трудящихся «были организованы» в другие группировки.

Итак, польским рабочим классом и польскими трудящимися, точно как в западных капиталистических странах, манипулировали шесть или семь профсоюзных организаций: «Солидарность», «Координационная Комиссия дочернего профсоюза» (около двух-трех миллионов членов), «Конфедерация автономных профсоюзов» (около 800 000 членов), «Профсоюз частных ремесленников Польши» (около 40 000 членов), «Профсоюзы работников коммунального хозяйства», «Центральный союз сельскохозяйственных областей и организаций крестьян-единоличников», «Крестьянская Солидарность» и другие. Главное место среди них занимала «Солидарность». Посредством демагогии и обещаний и используя ненависть польского рабочего класса к существующему ревизионистскому строю и к ревизионистскому Советскому Союзу, политическим силам, руководившим этой организацией, удалось привлечь на свою сторону большую часть польского рабочего класса. «Солидарность» имела свои отделения во всех 49 районах Польши, и охраняемые государством рабочие помещения; более того, в ее рядах состояли более миллиона членов ПОРП, которая с самого начала

дала санкцию на издание крупноформатного еженедельного органа этой организации, журнала «Солидарность», выходявшего в 60 000 с лишним экземпляров, не считая десятков других периодических органов и около 2 000 книг, брошюр, манифестов, листовок и т.д., издававшихся «центром» или районными отделениями. В то же время, особенно в 1981 году, в адрес «Солидарности» и ее районных отделений поступили новая «помощь» и новые «подарки» от империалистического Запада: сверхсовременные телевизионные станции, радио- и телексыные станции, которые начали пропагандировать деятельность организации и ее реакционных главарей, не говоря уже о специальных передачах центрального польского телевидения и официального ревизионистского радиовещания, ежедневно освещавших эту деятельность.

Подчеркивая этот раскол, отнюдь не хотим сказать, что было бы «лучше», если бы все были включены в какую-либо из этих так называемых профсоюзных организаций. Каждая из них одинаково чужда коренным интересам пролетариата, каждая из них служит орудием либо в руках различных группировок прозападной реакции, либо в руках просоветских польских ревизионистов. Создав ситуацию столь большой рассыпчатости и раскола, внутренняя и внешняя реакция лишь еще больше облегчила манипуляцию и заблуждение польского пролетариата с тем, чтобы он не обладал сплоченностью, ибо в таком случае можно легче, в зависимости от хода событий и конъюктур, противопоставить определенные контингенты пролетариата другим контингентам. Необходимо сбросить ярмо всех имеющихся в Польше профсоюзных организаций.

— *«Нервное взвинчивание рабочих...»* Весь пройденный период, в особенности с момента официального признания «независимых профсоюзов»,

дает сотни примеров, свидетельствующих о том, как польскому пролетариату, у которого не было ни единства, ни последовательного руководства, приходилось и приходится непрерывно предпринимать необдуманные действия анархо-синдикалистского характера. Но того, чего он хотел достичь посредством этих действий, фактически не достиг. «Вину» за это возлагали и возлагают то на одних, то на других. Лидеры профсоюзов взваливали вину на польское правительство, которое, со своей стороны, все это ставило в вину «ультра», руководившим профсоюзами; одна сторона считала причиной неудач непрекращавшиеся забастовки, другая сторона стояла за проведение забастовок на каждом шагу и т.д. и т.п. Таким образом, прежнее разочарование перерастало в отчаяние, а эта обстановка возбуждала и возбуждает людей, вызывая непрерывные распри и конфликты не только между рабочими и ревизионистскими властями, но и между отдельными рабочими группами и организациями.

Таким образом, существующий среди польских рабочих большой раскол усиливается, становясь барьером на пути к их организации в будущем в чисто классовые организации, в организации, ничего общего не имеющие ни с просоветской, ни с прозападной реакцией.

В нынешних условиях Польши еще больше и еще ярче выкристаллизовывается то, что Ленин называет *мещански-индивидуалистическими чертами идеала* и нелепым «отвращением» к политике.

Как известно, со времени появления на сцене современных ревизионистов погоня за прибылью, борьба за «более легкую жизнь», «изобилие» и т.д. постепенно стали идеалами жизни и деятельности обыкновенного поляка. На осуществление именно этих «идеалов» ориентировали пролетариат,

к этому побуждали его современные ревизионисты с целью отвлечь его внимание от совершившейся измены. Однако, если вначале эта демагогическая линия ревизионистов имела успокоительный эффект, то позже она должна была превратиться для них в бумеранг. Реставрированный капитализм неизбежно посягнул на то, что преподносилось массам как «святые идеалы» — на обещанную прибыль, изобилие и т.д. Поэтому и «аполитизированные» пролетарии, если не встали на баррикады, когда у них захватили власть, то они должны были включиться (и фактически включились) в забастовки и демонстрации, увидев, что не только не осуществляется ни одно из данных обещаний, но всеобщее положение еще больше ухудшалось. В силу мещански-индивидуалистических черт идеала такие элементы проявляют большую чувствительность, когда ущемляется их карман, когда повышаются цены, когда опустошаются магазины. В таких случаях они готовы всколыхнуть всю страну. Однако почему в магазинах нет товаров, почему жизнь ухудшается, почему нет обещанного изобилия и т.д. и т.п., то об этом они и знать «не хотят». Такие элементы не хотят заниматься ни выявлением глубоких причин такого положения, ни нахождением способов и путей выхода из этого трудного положения. Пусть этим занимаются политики, лидеры! Они не хотят «заниматься» политикой, у них чувство «отвращения» к политике. Между тем это «отвращение» к политике являлось и является ничем иным, как полным включением в политическую деятельность, но не в политическую деятельность класса, а в политическую деятельность буржуазии. Как подчеркивал Ленин, «... тактика, сводящаяся к отрицанию политической борьбы, разъединяет пролетариев и превращает их на деле в пассивных участников той или иной буржуазной политики, ибо настоящее отстранение от полити-

ки для рабочих невозможно и неосуществимо»*.

На самом деле так и происходит: если раньше часть польских пролетариев своим «отвращением» к политике стала добычей ревизионистской политики, то позже она стала добычей ультразападной реакции и играла ей на руку. «Независимый синдикализм» явился новым флагом, под которым они рассчитывали идти по пути «прибыли» и «изобилия». Посредством этого флага западная и польская реакция делали и делают все возможное, чтобы проникнуть в другие ревизионистские страны и в особенности в Советский Союз, чтобы создать и там, в давно подготовленной самими ревизионистами почве, то положение, которое до основания трясет Польшу.

Пролетариату этих стран, страдающему под игом ревизионистской буржуазии, западная реакция преподносит флаг «независимых профсоюзов» в качестве «наилучшего» и «надежнейшего» пути к избавлению от постигших его несчастий, указывая ему при этом на «завоевания» польского пролетариата!

Ревизионистские власти этих стран еще больше охвачены страхом и смятением. С тех пор как пришли к власти, они живут и будут жить до конца в страхе перед возможностью вспыхивания в своих странах революции, которая, несмотря на зигзаги, приливы и отливы, манипуляцию или репрессивные меры, принимаемые с целью предотвратить ее, в один прекрасный день обязательно вспыхнет. Между тем, кроме пролетарской революции, современные ревизионисты устрашаются ныне и своего контрреволюционного соперника, потрясшего всю Польшу, ибо он, правда, не свергает существующую капиталистическую систему, но зато стремится сменить собою просоветские контрре-

* В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 67, алб. изд.

волюционные правящие группы. «Польский пример» не был ни случайностью, ни «изолированным явлением». Он был следствием тех же основных условий и факторов, которые имеются и в других странах, где правят ревизионистские клики. Они тоже могут быть поражены польской эпидемией, поэтому они, делая все возможное, чтобы предотвратить революцию, в то же время делают все возможное и для сохранения статус-кво в своих странах и для ограждения их от угрозы вспыхивания прозападных контрреволюционных выступлений. Помимо невиданной интенсификации репрессий и террора, современные ревизионисты привели в действие всю свою пропагандистскую машину с целью дальнейшего одурманивания пролетариата и трудящихся и отравления их сознания в своих интересах. Внезапный удар, нанесенный в декабре 1981 года польским «независимым» профсоюзам, тоже был одной из принятых ревизионистской реакцией мер к «спасению» не только Польши, но и остальных стран «содружества» от эксперимента «Солидарности».

Как бы то ни было, условия в этих странах таковы, что польское явление может быть распространено и воспринято заблудившимися контингентами пролетариата и трудящихся масс. Однако существует и другая возможность: польский эксперимент может быть дискредитирован в глазах всех тех, кто питает иллюзии о возможности «спасения» путем «независимого синдикализма». Удар, нанесенный «Солидарности» 13 декабря 1981 года, убеждает и еще больше убедит как польский пролетариат, так и пролетариат других ревизионистских стран, в том, что путь, на который он встал под эгидой «независимого синдикализма», не является и не может быть воистину спасительным путем. Его не спасет также повиновение правящим ревизионистским кликам, чего усиленно требуют

в качестве «спасительной альтернативы» как Ярузельский, так и андроповы с компанией. Единственным правильным и надежным путем к спасению были и остаются организация и совершение пролетарской революции. Последние польские события показывают, что пролетариат в Польше держал в узде и вдохновлял чуждый ему класс, а эта узда не давала — да и не могла давать — ему организовать и вооружаться великим искусством революции. Факт то, что после 13 декабря 1981 года польский пролетариат оказался сбитым с толку, неорганизованным, без руководства, без самых простых элементов правильной стратегии и тактики, столь необходимых в таких случаях.

Но даже если бы движение, в котором он принял участие, увенчалось успехом (даже и если в будущем «Солидарность» возродится и ей удастся взять власть в свои руки), то все равно для пролетариата это было бы путем утраченных иллюзий. Ведь после первого пыла, после первого «энтузиазма», вызываемого любым иллюзорным знаменем и любым иллюзорным путем, реальная действительность всегда ставит перед пролетариатом вопрос: Что же ты выиграл и что выигрываешь новым путем, «новым флагом», под который ты встал?

Уместно было бы рассмотреть это в свете более чем однолетнего опыта, приобретенного польским пролетариатом в период «процветания» «Солидарности».

КАКИЕ «ПОБЕДЫ» ПРИНЕСЛА ПОЛЬСКОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ «ПРОФСОЮЗНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ»?

За чечевичную похлебку теперешним полицейским законом разрешенных организаций продали право пролетариата на революцию.

ЛЕНИН

Миллионы польских пролетариев и трудящихся, несмотря на то, что были манипулированы и обмануты идеологией и силами реакции, включились в движение и вошли в «независимые» организации в надежде на то, что этим будут осуществлены и удовлетворены их многочисленные и законные чаяния и требования. Итак, что же им принесло активное участие в этом движении и в этих организациях?! А участвовали они в них полтора года.

После первой «победы», допущения «независимых» профсоюзных организаций, которые, как мы увидели, совсем не являются независимыми, одной из других наиболее крупных «побед» было названо:

«Право на забастовки»

Как ультракапиталистические силы в Польше, так и западная реакция, в том числе и еврокомму-

нисты, рекламировали и рекламируют это «право» как «великое» достижение польских пролетариев и как «пример» для пролетариата других бывших социалистических стран. Учитывая также восторг злейших душителей забастовок и всякого рабочего движения, как и «поддержку», оказанную ими польским пролетариям, стоит хотя бы мимоходом кое-что сказать об этой разрекламированной «победе».

Марксисты-ленинцы всегда были и остаются самыми пламенными и откровенными сторонниками и защитниками забастовочного движения пролетариата буржуазно-ревизионистских стран, они всегда считали их одной из форм классовой борьбы пролетариата, помогали и помогают вести их правильным путем, в интересах осуществления сиюминутных и перспективных требований и задач всякого рабочего движения.

Это положительное отношение к забастовочному движению вообще, эта поддержка их в принципе основаны на строго классовом критерии:

Во-первых, каким флагом, какой идеологией вдохновляется данное забастовочное движение, кто руководит им, чьи интересы оно защищает?

Во-вторых, каков диапазон требований, предъявляемых данным движением, до какой степени переплетаются экономические требования с политическими и идеологическими требованиями?

Те, кто манипулировал данным движением в Польше, тесно «переплетали» и «переплетают» экономические требования (повышение зарплат, сокращение рабочего дня, снижение цен и т.д.), с политическими и идеологическими требованиями («независимые профсоюзы», «право на забастовки», «партнерство» в органах власти, полное право вероисповедания, политический и идеологический плюрализм, освобождение политических заключенных,

снятие цензуры, и т.д. и т.п.). Однако даже беглый анализ этих требований сразу же убеждает в том, что ни одно из этих требований политического и идеологического характера не в интересах пролетариата. Наоборот, все политические и идеологические требования нынешнего польского движения являются требованиями ультракапиталистической реакции. Они отвечают планам и интересам одной группы контрреволюционеров, находящейся в соперничестве и в борьбе за власть с другой группой контрреволюционеров.

В нынешнем забастовочном движении, в котором он принял участие, пролетариату не осталось ничего другого, кроме «чисто экономической» части движения, которая не могла принести ему ничего другого, кроме (в лучшем случае) удовлетворения некоторых сиюминутных требований, требований дня — кое-какого улучшения нынешнего положения. Такое участие никак не могло создать условия, могущие привести пролетариат к коренному изменению своего социально-экономического положения.

Марксисты-ленинцы всегда считали и считают, что следует поддерживать также экономическую борьбу профсоюзных организаций, так как она тоже имеет значение и является одной из известных форм классовой борьбы, низшей ее формой. Однако подлинное профсоюзное движение никогда не должно отделять экономические требования от социальных и политических требований. Наоборот, путем постоянной политической борьбы, которая всегда должна быть на подъеме и направлена на осуществление конечной цели пролетариата, создаются условия для успешного исхода борьбы за экономические и социальные требования. В противном случае, — «ведя одну экономическую борьбу, — подчеркивал Ленин, — рабочий класс ... изменяет

великому завету: «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих»»*.

Конечно, когда говорим, что польский пролетариат борется за «чисто экономические» требования, мы имеем в виду то, что в нынешнем движении связано с ним как с классом, с его интересами. Ибо, как мы уже говорили, в целом, движение, в которое он включился, является в первую очередь политическим движением, а политическая «часть» его не принадлежит пролетариату, она происходит не с позиций пролетариата и не в интересах пролетариата. Она является политическим движением прозападной польской реакции, и пролетариат принимает в нем участие в качестве «пушечного мяса». Так что даже и если бы движение это увенчалось успехом, то его львиной долей, политическими завоеваниями, а стало быть и экономическими, воспользовались бы те партии и те части польской буржуазии и реакции, которые дирижировали и манипулировали забастовками, то есть, польская буржуазия, связанная с западным капиталом и Ватиканом

В-третьих, какое место занимает данное забастовочное движение среди множества самых развитых форм классовой борьбы пролетариата, до какой степени эта форма рассматривается как первый подготовительный шаг к высшим формам революции, сочетается ли и как сочетается забастовочное движение с высшими формами борьбы?

Это факт, что, рассматриваемое сквозь призму марксизма-ленинизма, забастовочное движение в Польше как до 13 декабря 1981 года, так и позже, ограничивалось рамками чисто забастовочного движения в качестве единственной формы классовой борьбы, рекомендуемой и «дозволенной» пролетариату для «разрешения» своих проблем. Оба

* В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 429, алб. изд.

крыла контрреволюции задавались и задаются одной единственной целью: никак не допустить, чтобы пролетариат вышел за рамки забастовочного движения, то есть, по выражению Ленина, вне «скромной», «практичной», «реалистичной» роли в движении.

Даже и после событий 13 декабря 1981 года, когда не только забастовки, но и любые выступления протеста были запрещены законом, те вожаки «Солидарности», которым удалось спастись от первой волны арестов, призывали пролетариат лишь к «забастовкам» и «готовности к забастовкам». При этом ультрареакционных главарей беспокоила не возможность кровопролития в случае открытого столкновения с ревизионистской армией и полицией. Нет! Это факт, что современные ревизионисты и с самыми «образцовыми» забастовками после 13 декабря обращались с той же жестокостью, против них использовали те же средства и те же методы, к которым они прибегли бы в случае жестоких столкновений. Главари реакции ограничивали движение рабочих, (только рабочих) рамками забастовок потому, что боялись не кровопролития, а «чрезмерного» революционизирования пролетариата, которое, как говорил Ленин, в моменты важных поворотов часто становится весьма опасным, а в данном случае оно становится опасным как для ревизионистской власти, так и для ее контрреволюционного соперника.

Однако включить пролетариат в такое движение, которое считается «первым и последним шагом», это значит лишить его всякой перспективы на предстоящем длинном пути, переутомить и дезориентировать его действиями, фактически ничего существенного не меняющими в его положении. Совсем иначе смотрят на этот вопрос марксисты-ленинцы. Рассматривая забастовочное движение как одну из многочисленных форм классовой борьбы,

они в то же время подчеркивают, что эту начальную форму нужно продвигать дальше вперед, она должна служить школой, где пролетариат, сталкиваясь с буржуазией у власти и со всей реакцией, должен подготавливаться и организоваться для самых великих предстоящих битв. «Гимнастика революции» — так называл Маркс забастовочное движение. Он, как и его сподвижники и продолжатели его дела, Энгельс, Ленин и Сталин, всегда подчеркивал необходимость сочетания самых различных видов забастовочного движения с другими формами классовой борьбы, необходимость его продвижения вперед, к наивысшим формам, к вооруженному восстанию, к революции. Между тем эта перспектива не только отсутствовала и отсутствует, но и закрывается перед польским забастовочным движением, которое совершенно чуждо интересам пролетариата, так как не проходит под его законным знаменем.

В истории рабочего движения были и такие случаи, когда рабочий класс, как говорит Энгельс, брался за оружие *«с полным сознанием того, что по своим непосредственным целям это не его собственная борьба»**. И тем не менее классики марксизма-ленинизма считали такую борьбу правильными тактическими действиями рабочего класса. Однако этого нельзя сказать о последнем движении в Польше, в котором пролетариат сыграл особую роль. Почему?

В первую очередь, наше время коренным образом отличается от того первого периода развития рабочего движения, о котором говорит Энгельс.

Более того.

Говоря о таком явлении, Энгельс подчеркивал, что пролетариат сознавал, что включался в чуждое

* Ф. Энгельс. «Революция и контрреволюция в Германии», стр. 164, алб. изд.

ему движение, тогда как польский рабочий класс в 1980 году включился в контрреволюционное, то есть антирабочее движение, считая его своим собственным движением.

Наконец, рабочий класс *может включиться* в борьбу с сознанием того, что это не его борьба лишь в том случае, если это *служит ему тактическим приемом*, помогающим достижению *определенных важных целей*, например, когда он осознает, что это движение, хотя оно и не его собственное движение, устранил ряд препятствий на его пути к установлению политического господства и к социальной революции, или когда это чуждое ему движение создаст рабочему классу свободное поле для борьбы за его собственные интересы* и т.д. и т.п.

Включившись в последнее забастовочное движение, польский пролетариат не ставил себе ни одной из этих и других им подобных целей. Именно по этой причине, помимо других причин, это движение совсем чуждо интересам и положению пролетариата, как класса.

Однако, поскольку само движение чуждо интересам и стремлениям пролетариата, и «великая победа», узаконение «права на забастовки», в данном случае, нисколько не является победой для пролетариата.

В конце концов, «право» подняться на забастовки пролетариату дает не закон, это право ему неизбежно дает эксплуатация и угнетение, которым он подвергается, дают социально-экономические несправедливости, непрерывно порождаемые капиталистическо-ревизионистским строем.

Поэтому узаконение в принципе «права на забастовки» в Польше является не столько победой

* См. Ф. Энгельс. «Революция и контрреволюция в Германии», стр. 163-165, алб. изд.

для пролетариата, сколько победой для обоих крыльев контрреволюции. «Право на забастовки» дало возможность силам ультракапиталистического крыла взять в свои руки одно из средств борьбы пролетариата и применить его, как и применили, от имени пролетариата в своей жестокой игре за власть.

Это подтверждается двухлетним периодом со времени начала волнений. Как мы уже говорили, вначале и в первый период легальной жизни «Солидарности» забастовочное движение выдвигало в основном чисто экономические требования (повышение зарплат, «выходные субботы» и т.д.). Но чем больше крепили позиции ультракапиталистических сил, тем чаще «Солидарность» показывала свою подлинную физиономию уже не как профсоюзная организация, а как политическая организация в руках реакции. После этого чисто экономические требования также начали снимать с повестки дня и все больший приоритет получали требования политического и идеологического характера. «Экономическая» фаза движения явилась приманкой для того, чтобы «удовлетворить» и обмануть пролетариев и пощупать пульс правителей — увидеть, насколько они были готовы к уступкам. После этого, то есть после того, как вожаки показали свою «прорабочую» настроенность и убедились в слабости ревизионистских правителей, для них настало время более открыто выступить со своей платформой.

Фактом является то, что прозападные силы, руководившие движением, сталкиваясь с сопротивлением существующего строя на пути к осуществлению того или другого политического шага контрреволюции, всегда приводили в *действие оружие* забастовки. Так произошло, когда речь шла об официальном одобрении «профсоюзной независимости», о признании «Солидарности» партнером

правительства при одобрении «новых законов и реформ», при решении вопросов о «цензуре», о «Крестьянской солидарности», об «освобождении политических заключенных», о снятии с постов ревизионистских руководителей различных рангов и замене их другими, приемлемыми для «Солидарности» людьми, и т.д. и т.п. «Забастовку «Солидарность» использовала как форму давления. Тактика переговоров под угрозой забастовок была самым излюбленным методом»⁷⁹, — с глубоким сожалением признал секретарь ЦК ПОРП К. Барциковский на одном из состоявшихся в этот период бесконечных пленумов ЦК.

Итак, с оружием забастовки, являющимся одним из средств борьбы пролетариата, ультрареакционные силы в Польше рвались к власти. Они превратили это средство борьбы в «забастовочную эпидемию», а этим не только обеспечили бесконечные уступки в политической и идеологической областях, но и довели польскую экономику до состояния беспрецедентного банкротства. Казалось, будто главарям ревизионистской контрреволюции не оставалось ничего другого, как пригласить главарей «Солидарности» и стоявшие за ними силы, чтобы сдать им ключи. Но этот акт был не из легких.

Как мы уже сказали, узаконение «права на забастовки» с самого начала явилось победой также главарей ревизионистской контрреволюции у власти. Этой «уступкой» (вынужденная уступка) они старались дать своему черному портрету некоторые «демократичные» оттенки. А самое главное, этим фиктивным «правом» для пролетариата правители получили реальное право вовремя быть осведомленными о любой готовящейся забастовке, получили возможность одобрить или запретить «планируемые забастовки», так что, даже будучи не в состоянии отменить их, то, по крайней мере, могли принять меры, чтобы сделать их возможно менее

вредоносными. Касательно такого подхода к делам у них был опыт западных «демократичных» капиталистов. Однако надежды, которые ревизионистские лидеры возлагали на это узаконенное ими «право», не оправдывались. После «узаконения», забастовки стали более частыми и более массовыми. И когда дела приняли очень серьезный оборот и главари, манипулировавшие забастовками, решили, что правительство находилось в безвыходном положении и должно было вот-вот заявить о своем банкротстве, случилось то, что многие называли «шоковым ударом»: объявление чрезвычайного положения, вступление в силу военного закона, начиная с полуночи 13 декабря 1981 года. На самом деле, здесь не было и нет ничего «нового» или «неожиданного». Это есть подтверждение жизнью уже давно известной марксистской истины: правящая «демократичная» буржуазия разрешает «протестовать» и кричать, дает «право» проводить забастовки и демонстрации, позволяет даже «критиковать» ее самое, но если ее задеть за живое, если поставить под угрозу ее власть, то она сбросит с себя мантию демократа и в ход пустит кинжал и пулю.

Было подтверждено, таким образом, то, что товарищ Энвер Ходжа подчеркивал еще 20 лет назад:

«Буржуазия может позволить тебе проповедовать, потом она обрушит на твою голову фашистский кулак и сокрушит тебя»*.

Итак, разрекламированное в Польше «право на забастовки» было брошено в мусорный ящик. Польский пролетариат на протяжении полутора лет «со страстью» применял все «виды» забастовок («сидячая забастовка», «забастовка стоя», «предупредительная забастовка», «активная забастовка»,

* Энвер Ходжа. Соч., т. 19, стр. 392, алб. изд.

«частичная забастовка», «всеобщая забастовка» и т.д.), но теперь он лишился этого «права» и завоевал другое «право»: 15 лет тюремного заключения или расстрел на месте, в случае если осмелится еще заниматься такими «играми»! Говорят, что после «успокоения» положения правительство «снова возвратит рабочим неоспоримое право на забастовки»⁸⁰. Может, оно на самом деле возвратит его. Но что выиграли они от того, что на протяжении полутора лет участвовали в забастовках?! Ничего, кроме горького разочарования. Трудности и лишения росли с каждым днем, непрерывно уменьшалось производство, безработица стала страшной язвой, долги превысили сумму 27 миллиардов долларов, цены повысились в два-три раза, усилились беспорядки и волнения. Над капиталистическо-ревизионистской Польшей уже давно нависает катастрофа, зловещая тень которой все более и более тревожит пролетариат и народные массы; вот почему они в будущем могут снова включиться в забастовки, надеясь, что те принесут, наконец, ожидаемые результаты — улучшение, а не разорение.

«Партнерство» с властью

«Право рабочих высказывать свое мнение правительству», как и право «Солидарности» быть «партнером» существующей власти, ее «компаньоном» были разрекламированы как другая победа, якобы достигнутая польским пролетариатом.

Это одно и то же положение, давно проповедуемое представителями буржуазии о так называемых больших плодах «профсоюзной демокра-

тии», о «совместном управлении» предприятиями, т.е. угнетателями и угнетенными!

Как уже доказано классиками марксизма-ленинизма, капиталист (будь он владельцем предприятия или концерна или монополистическим капиталистическим государством покупает рабочего на рынке не для того, чтобы сделать его своим компаньоном, а в качестве товара, чтобы эксплуатировать его, чтобы присвоить себе ту специфическую черту, которой не наделен ни один другой товар — себестоимость, основу существования капитализма. При этом дискуссия, соглашение, сделка между капиталистом и рабочим или между капиталистическим государством и рабочим относится лишь к цене: по какой цене рабочий продает на рынке свою силу и по какой цене капиталист согласен купить ее. Только в этом аспекте заключается «сделка». После этого рабочий, как любой другой проданный товар, вынужден служить тому, кем он куплен. Без этого соотношения буржуа и пролетария не было бы капитализма, а из этого всеобщего правила капиталистическая Польша не составляет исключения.

До создания так называемых независимых профсоюзов рынок, где продавалась рабочая сила, находился в Польше в руках ревизионистской буржуазии. После сентября 1980 года к этому рынку приложили свои руки и ультракапиталистические силы, руководившие так называемыми независимыми профсоюзами, которые, играя в этом аспекте ту же роль, которую играли и «желтые короли» профсоюзов, использовали эту «победу» не только в качестве одного из средств взятия власти, но и для тех целей, для которых используют ее на Западе боссы так называемых свободных, независимых профсоюзов. Таким образом, так называемый компаньонаж или партнерство между ревизионистским правительством и «независимыми профсоюза-

ми» в Польше является ничем иным, как тем же «партнерством», которое уже давно существует на капиталистическом Западе между владельцами фирм, трестов, транснациональных корпораций, с одной стороны, и боссами таких профсоюзов, как «Международная конфедерация свободных профсоюзов», «Европейская Федерация профсоюзов», «Всемирная Федерация профсоюзов», «АФЛ-ЦИО» и т.д. и т.п. — с другой. Между ними да, имеется компаньонаж, партнерство, однако это — партнерство между вожаками, между владельцами.

Реальной действительностью этих стран подтверждено, что основа профсоюзов, рабочие, ничего не выигрывают, хотя они и все время питаются иллюзорной идеей: «вот мы и договорились с патронатом». Что касается профсоюзных лидеров, то они да, они выигрывают: высокие оклады и привилегии, предоставляемые буржуазией, и даже, как часто бывает, и кресла в высших инстанциях различных государственных органов.

Не может быть и речи о проповедуемых современными ревизионистами «компаньонаже» и «партнерстве» между организованным в профсоюзы рабочим классом и органами государственной власти в условиях диктатуры пролетариата. Государство диктатуры пролетариата является государством правящего рабочего класса и в этой системе профсоюзы превращаются в «школы коммунизма», в рычаги, проводящие линию партии в массы, вносящие в массы марксистско-ленинскую идеологию партии-авангарда. Это — их основная задача. Наряду с этой задачей и в тесной связи с ней профсоюзы, в условиях социализма, должны заниматься и большими вопросами труда и производства, всей экономической политикой партии, вносить свой вклад как в выработку этой линии, так и в претворение ее в жизнь. «Тот факт, что общественные организации являются составной частью системы

диктатуры пролетариата, — подчеркивает товарищ Энвер Ходжа, — не означает, что они, под маской «демократии» и предоставления им некоторых «государственных» компетенций, ... должны превратиться в «компаньонов» или «придатки» государственного аппарата». «... Профсоюзы, — подчеркивал Ленин, — являются организацией правящего, господствующего, правительствующего класса, того класса, который осуществляет диктатуру, того класса, который осуществляет государственное принуждение. Но это не есть организация государственная. это не есть организация принуждения ...»**.

Совершенно противоположное проповедовали и проповедают ревизионисты и оппортунисты всех мастей. Ленин еще в первые годы Советской власти нанес сокрушительный удар по анархо-синдикалистским тенденциям и взглядам Троцкого и др., но сразу же после второй мировой войны, когда в ряде стран был установлен социалистический строй, буржуазия нашла в лице югославских ревизионистов «новых» троцкистов, которые стали рупорами старого анархо-синдикализма. «Рабочие самоуправленческие советы» всех уровней, по их словам, являются «партнерами» соответствующих административно-государственных органов и организаций. После югославских ревизионистов это «открытие» восприняли все другие ревизионисты. Среди них венгры, поляки и другие проповедают и осуществляют его открыто, а другие — камуфлированно. Такое типично буржуазное мошенничество типично буржуазного общества они изображают ни больше ни меньше как «особенность социализма»,

* Энвер Ходжа. «Югославское самоуправление — капиталистическая теория и практика», стр. 110, Тирана, 1978, изд. на рус. яз.

** В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 2, алб. изд.

как характерную черту «реального», «подлинного», «вполне классового социализма»!

Что же это значит?

Известно, что социализм — это рабочий класс у власти, класс, который через свою партию-авангард управляет всей жизнью страны, имеет в своих руках средства производства, и своими людьми создает свои государственные, административные органы и организмы и т.д., которые обязаны осуществлять и защищать программу рабочего класса, отстаивать его интересы, его завоевания. Итак, какое место остается ревизионистскому положению «и рабочий класс у власти и рабочий класс — «партнер» власти»?! Партнер самого себя, компаньон самого себя — вот куда ведет ревизионистская логика!

Однако это не случайная ошибка современных ревизионистов. Всеми теоретизированиями о так называемом «компаньонаже при социализме» они преследуют одну единственную цель — скрыть горькую правду: ликвидацию социализма в своих странах. Ревизионистские лидеры, на каждом своем шагу сталкиваясь с недовольством и негодованием масс, непрерывно порождаемыми реставрированным капитализмом, вынуждены были позаимствовать у западной реакции теории «компаньонажа», которые они покрыли «социалистическим» лаком с тем, чтобы, как и в других капиталистических странах, обманывать рабочий класс иллюзорными идеями «соглашений» и «компаньонажа» с властью.

Так случилось и с польскими ревизионистскими лидерами и их заверениями в компаньонаже с «Солидарностью» и ее боссами.

Польская ревизионистская партия и польское ревизионистское правительство были вынуждены пойти на компромисс с «профсоюзной организацией», полагая, что он даст им возможность по

крайней мере в течение некоторого времени править спокойно, без сокрушительных травм и волнений снизу, со стороны недовольных и возмущенных масс. Предоставив профсоюзным лидерам льготы и привилегии боссов и признав их своими «партнерами», ревизионистские правители полагали, что те, довольные брошенной им костью, охотно возьмутся за игру западного синдикализма и будут сотрудничать с ревизионистским правительством в деле обмана масс, чтобы сообща умиротворить и обуздать их. В случае успешного выполнения этой миссии кто-либо или же некоторые из профсоюзных лидеров получили бы в «награду» за это кресла в высших партийных и правительственных органах и Сейме, что помогало бы дальше обманывать массы. Избрание в 1981 году на IX съезде ПОРП некоторых из «коммунистических» представителей «Солидарности» в ЦК и в Политбюро ЦК ПОРП, назначение представителя церкви и «Солидарности» на пост заместителя премьер-министра, — все это было доказательством «готовности» польской ревизионистской буржуазии довести до конца игру «партнерства» и «компаньонаж» с «Солидарностью».

Это есть, как сказать, *общее* между последним польским движением и «независимым» профсоюзным движением, манипулируемым буржуазией и реакцией в западных странах.

Особое же касается другого момента, причем именно это «особое» и является главной характеристикой последнего движения, часто называемого «польским профсоюзным движением». Самый известный представитель этого движения, «Солидарность», не была *чисто профсоюзной* организацией западного типа. Те, кто создал ее и руководил ею, взялись за это дело не просто ради того, чтобы вести профсоюзную игру. Она, как показали события, была скорее не профсоюзной организацией, а

политической организацией ультракапиталистической реакции, выступившей в качестве оппозиции и альтернативы по отношению к ревизионистской власти. По этой главной причине партнерство между «Солидарностью» и ревизионистским правительством было и остается более широким и более комплексным, чем партнерство между капиталом и профсоюзами на Западе. Со времени «Гданьского компромисса» 31 августа 1980 года оно изображалось в основном как соглашение между двумя оппозиционными течениями — между главарями ревизионистской контрреволюции и главарями ультракапиталистической контрреволюции. Каждая из сторон в этом аспекте пошла на компромисс, исходя из интересов тех групп и слоев буржуазии и реакции, которые она представляла, из интересов тех внутренних и внешних сил, которые стояли за ней.

Лидеры «Солидарности» пошли на компромисс с целью консолидировать завоеванные позиции, лучше организовать, перегруппировать силы и запланировать дальнейшие шаги.

Однако, объединенные своей идеологией и своими конечными контрреволюционными целями и в то же время в соперничестве друг с другом, готовые свергнуть друг друга, до мозга костей проникнутые страхом перед той поддержкой, которой каждая из них пользовалась внутри страны и за рубежом, обе стороны, заключив указанный компромисс, должны были включиться, как и включились, в жестокую игру за власть.

Этот аспект польского кризиса также представляется весьма сложным. Были и есть силы, заинтересованные в том, чтобы компромисс шел по пути «плавного» слияния обеих сторон в одну силу, но в обеих сторонах имелись и противные силы, которые упорно требовали идти дальше, идти по пути подрыва компромисса, ликвидации двоевла-

ствия и установления власти лишь одной стороны. И это вполне понятно: тот факт, что обе противостоявшие друг другу стороны являлись ветками одного и того же ствола, что они представляли только интересы польской буржуазии, что руководствовались одной и той же идеологией — буржуазной идеологией, наводил на мысль о том, что компромисс, заключенный в конце августа 1980 года, мог дальше углубляться и обе «противные стороны» могли слиться в одну силу. Однако в тот день, когда был заключен «компромисс», появились и трещины и противоречия между обеими сторонами. Последующие месяцы показали, что жесткая конфронтация, происходившая на почве борьбы за власть, была и остается спутником этого компромисса контрреволюционеров. К тому же конфронтация была еще более крупной и более сложной, чем компромисс. Если компромисс был и остался соглашением сверху, между главарями обоих крыльев контрреволюции, то в конфронтацию, кроме главарей, могли быть включены, как и включились, также и другие силы, внутренние и внешние, сторонники той или другой стороны или сторонники различных течений и группировок внутри каждой из сторон. Таким образом, внутренняя и внешняя реакция, которая «нашла» Валенсу, воспитала его и руководила им в борьбе за власть, сделала все это не ради развлекательного парада. Нет, прозападная внутренняя и внешняя реакция и католическая церковь превратили бывшего никому не известного Валенсу в «знаменитого» Валенсу для того, чтобы он до конца служил их интересам, чтобы он и окружавшие его люди вели дела туда и так, куда и как это выгодно прозападной реакции.

В противном случае, если бы валенсы мирились с существующим положением, удовлетворялись незначительными изменениями и не боролись за превращение Польши в явно и вполне проза-

падную страну, их постигла бы участь более жалкая, чем участь «звезд» голливудских фильмов, которые сверкают и тут же исчезают.

Это один из главных факторов, вызвавших конфронтацию между «партнерами». В этой конфронтации все более открыто участвовала третья сила, великая сила, которая, несмотря на то, что оказалась втянутой в не свою борьбу, несмотря на то, что ее всячески совращали и обманывали, все-таки требовала осуществления обещанного. Этой силой были польский пролетариат и польский народ. Они ничего не выигрывали от «большого права» на компаньонаж, если не считать того, что их «представители», Валенса с компанией, получили роскошные и уютные кабинеты и резиденции, свиты советников и личную охрану, право идти на встречи высокого уровня, даже и с первым секретарем ПОРП и премьер-министром Ярузельским, встретиться с профсоюзными, партийными и государственными деятелями, получить аудиенцию у кардинала Вышинского, а после его смерти — у его преемника Глемпа, завоевали право на паломничество в Ватикан, на встречу с духовным отцом Войтылой, с японскими милитаристами для ознакомления с их «опытом» и с американскими империалистами для получения директив...

Однако, если эти плоды партнерства вначале кому-либо могли показаться приятными и развлекательными, то для польского пролетариата они не означали ничего. Ведь польские рабочие поднялись на забастовки и демонстрации и «согласились» иметь своей главой Валенсу и его присных не для того, чтобы сделать забавные сюрпризы западному телевидению и не просто для удовлетворения тщеславия или осуществления целей 10 или 100 валенс и буюков. Нет, пролетарии сделали (или согласились сделать) то, что им сказали потому, что им

обещали дать то, чего у них не хватало. И они требовали, чтобы им давали именно то, чего не хватало у них, а не то, чего не хватало у лидеров.

Конфронтация, таким образом, все более росла, и каждая из сторон главарей контрреволюции чем больше подрывала заключенный компромисс, тем больше обвиняла другую сторону в том, что она не показывала себя откровенной «соперницей» и «компаньонкой»! Особенно активными были в этом аспекте лидеры «Солидарности». Поскольку «компаньон», стоявший у власти, делал им одну «уступку» за другой, они решили, что тот наконец заявит о своем банкротстве.

Между тем, именно тогда, когда они открыто требовали власти у «компаньона», этот последний посредством постановления, вынесенного 13 декабря в полночь, бросил в мусорный ящик все прежние заверения в «демократии» и «компаньонаже» и отправил своих «упрямых» и «неудержимых» соперников в концлагеря. Им было сказано, что, если они «умиротворятся», если они согласятся с существованием «социалистической Польши», конечно, «реформированной до основания», а самое главное, если они согласятся сдерживать возмущенных рабочих, то их выпустят на свободу, и в силу снова вступят партнерство и компаньонаж.

После вынесения в конце 1982 года постановления об отмене чрезвычайного положения, обещания возобновить «компаньонаж», по-видимому, были преданы забвению. «Военный совет национального спасения», руководимый Ярузельским, чувствует себя хозяином положения, а опыт 1982 года показал ему, что «национальное согласие» достигается не путем постоянных послаблений, а путем усиления строгих мер. Тем не менее, поскольку не исчезла ни одна из причин кризиса,

быть может, «Солидарность» воскреснет, быть может, создадутся условия и конъюнктуры для восстановления «партнерства» и «компаньонажа».

Однако, что выиграют польский пролетариат и польские трудящиеся от восстановления «компаньонажа»? Ответ один: ничего. Накопленный в этом отношении опыт — многозначительный, он служит хорошим уроком тем разочарованным людям, которые после восстановления «компаньонажа» могут задавать вопрос: что принесли нам все эти «победы»?

«Полное религиозное право».

Для рядового польского католика это дело не плохое, но и чего-либо особого тут нет. Более того, это не новая «победа», это право он — «слава богу!» — имел всю жизнь, еще при Гомулке и Гереке. Поэтому давайте остальное, остальное! Ведь польский католик является в то же время пролетарием, а как пролетарий он из своего многолетнего опыта знает, что даже если бы сама Святая обитель переселилась в Варшаву, даже если бы священники, кардиналы, монахи и монахини всего земного шара день и ночь молились богу: «улучшай условия Польши», все-таки, святым духом ничего не улучшается. А практическая логика пролетария, которая превосходит логику католика, говорит лидерам: давайте остальное, остальное!

«Повышение зарплат!»

— Вот что нам принесли «независимость» и «компаньонаж», — говорили они польским пролетариям.

Повышение зарплаты, правда, было одним из наиболее упорных требований, особенно в первой фазе движения, и факт то, что это требование «было хорошо встречено» и было удовлетворено властями, причем сразу.

Конечно, эта «победа», если ее вообще можно называть победой, не была ни делом великодушия ревизионистского клана, ни плодом «смелости» ультракапиталистического клана. Ее завоевали сами рабочие своей борьбой, заставив ревизионистское государство покупать рабочую силу на несколько золотых дороже.

Но акт *повышения зарплаты* еще не означает улучшения жизни. Деньги никуда не годятся, когда на рынке нет товаров. Когда повысились зарплаты, на польском рынке ощущался недостаток товаров, а позже их стало еще меньше, тогда как многие товары совсем исчезли.

Согласно докладу, сделанному в июле 1981 года последним премьер-министром Польши (с февраля 1980 года и до сих пор в Польше сменили друг друга четыре премьер-министра: Ярошевич, Бабиуш, Пинковский, Ярузельский) Ярузельским на IX, внеочередном съезде ПОРП, денежные доходы населения в июне 1981 года были на 23 процента больше по сравнению с тем же периодом предыдущего года, а количество товаров на рынке сократилось на 10 процентов по сравнению с соответствующим периодом 1980 года. Позже положение ухудшилось еще больше. С сентября 1980 года до сентября 1981 года снабжение рынка потребительскими товарами уменьшилось на треть, или

на 2,36 миллиарда долларов. Из-за отсутствия потребительских товаров в этот период закрылась одна треть магазинов, и ревизионистские власти заявили своим «партнерам» («Солидарности»), что, если они будут продолжать оказывать давление забастовками, то «население не будет в состоянии купить обувь и одежду на зиму». Хаос и анархия стали характерной чертой жизни Польши. «Нарушение равновесия между спросом и предложением, — сообщало Центральное статистическое ведомство Польши в октябре 1981 года, — стало еще более серьезным. Снабжение мясом и мясными продуктами в сентябре 1981 года уменьшилось на 25,8 процента по сравнению с тем же периодом 1980 года, рыбой — на 31 процент, жирами — на 30,8 процента. В сентябре не хватало сигарет, спичек, туалетного мыла, зубной пасты, мыльных порошков, очищающих средств и т.д.»⁸¹. Еще тяжелее стало положение месяц спустя. По сообщению агентства ПАП от 14 ноября 1981 года, промышленное производство в Польше сократилось в октябре на 14,5 процента по сравнению с сентябрем. За этот же период в то время как средние зарплаты повысились на 20 процентов, снабжение рынка мясом сократилось на 36,1 процента, рыбой — на 40,5 процента, яйцами — на 14,2 процента.

Итак, «наводнение» рынка деньгами сопровождалось его непрерывным опустошением. Инфляция стала неизлечимой язвой. В июле 1981 года в Польше каждый третий злотый был непокрытым товарами, и прогноз событий показывал, что в конце года это соотношение составит 2:1. Как подчеркивала газета «Зичие Варшавы» 28 июля 1981 года, в августе каждый день в Польше не покрывалось товарами 1,5 миллиарда злотых, а в конце года, по предварительным подсчетам, этот показатель мог составить 500-600 миллиардов злотых, или около одного биллиона непокрытых злотых,

если это соотношение составит 2:1, как предусматривалось подсчетами.⁸²

Таким образом, карман у польского пролетариата, быть может, и полон злотых, а брюхо пусто, так как денег не поешь и не попьешь. А ревизионистские лидеры (какая ирония!) в те моменты советовали рабочим вкладывать в сберкассу лишние деньги, накопленные в результате повышения зарплат и опустошения рынка!

Более того, поступая по обычаю буржуазии, которая левой рукой отнимает у пролетариев и масс то, что дает им правой рукой, польские правители непрерывно повышают цены. Это невиданный до того времени рост цен: только цены на хлеб, начиная с 1 августа 1981 года, повысились на 300 процентов по сравнению с предыдущим периодом. Галопирующими темпами росли цены и на другие товары широкого потребления, в частности на сельскохозяйственные и животноводческие продукты, особенно в 1982 году.

На своем горьком опыте убедившись, что и этот «плод» компаньонажа и «независимости» ничего ему не принес и не принесет, пролетариат снова поднимает свой голос: давайте остальное, остальное!

«Экономическая реформа», «рабочее самоуправление»

— Вот другая «победа», которую ты завоевал!
— говорили польскому пролетариату.

Об этой так называемой экономической реформе в Польше и за ее пределами на протяжении более одного года было сказано много слов,

было исписано очень много бумаги. Вовсю трубили о том, что она выведет страну из кризиса, а между тем кризис углублялся и расширялся более быстрыми темпами, чем дискуссии и теоретизирования о ней и об «антикризисе».

Эта реформа, которую ревизионистская группа вытаскивала из архива «гомулковских самоуправленческих реформ», проведенных в октябре 1956 года, представляла собой не что иное, как их освежение и обогащение новейшим опытом югославского «самоуправления», применение этого метода с учетом «специфических условий» Польши! Сама по себе эта «реформа» говорила о том, что польские ревизионисты бросили вон выцветшие и дрянные заплатки «социализма», который якобы существовал в стране и которым группы Гомулки и Герека прикрывали капиталистическое содержание социально-экономического строя в Польше.

Любопытно указать на тот факт, что добрая часть польских ревизионистских лидеров колебалась и колеблется и даже открыто выступает против широкого введения «самоуправления». «Не следует производить эксперименты в экономике, — писал 3 сентября 1981 года центральный орган ПОРП, «Трибуна Люду». — Их нужно производить над животными и материалами, и только после этого над людьми, а экономика является областью, имеющей дело с людьми». Такие колебания, такие противоречия открыто проявились в главном партийном и государственном руководстве, в Сейме, в печати и т.д. И дело отнюдь не в том, что противники «самоуправленческой реформы» были в принципе против капитализма! Наоборот. Дело также не в том, что они «боялись» нового «эксперимента» в экономике, как об этом заявляли некоторые ревизионистские лидеры. Нет, дело именно в том, что этот «эксперимент», то есть «самоуправление», уже давно производился в польской эконо-

мике, но он принес одни лишь поражения, разочарование и разочарование.

Но это еще не все; сама чемпионка «самоуправления», титовская Югославия, в этот период убедительно показывала, как подчеркивает товарищ Энвер Ходжа, к чему ведет «логический конец любой ревизионистской теории и практики»*. «Первоклассным должником, до основания расшатанным во всех отношениях, лишенным ясной перспективы и не обладающим средствами и силами, необходимыми для изыскания пути к спасению — такой стала уж титовская, самоуправленческая Югославия»**. Перед лицом такого полного краха классической страны «самоуправления» польские ревизионистские лидеры, естественно, пришли в замешательство, не найдя, однако, иного метода или пути к спасению.

Однако, был и другой фактор, которого боялись некоторые ревизионистские чиновники при обсуждении вопроса об узаконении «самоуправленческой реформы» в польской экономике.

В 1980-1981 годы флагом «самоуправления» в особенности размахивала «Солидарность». Эта организация разделяла мысль правящих ревизионистов о «необходимости реформы», но зато она полностью расходилась с ними во мнениях по многим ее аспектам. Правящие ревизионисты страшно боялись особенно целей, которые ультракапиталистические силы рассчитывали достичь посредством «самоуправленческих реформ». Это были явно политические цели: так называемая самоуправленческая реформа использовалась лидерами прозападной реакции

* Энвер Ходжа. «Титовцы» (Исторические записки), стр. 645, Тирана, 1983, изд. на рус. яз.

** Там же, стр. 646.

в качестве первого шага к власти. «Стратегическая цель «Солидарности», — без обиняков заявил один из лидеров «Солидарности», Й. Рувельский, — это взятие власти путем самоуправления, и это вполне возможно»⁸³. А Буяк на одном собрании в Кракове заявил: «Вначале надо прибрать к рукам предприятия, а потом по очереди — народные советы и Сейм»⁸⁴.

Вспыхнувшая в сентябре 1981 года острая конфронтация между «Солидарностью» и правящей правительственной группой по вопросу о том, кто должен назначать управляющих предприятиями, «рабочие советы» или правительство, непрерывные забастовки, участники которых требовали снятия тысяч руководителей предприятий и государственной администрации и даже партийных работников всех уровней и замены их другими — это лишь часть усилий вожаков «Солидарности» к осуществлению их стратегии — взятию власти.

Но в то время, как «наверху» шла борьба за власть, внизу, экономика, переведенная на путь «реформ», делала положение все более драматичным.

«Национальный доход за 1981 год, — заявил Ярузельский на IX съезде ПОРП, — будет на 15 процентов меньше, чем в прошлом году. В первой половине текущего года промышленное производство, предназначенное для рынка, было на 12,5 процента меньше соответствующего периода 1980 года, добыча каменного угля уменьшилась на 20 процентов, экспорт — на 17,3 процента, в эксплуатацию было сдано квартир на 30,3 процента меньше», в промышленности производственные мощности использовались только на 80-85 процентов, сельскохозяйственное производство пришло в невиданный упадок, инфляция получила невиданные размеры.

Так называемая революция, ползущая к власти,

для пролетариев и масс была, таким образом, ничем иным как падением целой горы новых страданий и лишений на их спину. В целях успешного проведения «экономической реформы» ревизионистские «эксперты» наметили другие срочные меры: замораживание уровня зарплат или их дальнейшее снижение, повышение цен на 200-300 процентов, установление полной карточной системы.

В рамках осуществления реформы было намерено снять с администрации около 700 000 человек⁸⁵, не считая 300 000 других, в которых «реформированная экономика» больше не нуждалась⁸⁶. Где могло устроиться миллион «снятых» и больше уже «не нужных» существующим мощностям польской экономики людей в такое время, когда безработица там уже давно стала гангреной? Им оставался только один путь — пополнить ряды десятков тысяч прежних безработных или отправиться на чужбину, как это поступали и поступают сотни тысяч других поляков...

Одним словом, «экономическая реформа», «самоуправление предприятиями» принесли польскому пролетариату и польскому народу лишь дальнейшее разорение и разочарование. Поэтому, чувствуя горький и обидный вкус и этой «победы», пролетарии снова и снова поднимут свой голос: давайте остальное, остальное!

«Мы заставили правительство воздвигнуть высокий памятник всем тем, которых она убила своими собственными руками в 1970 и 1976 годах» — говорили рабочим.

Чувство пролетарской солидарности и уважения «успокаивается» этим актом. Однако логика восстает: павшие встали вместе с нами, чтобы требовать того, чего мы требуем и сегодня: свободы, социальной справедливости и равенства, коренного улучшения условий жизни, пресечения несправедливостей и т.д. и т.п. Прежде, чем воздвигать па-

мятники павшим, надо осуществить чаяния, во имя которых они отдали свою жизнь.

Здесь можно привести 21 или 2001 требование, предъявленное во время движения и одобренное в моменты бесконечных компромиссов с правительством, но все они, по сути дела, не принесли и не принесут какого-либо улучшения или укрепления позиций пролетариата. Наоборот, пролетариат и трудящиеся массы оказались под двойным господством и гнетом: сил ревизионистской власти и прозападных сил. Таким образом, «профсоюзная независимость» обеспечила польскому пролетариату более жестокое, более интенсивное угнетение и эксплуатацию. Его жизненный уровень снизился еще больше, а политически он не выиграл ничего конкретного, кроме «славы» о его «смелости», о которой с шумом трубили в западном мире.

Более того, так называемая профсоюзная независимость и все, что с ней связано, еще больше осложнили польскому пролетариату перспективы, все более и более отдаляя его от выполнения своей исторической миссии. Знаменитое высказывание Ленина: «За чечевичную похлебку теперешним полицейским законом разрешенных организаций продали право пролетариата на революцию»* нашло свое полнейшее подтверждение в упомянутых «победах» польского пролетариата. Проникнутый буржуазной идеей о том, что сейчас, действуя «самостоятельно», он может достичь всего (!), польский пролетариат вынужден был включиться в долгую, скучную, утомительную борьбу, которой он хотел достичь «всего», но которой пожинал и будет пожинать лишь неудачу.

* В. И. Ленин. Избранные произведения, т. II, стр. 202, алб. изд.

Вот почему борьба, в которой принял участие польский пролетариат, была чужда ему и его классовым интересам. В конце концов, он, будучи обманутым, стал содействовать приходу к власти ультрареакционных сил. В начале декабря 1981 года последние полагали, что долгожданный и тщательно подготовленный момент настал. После заседания президиума «Солидарности» в Родоме, 11 декабря собрался в Гданьске так называемый Национальный комитет «Солидарности» с тем, чтобы сделать последний шаг к власти. Все говорило о том, что зима 1981 года для них будет настоящим летом.

«НЕОЖИДАННОСТЬ» 13 ДЕКАБРЯ ИЛИ ЛОГИЧЕСКОЕ СЛЕДСТВИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИЙ?

В то время, когда казалось, будто все было в пользу прозападных сил, манипулировавших миллионами людей, когда кое-кто полагал, что будут приняты и основные требования «Национального комитета Солидарности» о создании временного правительства и о новых выборах в Сейм, когда казалось, будто у ревизионистских правителей не осталось ничего другого, кроме как сдаться безоговорочно, случилось то, что теперь всем известно: удар 13 декабря 1981 года. В тот день, едва забрезжил свет, Ярузельский, обнародовав вынесенное постановление, отбросил прочь тогу «демократии» и показал всей нации и всему миру истинное политическое лицо свое и режима, который он представлял.

Порождение, называемое «Солидарностью», со всеми его ветками и листьями было объявлено незаконным. «Храбрецы» этой организации, собравшиеся в Гданьске инсценировать конечный акт контрреволюции в контрреволюции были пойманы как мышь в мышеловке. Вместо «доброе утро» власти направили против рабочих пулеметы и танки. «Право на забастовки» было заменено военным правом принудительных работ. По постановлению «Военного совета национального спасения» только два пути оставались открытыми для рабочих: либо приняться за работу, либо — в тюрьме и в концлагеря. В противном случае — слово за пулеметом!

Этот «поворот» в ходе событий лидеры западной реакции, в том числе американский президент Рейган, как и Берлингуэр и Каррильо, назвали и называют «польской неожиданностью», «шоковым ударом». В особенности эти последние и всякого рода ренегаты рабочего класса оплакивали и оплакивают «польскую драму» как «грубое нарушение демократии» и удивляются тому, как это возможно так неожиданно сорвать распустившийся в Польше «весенний цветок»!

На самом деле, в последнем «повороте» в ходе событий в Польше нет ничего неожиданного, нет ничего вне логики и закономерностей существующего строя. Так или иначе, по воле той или другой стороны контрреволюции дела должны были принять именно такой оборот. И когда речь идет об этой части истории, то установление чрезвычайного положения не следует считать «заслугой» или «виной» Ярузельского или 15 окружавших его генералов и полковников. Не они вздумали по «своей собственной воле» установить в стране чрезвычайное положение. Нет, чрезвычайное положение установили те слои новой польской буржуазии и те с ними связанные внутренние и внешние силы, которые, не видя другого пути к спасению,

продиктовали своим представителям у власти единственную еще «неиспользованную» альтернативу: открытое насилие. Ярузельский с компанией, верный защитник интересов тех, кто привел его к власти, сделал то, что делают все лидеры контрреволюционных режимов. И это хорошо известно: при таких режимах допускаются всякого рода «свободы», допускаются забастовки и демонстрации, допускаются организации и движения всякого политического и идеологического характера, с этими организациями и движениями вступают во всякого рода сделки, методом убеждения или принуждения заключаются различные «соглашения» и достигаются те или иные «концессии», однако, когда ставится под серьезную угрозу власть правящего класса, когда острие ножа доходит до костей, тогда может быть только один ответ: насильственное подавление всякой свободы и всякого протеста.

И это еще раз было подтверждено польскими событиями. В этом аспекте таково *общее* между капиталистической Польшей и любой другой капиталистической страной. *Особое* же состоит в том, что современная польская буржуазия разделена на два слоя, на две большие группы: одна связана и ориентируется на ревизионистский Восток, другая связана и ориентируется на капиталистический Запад. Борьба за власть шла и идет именно между этими двумя группировками. Однако, поскольку была борьбой за власть только одной группы в ущерб другой, то она должна была, и действительно была, очень жестокой, беспощадной, несмотря на то, что обе стороны принадлежат к одному и тому же классу. В особенности этому «повороту» в ходе событий способствовал сильный диктат советских социал-империалистов.

Так будет до тех пор, пока польский пролетариат не выступит на арене как самостоятельная сила, а не как сила, выступающая под руководством

других и за чуждые ей интересы. Встав на порочный путь, после военного удара он был застигнут врасплох и оказался сбитым с толку, дезорганизованным, брошенным на произвол танков, без какой-либо ясной тактики и стратегии на будущее.

Пятнадцать месяцев он выступал под руководством «Солидарности»; за это время он усвоил лишь половинчатую тактику контрреволюции, ограничивавшую движение снизу незначительными выступлениями с тем, чтобы пролетариат революционизировался лишь в той степени, в какой этого требовали цели и интересы тех, которые манипулировали им.

Забастовки пролетариата, его схватки с правительственными силами, особенно в районах Силезии, Гданьска, Люблина и др. после введения чрезвычайного положения, являлись скорее отчаянными действиями, вызванными развернувшимся террором, нежели организованным движением. Они быстро были подавлены войсками, и Польша в течение всего 1982 года жила в таком «покое», которого много лет страна не знала. Некоторые попытки боссов «Солидарности», живших в подполье, поднять отдельные контингенты рабочих на новые забастовки не дали почти никакого результата. Причины такого «умиротворения» положения внизу при таком строе, который непрерывно порождает недовольство и возмущение, многочисленные и комплексные. В этом сказывались и переутомление пролетариев таким движением, которое ничего не дало им, и утрата авторитета лидеров движения в глазах масс, и отсутствие в течение всего этого периода подлинного авангарда рабочего класса, призванного пробудить и мобилизовать рабочий класс на зрелые, правильные и хорошо обдуманые действия.

Среди уймы причин этого «умиротворения», несомненно, следует отметить и закон насильствен-

ного подавления любого протеста и возмущения, введенный 13 декабря 1981 года. Ярузельский с компанией этим «чрезвычайным» законом открыто и со всей жестокостью привел в действие в Польше то оружие, то средство, которое в странах «социалистического содружества» уже много лет считается *обычным* оружием и принесло ревизионистским лидерам «удовлетворительные результаты». Насильственное подавление еще в зародыше любого протеста и любого движения снизу — вот в чем заключалась и заключается одна из основных задач ревизионистских лидеров как в Советском Союзе, так и в странах — вассалах его. «Особое» для Польши в 1982 году заключалось в том, что армия действовала открыто и вершила закон во всей экономической, политической и общественной жизни. Но это только в 1982 году. В конце 1982 года армия «отступила» в казармы, чрезвычайное положение де-юре было приостановлено, а в июле 1983 года — «было снято». Однако де-факто остался в силе закон контрреволюционного насилия.

Между тем теперешнее «спокойное положение» в Польше, как и в других ревизионистских странах, совсем ложное. Пока не устранены глубокие социально-экономические причины, непрерывно порождающие недовольство и возмущение, пока там существует строй гнета и эксплуатации, подлинного спокойствия нет и быть не может. Возмущение кипит и нарастает под тяжелым бременем насилия. В один прекрасный день оно обязательно вспыхнет, однако важно, чтобы ни в Польше, ни в других странах это возмущение не было повторением «польского движения» 1980-1981 годов, не шло его путем.

Польский пролетариат, быть может, больше всех испытывал и испытывает горькие последствия движения контрреволюционной направленности, в

которой он принял участие. Из этих горьких последствий надо извлечь хорошие уроки.

Надо учесть, что в Польше, несмотря на установление закона насилия, силы контрреволюции в контрреволюции не сложили оружия. О том, какая напряженная борьба идет там между обоими крыльями контрреволюции, говорят и следующие факты: в период с начала 1982 года по май 1983 года ревизионистские власти обнаружили и ликвидировали более 670 подпольных групп «Солидарности», конфисковали около 1200 типографий и печатных станков, действовавших в подполье, несколько сотен пишущих машинок, свыше 730 000 листовок, 340 000 брошюр⁸⁷ и т.д. И тем не менее, ни подпольные группы «Солидарности», ни их средства пропаганды, обмана и действия не исчезли и не перестали работать. Наоборот, будучи порождением и спутниками ревизионистской контрреволюции, в будущем они поднимутся еще более решительно на борьбу за осуществление давнишних целей. Им помогают, их поддерживают весь империализм, вся международная реакция и Ватикан.

Насильственное подавление ревизионистской контрреволюцией последнего движения контрреволюционной направленности и удаление со сцены «Солидарности» используются внутренней и внешней польской реакцией как средство, помогающее им обманывать и постоянно держать в узде пролетариат и трудящиеся массы страны. «Если бы не удар 13 декабря, — говорят они рабочим, — все было бы разрешено правильно и успешно!» Жизнь показывает, что местные реакционные силы, поддерживаемые и подстрекаемые Ватиканом и ЦРУ, президентом Рейганом и премьер-министром Тэтчером, Штраусами капиталистического запада и др., не прекратили и не прекратят попыток воскресить «Солидарность». Свидетельство то-

му — и попытки поднять польский пролетариат 1 мая 1983 г. и в последующие дни на забастовки с требованиями снова объявить законной «Солидарность». В Гданьске, Вроцлаве, Нова-Гуте, Варшаве и др. эти попытки прозападной реакции нашли кое-какую поддержку, но это факт, что участие в них было весьма ограниченным. Польские ревизионистские лидеры и Москва объясняли это как факт, показывающий, что «Солидарность» «безвозвратно канула в прошлое», как подтверждение того, что ... польский пролетариат на стороне правящей ревизионистской группы! В свою очередь, польская прозападная реакция и весь империалистический мир, ухватившись за тех людей, которые выступали в поддержку «Солидарности», чрезмерно раздули это участие и стали утверждать, что польский пролетариат продолжает оставаться верным «Солидарности»!

Еще более очевидными стали поддержка и помощь капиталистического запада и Ватикана ультраправым силам в Польше во время визита папы в Польшу во второй половине июня 1983 года. Папа Джовани Павел II (алиас Кароль Войтыла-польский) поехал в Польшу не оттого, что «очень тосковал по родной стране» или чтобы почтить память «Святой Девы», а прежде всего с политическими целями. Как в публичных речах и мессах, так и во время официальных встреч и встреч с глазу на глаз с генералом Ярузельским, он открыто выступал в поддержку «Солидарности» и требовал ее восстановления в правах. Хотя он и делал вид, будто выступал не в качестве «руководителя оппозиции», его явно политические выступления и послания, крупные бандероли со словами «Папа — отец «Солидарности»» и т.д., лишней раз доказывали роль Ватикана во всем происшедшем в Польше в прошлом, они говорили о том, какие огромные усилия прилагает эта агентура реакции, чтобы

сохранить положение всеобщего хаоса и смятения в Польше и использовать его в интересах империализма. Совершая визит в Польшу, Папа стремился не столько оказать давление на ревизионистских правителей с тем, чтобы они предоставили свободу и права «оппозиции» и «Солидарности», сколько с помощью религии, католицизма призвать польских пролетариев и весь польский народ сохранять верность развалившемуся, но всегда реакционному зданию — «Солидарности».

Приведение в действие такой «сильной пешки», как Папа Римский, его открытая симпатия к «Солидарности», благословение с его стороны этой организации, изображение Ватиканом движения реакционной направленности, как «христианской революции» и т.д. и т.п., — все это не что иное, как новые маневры империализма и реакции, рассчитанные на дальнейшее надувательство польского пролетариата и польского народа, попытки держать их в своих руках и манипулировать ими с целью использовать их для осуществления своих стратегических планов.

Однако реальная действительность в Польше все более и более убеждает массы в том, что как одна, так и другая сторона контрреволюции одинаково враждебны интересам пролетариата и масс. Поэтому даже если бы движение, в котором польский пролетариат принимал участие почти два года, увенчалось взятием власти, то это было бы властью тех, кто управляет и манипулирует движением, то есть властью сил прозападного капитала. Победа или поражение этих сил не принесет ничего хорошего рабочему классу, как не может приносить никаких улучшений и временная победа ревизионистской контрреволюции. Как под властью одной, так и под властью другой стороны контрреволюции польскому пролетариату останется лишь вкусить те плоды, которые вкушает пролетариат в

капиталистических странах: гнет, эксплуатацию, вырождение, безработицу, постоянное повышение цен, падение уровня жизни, неуверенность в сегодняшнем и в будущем и т.д. и т.п.

«Но ведь все это было у меня и тогда, когда вы говорили, что я живу при социализме!» — поднимет голос окончательно разочарованный польский пролетариат. — Вы говорили, что виноват социализм!

А вы меня обманывали, господа»!

IV

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ — ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ К СПАСЕНИЮ И ПОБЕДЕ

Открытая и решительная борьба народных масс под руководством рабочего класса во главе с подлинной марксистско-ленинской партией — таков единственный путь к обеспечению и экономического развития, и свободы и независимости Родины, и восстановления социализма.

ЭНВЕР ХОДЖА

Единственной пользой, которую приносит и принесет польскому пролетариату контрреволюция в Польше, это то, что подчеркивали Маркс и Энгельс, говоря о контрреволюции 1848-1851 годов в Германии: народ завоевал утрату своих иллюзий!

Перед лицом горькой действительности одна

за другой рассеиваются и рассеяны иллюзии, которые польский пролетариат питал в отношении той или другой стороны контрреволюции. Перед ним, как и перед пролетариатом и народами других буржуазно-ревизионистских стран, стоит одна и та же первоочередная задача: встать на ноги, выйти на поле боя и *своими собственными силами* вновь совершить революцию, которой изменили и которую перечеркнули современные ревизионисты. Несомненно, это дело не из легких. Наоборот, это одно из самых трудных дел, но в то же время одна из самых неотложных задач, стоящих перед польским пролетариатом и польским народом.

Товарищ Энвер Ходжа, говоря о большом значении субъективного фактора в деле проведения революции и ее доведения до победного конца, подчеркивает особенно два основных компонента этого фактора: а) *высокую сознательность* и б) *готовность* масс к революции*.

При нынешних ситуациях у польского пролетариата больше всего отсутствовал первый компонент: *определенная степень революционной сознательности*. Причины этого мы увидели. Основной, стоящей перед ним задачей, теперь является именно разъяснение умов, их вдохновение марксистско-ленинской идеологией.

«Для подготовки субъективного фактора, — указывает товарищ Энвер Ходжа, — ... решающую роль играет революционная партия рабочего класса, руководство, воспитание и мобилизация ею революционных масс»**.

Такой партии, *марксистско-ленинской* партии не было и еще нет в Польше. Как ревизионистские,

* См. Энвер Ходжа. «Империализм и революция», стр. 170, Тирана, 1979, изд. на рус. яз.

** Там же, стр. 171.

так и ультракапиталистические силы в яростной, почти 30-летней кампании против социализма и марксизма-ленинизма стремились предотвратить или хотя бы как можно дольше задержать создание такой партии. Но сейчас, когда пропаганда, выдававшая ПОРП за коммунистическую партию, уже не действует, когда с ней срывают и последние маски, польский пролетариат начинает сознавать, что у этой партии нет ничего коммунистического, что она не является его партией, партией пролетариата. Таким образом, наиболее сознательные и передовые элементы польского пролетариата имеют условия и возможности организовать, выработать здоровую марксистско-ленинскую линию и программу и бороться за привлечение масс на свою сторону.

Напуганные возможностью основания такой пролетарской партии, под диктатом советских социал-империалистов ревизионистские силы пытались и пытаются опередить события. В процессе распада того, что осталось от ПОРП, наряду с «клубами» и «форумами» всех мастей, в Польше появились и так называемые марксистско-ленинские форумы, в которых группировались наиболее тесно связанные с Москвой и наиболее покорные ей члены ПОРП. «Заявления» и «программы» этих последних, изобиловавшие «марксистскими» фразами и требованиями занять «жестокую» позицию в отношении контрреволюции, в полном виде помещались в «Правде» и широко обнародовались ТАСС-ом и другими средствами советской пропаганды. Эти «форумы», созданные и управляемые рукой Москвы, служили целому ряду целей.

В первую очередь, они служили средством давления на польское руководство с тем, чтобы оно хорошо обдумывало свои слова, чтобы оно во имя «ленинизма», «научного социализма» сохранило статус Польши, зависимой от советского соци-

ал-империализма. Однако, если бы ПОРП полностью и открыто перешла на сторону ультраправой реакции, то так называемые марксистско-ленинские форумы послужили бы готовой основой «новой партии», которая, отбросив прочь «ревизионизм» ПОРП, видите ли, унаследовала бы «все хорошее» от того периода, когда ПОРП стояла на «прочных позициях», и продолжала бы «вести» Польшу по «социалистическому» пути (то есть по пути, выгодному советским социал-империалистам). Более того. Эти так называемые марксистско-ленинские форумы служили и служат ревизионистским предателям ловушкой для обмана и совращения тех здоровых элементов и сил, которые уже понимают, что вся беда Польши заключается в отходе от марксизма-ленинизма и в полном обуржуазивании Польской объединенной рабочей партии. Итак, Москва приняла все меры к тому, чтобы все эти элементы были заманены в ее ловушку, то есть чтобы они вошли в те «форумы», которые «Правда» выдает за «марксистско-ленинские», но которые являются просто агентурными группировками советского социал-империализма.

Польскому пролетариату не нужны такие «форумы» и такие «партии», даже если они имеют по ста этикеток «антиревизионистских» и «марксистско-ленинских». Подлинной партией-авангардом пролетариата любой страны, а в данном случае польского пролетариата, может быть лишь та партия, которая, помимо всего другого, не только будет всеми силами бороться против предательской Польской объединенной рабочей партии, но и не будет поддерживать никаких связей, наоборот, будет вести решительную борьбу со всеми ревизионистскими течениями и партиями, в первую очередь, с КПСС и хрущевским современным ревизионизмом. Вооруженная марксистско-ленинской теорией, ясной и боевой программой и обладая еще

четкой организованностью своих рядов, такая партия сумеет руководить рабочим классом и трудящимися массами в классовой борьбе, не зависящей ни от какой другой силы, ни от какой другой идеологии, кроме марксизма-ленинизма.

Большой обман со стороны партий реакции, скрывавшихся и скрывающихся за так называемым профсоюзным движением и за «Солидарностью», является горьким, но зато поучительным уроком для польского пролетариата. Подлинная партия пролетариата, учит марксизм-ленинизм, не скрывает от масс ни своего существования, ни идеологии, которой она руководствуется, ни революционной программы, с которой она выступает перед массами. Марксистско-ленинская партия обязана своей правильной и научной линией, своим непрерывным, неустанным трудом вновь пробудить и укреплять в пролетариате и народе веру «в правильность и универсальность марксистско-ленинской теории, указывающей верный путь ко взятию власти пролетариатом и другими угнетенными массами»*. Уйма фактов о совершаемых ныне в Польше подлостях, идеологических и политических махинациях, если до сих пор служила и служит в руках реакции «сырьем» для надувательства масс, то в будущем будет более действенно служить в руках марксистско-ленинской партии «сырьем», показывающим, в какую пропасть буржуазно-ревизионистская реакция ведет польский пролетариат и польский народ.

В руках реакции мощным бастионом, оказывающим большое влияние на трудящиеся массы Польши, является католическая церковь и вообще религиозная идеология. Марксистско-ленинская партия не может не учитывать этот бастион в сво-

* Энвер Ходжа, «Империализм и революция», стр. 189-190, Тирана, 1979, изд. на рус. яз.

ей борьбе за массы и за подготовку их к революции.

Убежденная в том, что церковь и религиозная идеология всегда и везде являлись и являются не чем иным, как заклятыми врагами революции, но в то же время сознавая, что искоренение религиозной идеологии из сознания масс никоим образом не может быть одной из неотложных задач пролетарской революции, марксистско-ленинская партия умело проводит нужное различие между пролетарием, как революционером, и пролетарием, как верующим. Так же, как не может поднимать массы на революцию, религиозная идеология, какой бы сдерживающей силой она ни была, не может увести массы в сторону от революции. Умение марксистско-ленинской партии заключается в том, чтобы, не смешивая своего знамени и своей программы со знаменем и с программой церкви и духовенства, вырвать у церкви знамя «традиционной» защитницы национальной независимости и привлечь на свою сторону массы, верующих и неверующих, во имя великой неотложной миссии: взятия власти, освобождения от экономического и политического ярма внутреннего и иностранного капитала. После совершения такого великого дела для пришедшего к власти рабочего класса вопрос о других «ярмах», особенно духовных, является его внутренним делом, которое не разрешается и не может разрешаться ни насильем, ни одним единственным актом, но которое в то же время не должно быть предано самотеку. Последовательность революции, ее углубление во всех областях, как свидетельствует богатый опыт Албанской партии Труда и социалистического строительства в Албании, все более убедительно показывает пришедшим к власти массам, что им мешает и под каким порывом развиваются их силы и энергия, что они должны отбрасывать прочь и что долж-

ны по своей собственной воле воспринять в обществе, которое они построят и благами которого сами будут пользоваться.

Однако это вопрос, относящийся к периоду после взятия власти. Неотложной же задачей ныне в Польше является пробуждение сознания обманутых, заблудившихся людей и *создание под руководством пролетариата во главе с подлинной марксистско-ленинской партией единого фронта широких народных масс*, способного решительно выступить против всех происков и махинаций контрреволюции.

На что способен сплоченный пролетариат, это, помимо бесконечных примеров из своей истории и из революций в других странах, польский рабочий класс видит на своем опыте последних двух лет. Если ревизионистское польское правительство и было вынуждено делать уступки на каждом шагу и во всех отношениях, если силы прозападной реакции окрепли и занимали одну позицию за другой на пути к власти, то это произошло потому, что в действие было приведено несколько миллионов рабочих и трудящихся. Эти последние являются незаменимой силой для осуществления любого изменения или преобразования. Несчастье этих миллионов заключается в том, что они сплотились и выступили под чужие знамена. Именно по этой причине результат их борьбы не мог быть ничем иным, как полным поражением, она была подавлена при помощи силы. Повседневный опыт учит польский пролетариат, что такого рода сплочение под руководством реакции ему не нужно.

Трудности, несомненно, есть и будут, причем большие. Благодаря предательской линии ПОРП, Польша уже давно превратилась в арену, где тесно переплетаются и сталкиваются *интересы многих империалистическо-ревизионистских держав, в первую очередь, интересы двух сверхдержав*. Каждая

из них имеет свои опорные базы в Польше и старается манипулировать ими, укрепить и использовать их в своих политических, идеологических и экономических интересах. Каждая из них делает вид, будто хочет и делает все возможное, чтобы «избавить» Польшу и польский народ от постигших их бед, однако, как мы уже отметили, сами эти империалистические державы и сверхдержавы являются одним из главных факторов, доведших Польшу до такого положения. В первые же дни последнего кризиса в Польше Албанская партия Труда, поднимая свой интернационалистический голос, отмечала в частности: «При созданных в Польше сложных ситуациях польскому пролетариату, характеризующемуся высоким духом возмущения и стойкостью, надо как никогда раньше видеть, как ревизионисты, социал-империалисты и международная реакция спекулируют его борьбой и стремятся в своих интересах использовать ее. Поэтому он не должен дать себя обмануть ни «самокритикой» Герека, ни советами советских социал-империалистов, ни ложной солидарностью американских империалистов и западногерманских милитаристов, ни благословением Ватикана»*. Такая твердая позиция в отношении политики и стремлений международной буржуазно-ревизионистской реакции в Польше должна проявляться в первую очередь в противодействии внутренним силам, являющимся контингентами одной или другой сверхдержавы и играющим на руку иностранным хозяевам.

Польский пролетариат, руководимый своей марксистско-ленинской партией, сумеет, не мирясь ни с одной из сторон контрреволюции, *четко отличить своих внутренних и внешних врагов от своих естественных союзников в революции.* До сих пор

* «Зери и популлыт», 7 сентября 1980 г.

польский пролетариат свою руководящую роль предоставлял одной или другой партии реакции. После стольких десятилетий борьбы и поражений он должен извлечь большие уроки из горьких ошибок прошлого.

В будущем революционном движении он наверняка будет выступать не только как великая боевая сила, но и как руководящая сила в революции, никому другому не предоставляя эту роль и ни с кем не деля ее. «Гегемония пролетариата в революции, — подчеркивает товарищ Энвер Ходжа, — имеет решающее значение для разрешения в его пользу и в пользу народных масс основного вопроса революции, вопроса о политической власти»*.

Вместе со своими естественными союзниками, в первую очередь с трудящимся крестьянством, пролетариат должен выступить как против правящего ревизионистского клана, так и против ультракапиталистического клана, против всей их внутренней и внешней опоры.

Итак, пролетариат и трудящиеся массы Польши, оказавшиеся меж двух больших группировок польской реакции, меж двух огней, зажженных каждой из этих группировок в их контрреволюционных интересах, найдут спасение лишь в том случае, если они поднимутся как самостоятельная сила и зажгут огонь революционной борьбы.

Такую же позицию, отмечала АПТ, должны занять польский пролетариат и польский народ и в отношении иностранных реакционных сил, которые лезут из кожи вон, чтобы обмануть их в своих корыстных интересах. За «солидарностью» самых реакционных кругов капиталистического Запада с нынешним польским «движением» скрывается новая сеть нового рабства западного империализма,

* Энвер Ходжа. «Империализм и революция», стр. 253, Тирана, 1979, изд. на рус. яз.

так же как за «заботой» советских социал-империалистов и их лакеев скрываются попытки сохранить прежние гнет и зависимость. Все «распри», «раздоры» и «противоречия» относительно «польского вопроса» между внешними союзниками каждой стороны контрреволюции в Польше являются лишь базарными распрями: каждая из них пытается забрать Польшу в лапы, каждая из них старается нажиться на поте и крови польского пролетариата.

Перед лицом опасности революции, партии и группировки буржуазии и реакции оставляют в стороне базарные противоречия и сплачиваются во имя основной цели: подавления революции.

Но этого не боится и не будет бояться польский пролетариат, известный в истории своими революционными традициями. Дело, за которое он поднимется — правое, а это самый надежный залог победы над любым врагом и над объединенными силами внутренних и внешних врагов.

«Путь к избавлению рабочего класса и народа Польши, как и всех других ревизионистских стран, от капиталистической эксплуатации и иностранного гнета, — отметил товарищ Энвер Ходжа на VIII съезде АПТ, — это не примирение с существующим ревизионистским режимом и с рабством советского социал-империализма и не объединение с западным капиталом и реакцией. Открытая и решительная борьба народных масс под руководством рабочего класса, во главе с подлинной марксистско-ленинской партией — таков единственный путь к обеспечению и экономического развития, и свободы и независимости родины, и восстановления социализма»*.

Для подготовки и мобилизации трудящихся масс на революцию, — учит марксизм-ленинизм,

* Энвер Ходжа. Доклад на VIII съезде АПТ, стр. 187-188, Тирана, 1981, изд. на рус. яз.

особое значение имеют *разоблачение буржуазно-ревизионистских теорий и практики о синдикализме*, ликвидация профсоюзов, манипулируемых ревизионистской и капиталистической реакцией и организация пролетариата в *новые, революционные профсоюзы, в классовые профсоюзы пролетариата*, руководимые марксистско-ленинской партией.

«Порождения» последних лет, так называемые независимые профсоюзы вызвали и вызывают еще больший раскол, разброд и смятение в рядах пролетариата и трудящихся масс в Польше. Однако в огне борьбы за власть эти организмы с каждым днем все более и более разоблачались как орудие политической борьбы в руках различных кланов реакции. Именно поэтому теперь условия для их разоблачения, для избавления от их оков более благоприятные, чем в период «спокойного», «мирного» развития. Пролетариат так, как разорвал оковы профсоюзов, манипулируемых ревизионистами, обязан разорвать и оковы профсоюзов, манипулируемых валенсами, буяками и русвельками, причем разорвать их он должен как можно скорее, не давая «профсоюзным лидерам» силой пролетариата превратиться в хозяев власти. Его борьба должна содействовать не смене хозяев, а их ликвидации.

В процессе усилий к мобилизации и организации своих сил под руководством марксистско-ленинской партии польский пролетариат, как и пролетариат любой другой буржуазно-ревизионистской страны, осознает, что революционный путь нельзя втиснуть в рамки профсоюзного движения даже и в том случае, если это движение находится целиком в руках пролетариата и если оно развивается правильно. Так, как организация пролетариата в революционные профсоюзы является лишь одной из многочисленных форм организации масс, и профсоюзное движение является одной из многочисленных форм классового движения. Всякая ил-

люзия в этом отношении чревата серьезными последствиями. Классовое движение, основанное только на профсоюзном движении, не может иметь иного конца, кроме превращения в реформизм.

Основная цель революции не улучшение власти посредством реформ, а уничтожение существующей власти и установление вместо нее новой власти, власти диктатуры пролетариата. Эта цель никогда не может быть достигнута посредством синдикализма. «Синдикализм либо отрицает революционную диктатуру пролетариата, либо сводит ее, как и вообще политическую власть, на девятое место»*, — подчеркивал Ленин. Поэтому надо работать «над превращением пока только профессионального движения в политическое и в непосредственно-революционное»**, — вот к чему великий Ленин в свое время призывал коммунистические и рабочие партии стран, где господствовал капитал. Этот призыв, являющийся актуальным и ныне для польского пролетариата, основательно манипулируемого теоретизированиями о реформистском синдикализме, приобретает особое значение.

Как и во всей своей истории, в последние годы польский пролетариат показывает, что он долго не терпит гнета и разорения, что у него высокий дух возмущения, выступлений против социально-экономических несправедливостей. Широкое забастовочное движение, в котором он принял участие, было выражением не только тяжелого и невыносимого положения, которое существовало (и существует) в Польше, но и готовности масс подняться на конкретные действия против такого положения. Задача марксистско-ленинской партии в том и заключается, чтобы *этот дух возмущения, эту готовность масс к выступлениям поставить на службу*

* В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 100, алб. изд.

** В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 56, алб. изд.

революции. Факт то, что польский пролетариат до сих пор наносит удар стоящим у власти ревизионистам справа, наносит им удар своей рукой, но глазом и душой прозападных контрреволюционных сил. Именно в этом заключалось и заключается несчастье этого движения. Рабочему классу и трудящимся массам должно быть ясно, что их готовность к выступлениям должна быть направлена не только против современных ревизионистов и их социалимпериалистических союзников, но в той же степени и против внутренних ультракапиталистических сил, против губительного влияния католической церкви, против связи с западным капиталом, с реакцией и Ватиканом. Без фронтального и радикального удара против всех антиреволюционных сил готовность масс к выступлениям идет на руку кланам буржуазии, содействует приходу к власти того или другого клана, а не приходу к власти пролетариата.

Партия пролетариата разъясняет массам, что в долгом пути революции *забастовочное движение является лишь одной из форм классовой борьбы, но не основной и не последней формой.* Как подтверждает польская действительность, ограничение движения рабочего класса рамками забастовочного движения, тщательно манипулируемого реакцией, не только не приносит ничего хорошего пролетариату, но, того хуже, приводит к тому, что его энергия иссякает без пользы для дела, в силу чего дискредитируется революционная сущность самого забастовочного движения. Задача революционного пролетариата заключается в том, чтобы, используя мощное забастовочное движение для завоевания в рамках существующего строя того, что можно завоевать, рассматривать это движение и использовать его в качестве первого шага к наивысшим формам классовой борьбы, в качестве гимнастики революции, в качестве начальной формы

для подготовки масс, для их организации и мобилизации на предстоящие жестокие, но решающие, битвы.

В противном случае, готовность масс к выступлениям остается готовностью к маленьким шагам, готовностью «силой» выпрашивать отдельные реформы, некоторые сиюминутные улучшения. Такое поведение пролетариата поддерживает ложную идею о том, будто он борется, но ... «лбом стены не прошибешь». Насилие, к которому прибегло правительство Ярузельского после 13 декабря 1981 года, может укрепить и углубить эту пораженческую и пагубную мысль. Однако, если в Польше движение, называемое рабочим, и было подавлено этим насилием, то оно было подавлено потому, что не было подлинным рабочим движением, не было революционным движением. Если пролетариат сознает правоту борьбы, на которую он поднимется, если им руководит подлинная партия класса, если, наконец, он вооружен ясной революционной стратегией и тактикой, то он, естественно, правильно намечает любой свой шаг, предусматривает и успехи, и временные неудачи и т.д. В таком случае он принимает все меры к тому, чтобы и из неудач выходил еще более организованным, еще более преисполненным решимости довести свою борьбу до победного конца. Это подтверждается великим опытом всех совершенных до сих пор революций, это подтверждается и опытом победившей революции в Албании.

В противном случае, небольшие выступления за небольшие завоевания, вызываемые буржуазной идеей о том, что бастион существующего строя неприступный, все время сковывают силы пролетариата. Это готовность мещанина, который на всех перекрестках трубит о «больших подвигах», но заблуждается и удовлетворяется брошенной к его ногам костью.

Польский пролетариат своими мощными выступлениями, несмотря на то, что они были пронизаны контрреволюционным духом, доказал, что не выносит гнета и не довольствуется «небольшими победами» и тем более подачками, на которые вынуждена идти правящая буржуазия, не склоняется на них. Как отмечала АПТ через газету «Зери и популлыт» 13 февраля 1981 года, «Польша революции не умерла и не умрет, она лишь сбилась с пути». Ныне, окончательно разочаровавшись, но и до предела возмущившись горькой действительностью, польский рабочий класс не видит иного выхода, кроме как выйти на свой верный путь, на путь революции. «Это, конечно, — отмечает товарищ Энвер Ходжа, — требует решимости, смелости, жертв, возрождения революционного духа и революционных традиций времен Ленина и Сталина. Это требует, в первую очередь и прежде всего, чтобы настоящие революционеры организовались в новые, марксистско-ленинские партии, которые должны будут мобилизовать, организовать и повести их к победе всеобщего восстания пролетариата и других трудящихся масс».*

* Энвер Ходжа. «Против современного ревизионизма», 1968-1970, стр. 84-85, алб. изд.

ИСТОЧНИКИ

1. ПАП, 26 июня 1980 Г.
2. «Трибуна Люду», 4 августа 1980 г.
3. ПАП, 16 августа 1980 г.
4. «Вельт», 17 августа 1980 г.
5. «Трибуна Люду», 19 августа 1980 г.
6. Там же, 21 августа 1980 г.
7. Там же, 25 августа 1980 г.
8. Материалы о I съезде ПОРП. Фонд 14, дело 1, ЦПА.
9. Там же.
10. Материалы о II съезде ПОРП. Фонд 14, дело 3, ЦПА.
11. Там же.
12. Там же.
13. Материалы о I съезде ПОРП. Фонд 14, дело 1, ЦПА.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Материалы о II съезде ПОРП. Фонд 14, дело 3, стр. 3, ЦПА.
18. Материалы IX пленума ЦК ПОРП, стр. 1, Фонд 14, дело 6, ЦПА.
19. Т. Геде: 40 лет КП Польши, Москва, 1959.
20. ЦПА, Фонд 14, дело 23.
21. Материалы «Совещания руководителей социалистических стран» Москва, июнь 1956 г., ЦПА.
22. Материалы о VIII пленуме ЦК ПОРП, октябрь 1956 г. Фонд 14, дело 6, стр. 22, ЦПА.
23. Там же, стр. 23/1-24.

24. Информационный бюллетень о VIII пленуме ЦК ПОРП. Фонд 14, дело 6, ЦПА.
25. Там же.
26. Там же, стр. 18.
27. Эсхил, «Орестия», Трагедия первая — Агамемнон.
28. Информационный бюллетень о VIII пленуме ЦК ПОРП. Фонд 14, дело 6, ЦПА.
29. Инструкция ЦК ПОРП, направленная всем партийным инстанциям и первичным организациям, ноябрь 1957 г., Фонд 14, дело 2, стр. 3-4, ЦПА.
30. Доклад В. Гомулки на X пленуме ЦК ПОРП, 24 октября 1957 г., стр. 3, ЦПА.
31. Там же, стр. 4.
32. Речь В. Гомулки на IX пленуме ЦК ПОРП, май 1957 г., стр. 25-26, ЦПА.
33. Информационный бюллетень о VIII пленуме ЦК ПОРП. Фонд 14, дело 1, стр. 20-21, ЦПА.
34. Речь В. Гомулки на IX пленуме ЦК ПОРП, май 1957 г., стр. 38, ЦПА.
35. Там же, стр. 38.
36. Информационный бюллетень о VIII пленуме ЦК ПОРП. Фонд 14, дело 6, стр. 31, ЦПА.
37. Речь В. Гомулки на IX пленуме ЦК ПОРП, май 1957 г., стр. 3, ЦПА.
38. III съезд ПОРП, март 1959 г., стр. 104, ЦПА.
39. Информационный бюллетень о VIII пленуме ЦК ПОРП. Фонд 14, дело 6, стр. 20-21, ЦПА.
40. Там же, стр. 23.
41. Там же.
42. Там же, стр. 26.
43. Доклад В. Гомулки на X пленуме ЦК ПОРП, октябрь 1956 г. Дело 5/В, стр. 35, ЦПА.
44. Информационный бюллетень о VIII пленуме ЦК ПОРП. Фонд 14, дело 6, стр. 23, ЦПА.
45. Доклад В. Гомулки на X пленуме ЦК ПОРП, октябрь 1956 г. Дело 5/В, стр. 46, ЦПА.
46. Информационный бюллетень о VIII пленуме ЦК ПОРП.

- Фонд 14, дело 6, стр. 23/1, ЦПА.
47. Материалы X пленума ЦК ПОРП, октябрь 1957 г., стр. 43, ЦПА.
 48. Там же.
 49. Там же, стр. 45.
 50. Информационный бюллетень о VIII пленуме ЦК ПОРП. Фонд 14, дело 6, стр. 22, ЦПА.
 51. Там же.
 52. Доклад В. Гомулки на X пленуме ЦК ПОРП, октябрь 1956 г. Дело 5/В, стр. 21, ЦПА.
 53. Там же, стр. 6.
 54. Там же.
 55. Там же, стр. 10.
 56. Инструкция ЦК ПОРП, направленная всем партийным инстанциям и первичным организациям, ноябрь 1957 г., стр. 1, ЦПА.
 57. Там же.
 58. Доклад В. Гомулки на X пленуме ЦК ПОРП, стр. 30, ЦПА.
 59. Материалы X пленума ЦК ПОРП, стр. 44, ЦПА.
 60. Доклад В. Гомулки на X пленуме ЦК ПОРП, стр. 31, ЦПА.
 61. Там же.
 62. Там же, стр. 32.
 63. Там же, стр. 34.
 64. Там же, стр. 46.
 65. ПАП, 12 марта 1970 г., 4 июня 1979 г.;
«Гардиан», 18 октября 1978 г., стр. 15;
«Зюддойче Цайтунг», 13 октября 1978 г., стр. 8;
«Монд», 10-11 февраля 1980 г.
 66. «Экономист», 5 октября 1974 г., стр. 51.
 67. Там же.
 68. «Нью-Йорк таймс», 21 октября 1974 г., стр. 53.
 69. АФП, 26 мая 1980 г.
 70. «Нове дроги», № 6/1979, стр. 61.
 71. «Известия», 6 июня 1974 г.
 72. «Нове дроги», № 3/1979, стр. 22.

73. «Реляциони интернационали», № 33-34, 30 августа 1980 г., стр. 740.
74. Материалы IX съезда ПОРП, июль 1981 г.. ЦПА.
75. «Трибуна люду», 16 сентября 1980 г.
76. Там же, 11 ноября 1980 г.
77. Доклад на IX пленуме ЦК ПОРП, март 1981 г., «Трибуна люду», 31 марта 1981 г.
78. ПАП, 11 декабря 1981 г.
79. «Трибуна люду», 31 марта 1981 г.
80. ПАП, 14 декабря 1981 г.
81. ПАП, 25 октября 1981 г.
82. «Зичие Варшавы», 28 июля 1981 г.
83. «Трибуна люду», 4 сентября 1981 г.
84. Цитировано по материалам IX съезда ПОРП, ЦПА.
85. «Трибуна люду», 5 сентября 1981 г.
86. Там же, 27 июля 1981 г.
87. «Красная звезда», 24 июня 1983 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

I

КРАТКАЯ ХРОНИКА ЛЕТА 1980 ГОДА

Нащупывание пульса	6
Жгучая августовская волна	15
Революция или контрреволюция?	33

II

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В КОНТРРЕВОЛЮЦИИ 47

Две диаметрально противоположные позиции	48
Особое проявление контрреволюции	53

Отход от марксизма-ленинизма 65

Предшественники контрреволюции	66
Предпосылки для скатывания ПОРП в ревизионизм	71
До и после пресловутого съезда	86
Первое проявление контрреволюции в контрреволюции	97

Ревизионизм рвется вперед	111
От соглашения к конфронтации и наоборот	133
<i>Мнение диалектики</i>	147
Конец В. Гомулки	148
Конец Э. Герека	165
Конец ПОРП	179
<i>Под чужими флагами</i>	191

III

«НЕЗАВИСИМОСТЬ» ПРОФСОЮЗОВ — ОПРАВДАНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ

<i>Были ли действительно независимыми польские «независимые профсоюзы»?</i>	221
<i>Зачем нужна реакции «профсоюзная зависи- мость» в Польше?</i>	233
<i>Какие «победы» принесла польскому пролетариату «профсоюзная независимость»?</i>	249
«Право на забастовки»	249
«Партнерство» с властью	259
«Полное религиозное право»	269
«Повышение зарплат»	270
«Экономическая реформа», и т.д.	272
<i>«Неожиданность» 13 декабря или логическое след- ствие контрреволюции?</i>	278

IV

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ — ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ К СПАСЕНИЮ И ПОБЕДЕ

Источники	303
-----------	-----

